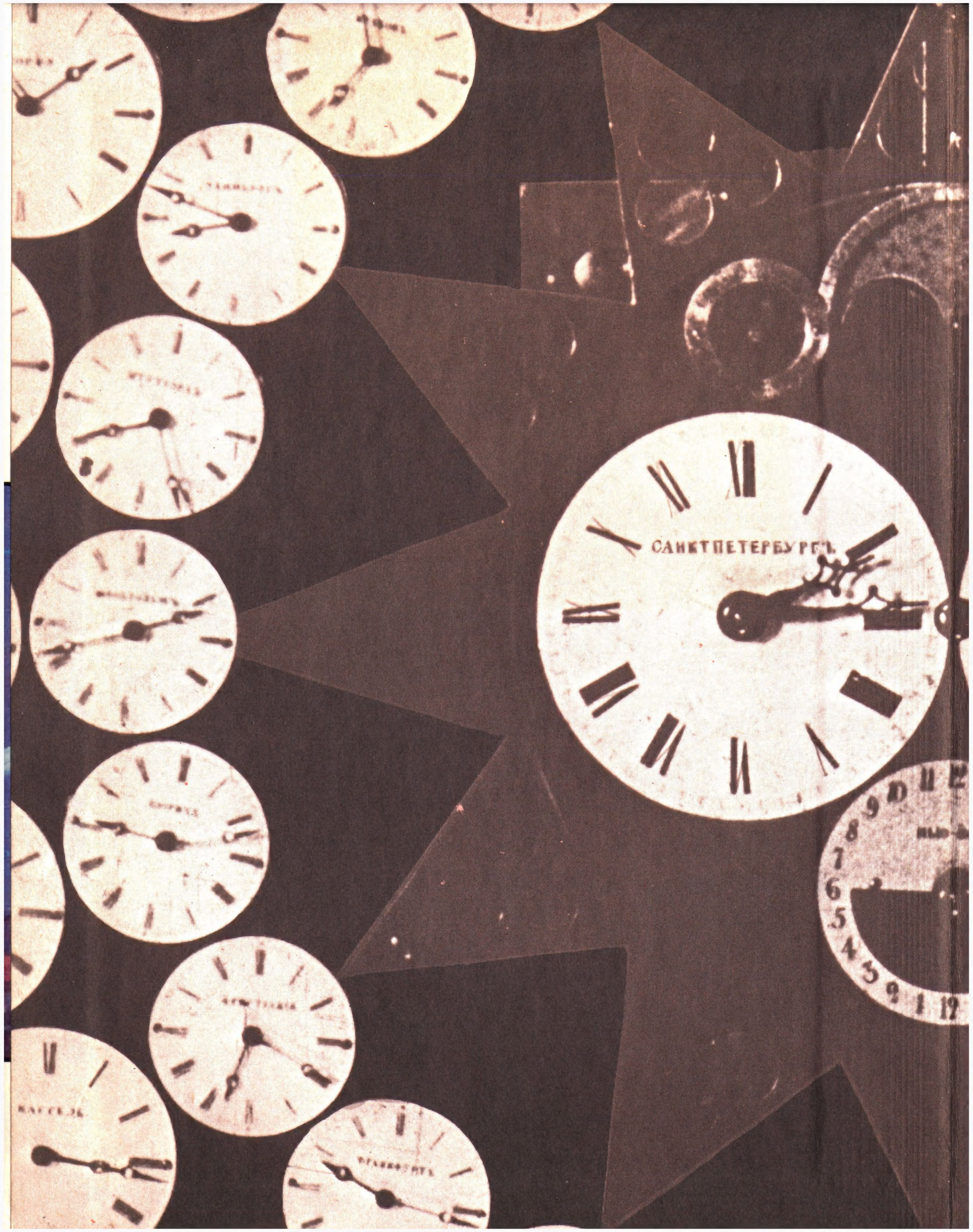
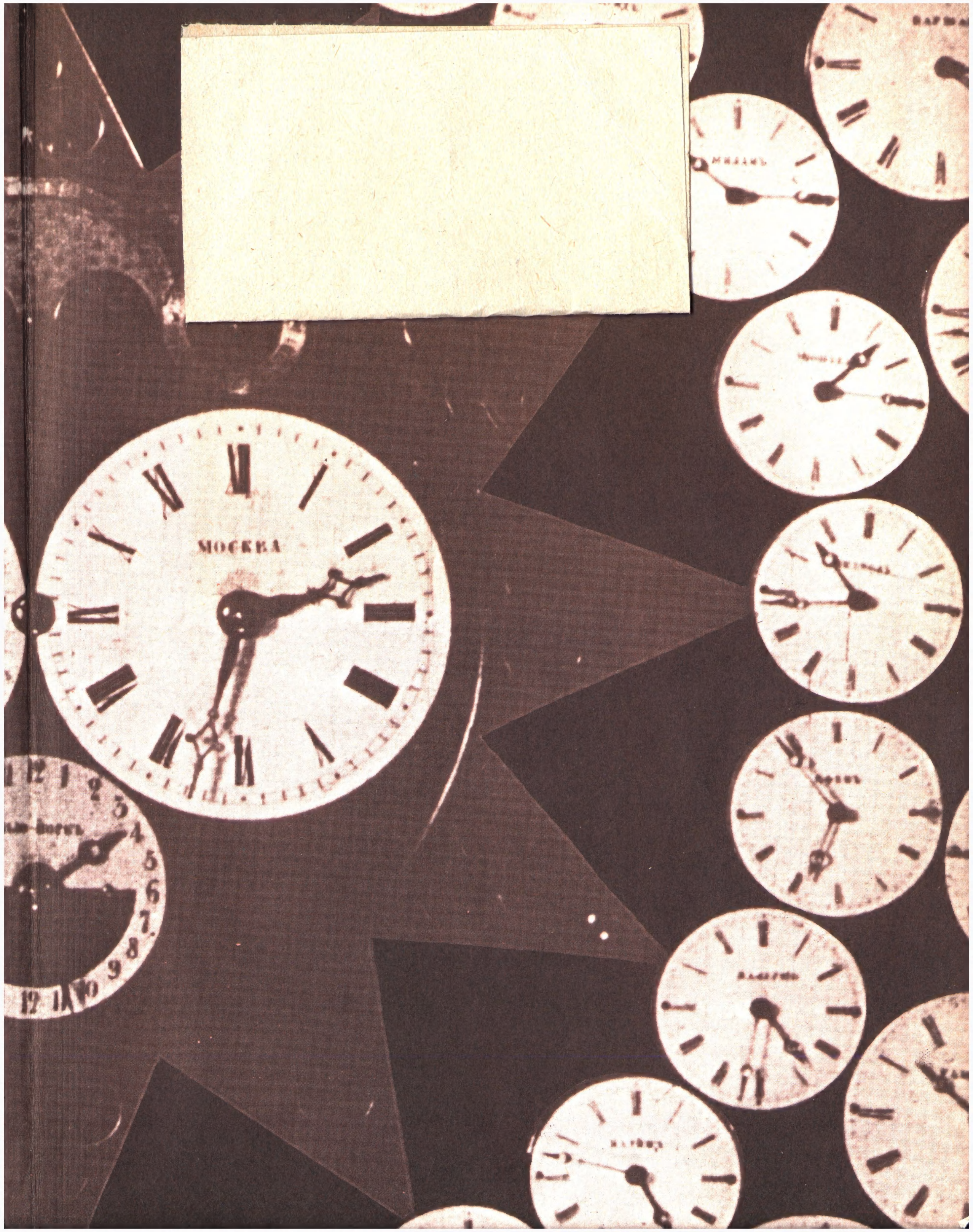
Сергей Алексеев

Выстрел „Авроры“

Москва
Издательство
«Педагогика»
1987

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

МОСКВА

Часы, показывающие время начала новой эры в истории человечества.

Кадр из фильма С. Эйзенштейна «Октябрь».

Сергей Алексеев

Выстрел „Авроры“

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА
Рассказы для детей

Москва
Издательство
«Педагогика»
1987

ББК 83.98

Алексеев С. П.

А47 Выстрел «Авроры»: История Отечества. Рассказы для детей. — М.: Педагогика, 1987. — 256 с.

Пер. 1 р. 90 к.

Книга посвящена величайшему событию в истории человечества — Великой Октябрьской социалистической революции.

Юные читатели узнают о том, как готовилась революция в нашей стране, о великом вожде пролетариата В. И. Ленине, и его соратниках, первых декретах Советской власти.

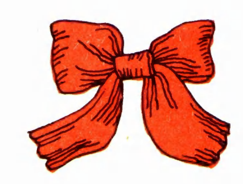
Для учащихся младших классов.

А $\frac{4306000000-097}{005(01)-87}$ КБ-3-35-1987 (480200000) ББК 83.98

Рецензенты:
доктор исторических наук
В. Г. Колычев,
доктор исторических наук
А. Н. Копылов

Содержание

Иллюстрации для книги
предоставили:
Политиздат, «Искусство»,
«Изобразительное искусство»,
Государственная ордена Ленина
библиотека СССР
имени В. И. Ленина,
библиотека Союза художников СССР,
музей-квартира С. М. Эйзенштейна

В оформлении книги
использованы
следующие иллюстрации:

Переплет
Фрагмент панорамы
«Взятие Зимнего дворца»
Художник Е. Дешалыт

Стр. 8
Иллюстрация к книге
«Жизнь Ленина»
Художник П. Староносов

Стр. 14
На заводе

Стр. 21
Митинг
Художник В. Козлинский

Стр. 48
«Вся власть Советам!»
Художник В. Козлинский

Стр. 52
Смольный. Певческая комната
Института благородных девиц

Стр. 58
Кадр из фильма
С. Эйзенштейна «Октябрь»

Стр. 100
Матрос
Художник В. Козлинский

Стр. 116
Кадр из фильма
С. Эйзенштейна «Октябрь»

Стр. 126—127
Деньги, выпущенные
Временным правительством

Стр. 132, 201, 204, 205
Рисунки из альбома
«Октябрь 1917—1918.
Герои и жертвы Октября»
Художники К. Богуславская,
В. Козлинский, С. Маклецов,
И. Пуни

Стр. 146
Выстрел «Авроры»
Кадр из фильма С. Эйзенштейна
«Октябрь»

Стр. 157
Газета «Известия»
Декрет о мире

Стр. 158
Газета «Известия»
Декрет о земле

Юный друг, читатель этой книги! Ты гражданин большой и могучей страны — Союза Советских Социалистических Республик. Люди разных национальностей населяют ее территорию. Они живут единой дружной трудовой семьей.

Все у нас принадлежит народу. Заводы и фабрики. Колхозные и совхозные поля. Шахты и рудники. Железные дороги. Театры. Больницы. Школы.

Но всегда ли так было? Долгие годы нашей страной управляли цари, капиталисты и помещики. Они захватили в свои руки власть, заводы, землю и угнетали трудовой народ.

Не раз рабочие и крестьяне с оружием в руках поднимались на защиту своих прав. Но силы были не равны. Жестоко расправлялись царь, капиталисты и помещики с непокорными. Это по их приказу в январе 1905 года в Петербурге на Дворцовой площади была расстреляна мирная демонстрация безоружных рабочих. Это они в потоках крови утопили в декабре 1905 года выступление трудящихся Москвы на Пресне. Это они приказали стрелять в 1912 году в рабочих сибирских золотых приисков на реке Лене. Многих борцов за народное счастье царское правительство сгноило на каторге и в царских тюрьмах. Но рабочие и крестьяне верили в справедливое дело и не прекращали борьбы.

В 1914 году царское правительство обрекло народы России на новые страдания. Россия вступила в мировую войну. Рабочих и крестьян одели в военную форму, погнали на фронт, под пули, защищать интересы богатых. Терпению народа приходил конец.

В 1917 году под руководством Коммунистической партии

и Владимира Ильича Ленина революционные рабочие, солдаты и матросы навсегда сбросили ненавистную власть угнетателей и создали первое в мире государство трудового народа.

Прогремел исторический выстрел «Авроры», который провозгласил начало новой эры в жизни всего человечества.

О том, как свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, о первых декретах и первых шагах молодой Советской власти ты и узнаешь из рассказов, которые составили эту книгу.

Остановись. Сделай короткую паузу. Переверни страницу. Минута. И вот ты уже там — далеко, далеко, в нашем славном революционном прошлом.

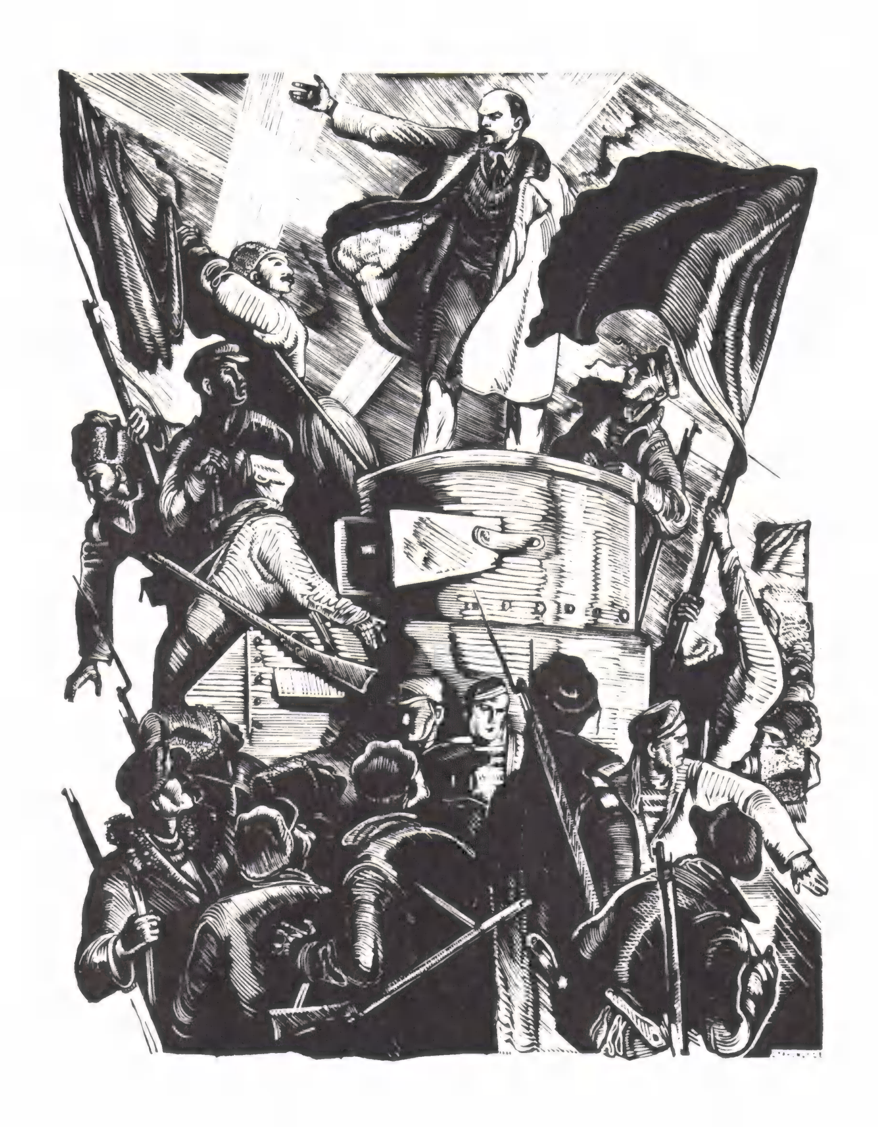
Это ты вместе с революционными рабочими, солдатами и матросами окажешься в апреле 1917 года на знаменитой площади перед Финляндским вокзалом, будешь встречать приехавшего в Петроград Владимира Ильича Ленина и услышишь произнесенные им пророческие слова: «Да здравствует социалистическая революция!»

Это ты вместе с революционными отрядами в октябре 1917 года бросишься на штурм Дворцовой площади и Зимнего дворца, а затем побываешь в Смольном на II Всероссийском съезде Советов и будешь свидетелем провозглашения Советской власти.

Это ты вместе с героями этой книги принесешь весть о Великой Октябрьской социалистической революции в самые отдаленные уголки нашей Родины. Счастливого же тебе пути в твоем путешествии в великие неповторимые дни нашей отечественной истории.

Ветер революции

В Петроград приехал Ленин

— Ленин приезжает!
— Ленин!
— Владимир Ильич!
1917 год. Апрель. Из далекой эмиграции Владимир Ильич Ленин возвращается в Петроград.
О приезде Ленина стало известно незадолго до прибытия поезда.
Решили петроградские рабочие устроить торжественную встречу Владимиру Ильичу.
Разошлись посыльные по рабочим кварталам и заводским окраинам, стали оповещать людей.
В числе посыльных был и молодой рабочий Федор Быков.
Получил он задание побывать в трех местах.
Прибыл он в первое место:
— Ленин приезжает!
Владимир Ильич. Сегодня. Вечером. В 11 часов 10 минут. На Финляндский вокзал.
Прибыл во второе место:
— Ленин приезжает в Петроград!
Добрался к третьему. Сообщает, торопится:
— Ленин приезжает. Товарищ Ленин. Владимир Ильич. Сегодня. Вечером. В 11 часов 10 минут. На Финляндский вокзал.
Выполнил Федор Быков поручение. Побывал в трех местах. А сам думает: «Почему только в трех? Я и еще могу оповестить многих».
Человек он молодой, проворный.
Бежит от дома к дому по петроградским рабочим улицам:
— Ленин приезжает в Петроград. Товарищ Ленин!
Не один Быков был в тот день посыльным.
Разнеслась весть по рабочим кварталам, по солдатским казармам, по боевым кораблям Балтийского флота.
И вот идут широким шагом люди к Финляндскому вокзалу.
Идут рабочие и работницы.
Идут солдаты. Идут матросы.
Собрались люди у площади Финляндского вокзала. Мала́. Не вмещает всех площадь.

Заняли соседние улицы.
Федор Быков тут же со всеми.
Ему повезло. Он на площади.
Смотрит по сторонам: как много
людей пришло встречать
Владимира Ильича!
Долгим был путь Ленина
в революционную Россию.
Весть о февральской революции
застала Владимира Ильича
далеко в эмиграции, в городе
Берне, в Швейцарии.
Срочно на родину. Немедля.
Сейчас же. Не теряя минут. Но
попасть в Россию оказалось
не так-то просто.
Капиталистические
правительства многих стран
наотрез отказались пропустить
Ленина и других русских
большевиков через свою
территорию.
И все же Ленин приехал
на родину.
Вот он — знакомый
Финляндский вокзал. Вышел

Встреча В. И. Ленина
на Финляндском вокзале.
Кадр из фильма С. Эйзенштейна
«Октябрь»

Владимир Ильич из вагона — почетный караул кронштадтских моряков на перроне. Кто-то преподнес Ленину цветы.
Прозвучала команда:
— Смирно!
Матросы взяли «на караул».
И следом, без остановки, словно сорвалась буря:
— Ура!
— Да здравствует Ленин!
— Ленин!
— Ура!
Через несколько минут Ленин вышел на площадь.
— Сюда, Владимир Ильич, сюда, — подсказал кто-то.
Ленин увидел стоящий на площади броневик. Когда он оказался рядом с грозной машиной, чьи-то ловкие руки подхватили Ленина, подняли. Секунда. Вторая. И вот уже Владимир Ильич стоит на броневике.
Переступив с ноги на ногу, словно пробуя крепость брони, Владимир Ильич обратился к встречавшим его людям.
Он произнес короткую речь. Затем поднял руку, и все услышали слова, которые стали пророческими:
— Да здравствует социалистическая революция!
— Ура! — загремело на площади. Вверх полетели шапки, фуражки, кепки.
Федор Быков тоже кричал «ура!».
Владимир Ильич стал спускаться с броневика. А над площадью и прилегающими улицами по-прежнему шел несмолкаемый гул. Опять в воздух взлетали шапки, фуражки, кепки, матросские бескозырки, женские платки. Метались в небе прожекторы. Огненным кумачом развевались знамена. Где-то грянул оркестр.
С моря подул ветер. Свежий, весенний. И снова, как в бурю, как в шторм, многоголосое «ура!» девятым валом неслось и перекатывалось по площади.
В Петрограде встречали Ленина.

Да здравствуетъ народ, открывший двери тюрем!

Предстоит борьба

В феврале 1917 года трудовые массы России сбросили ненавистную власть царя. Радовались люди: царя свергли — жизнь пойдет по-новому. По всей стране стали возникать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.
Но власть не досталась трудовому народу. Ее захватили богачи — капиталисты, помещики. Они создали свое Временное правительство. Всё осталось по-прежнему. Заводы и фабрики принадлежали заводчикам и фабрикантам. Земля — помещикам. Мировая война, в которой принимала участие Россия, продолжалась.
Надо было добиться, чтобы власть в стране полностью перешла в руки Советов. К этому призывали большевики.
Владимир Ильич Ленин приехал в Петроград 3 апреля.
На следующий день он выступил с большим докладом. Ленин говорил о том, что пока в России произошел первый этап революции. Власть царя уничтожена. Управление страной перешло в руки буржуазии.
Теперь надо добиться, чтобы руководили государством те, кто трудится: рабочие и крестьяне.
Это будет народная власть.
Форма этой власти — Советы.
После февральской революции у русской буржуазии появились помощники: меньшевики и эсеры.
Меньшевики и эсеры были когда-то революционерами. Как и большевики, они боролись против власти царя. Однако теперь изменили делу рабочих и крестьян.
В России образовалось две силы.
С одной стороны — русская буржуазия и поддерживающие ее меньшевики и эсеры. С другой стороны — рабочие и крестьяне России и партия большевиков.
Приехав в Петроград, Владимир Ильич Ленин сразу же включился в борьбу.

Склад боеприпасов.

Война. Голодные очереди.
Кадр из фильма С. Эйзенштейна «Октябрь»

ПРИБАВКУ ПАЙКА СЕМЬЯМЪ СОЛДАТЪ

Рабочие Петрограда

Много в Петрограде разных заводов. Один из самых известных — Путиловский. Завод огромный, огромный. Завод металлургический, завод машиностроительный. Десятки здесь различных цехов и мастерских.
И паровозы тут выпускают, и вагоны, и броню для морских судов, и артиллерийские орудия, и многое другое. До тридцати тысяч человек работало на Путиловском заводе. Если рабочие-путиловцы выходят на демонстрацию, кажется: море движется.
Замирают тогда прохожие. Слышится шепот:
— Идут путиловцы!
— Идут путиловцы!
Рабочие Путиловского завода принимали активное участие в февральской революции 1917 года. Одними из первых в Петрограде они создали отряды Красной гвардии.
Сотни путиловских рабочих в апреле месяце пришли на площадь Финляндского вокзала и вместе с другими ждали приезда в Петроград Владимира Ильича Ленина. Вскоре Владимир Ильич и сам побывал на Путиловском заводе. Выступил перед рабочими.
Называют в Петрограде Путиловский завод «Железным городом».
А рядом другие стоят заводы: Балтийский, Обуховский, Металлический, «Новый Лесснер», «Старый Лесснер»... И на этих заводах созданы отряды Красной гвардии. И на этих заводах готовы рабочие к решительной борьбе за права трудового народа с буржуазным Временным правительством.
Петроград — город, в котором живут и трудятся десятки тысяч рабочих. Если выходят петроградские рабочие на демонстрацию, кажется: море валом девятым движется.
За колонной идет колонна. Тверд и решителен шаг.

ВСѢ СИЛЫ НА ДѢЛО СВОБОДЫ!

Балтийские моряки

Известны своей революционностью балтийские моряки. Признанный центр Балтийского флота — морская крепость Кронштадт.
Когда впервые Петр Сухобродов из своей Сухобродовки попал в Кронштадт, многому он поражался.
— Море! — дивился Сухобродов. — Море со всех четырех сторон.
Был призван Сухобродов в армию. Попал на Балтийский флот.
Подружился Сухобродов с матросами Сладковым, Пелеховым, с другими.
Нелегкая служба людей на флоте, особенно здесь, в Кронштадте. Особенно если ты рядовой матрос.
Подвели как-то новые друзья Петра Сухобродова к воротам городского парка, показали на вывеску:
— Читай!
Читает вывеску новичок. В ней сказано, что собакам, матросам и солдатам вход в парк запрещен.
— Как так?! — поразился Петр Сухобродов.
— Вот так-то, — отвечают ему друзья.
Вышли они на главную кронштадтскую улицу.
— Где солнце? На какой стороне? — спрашивают его друзья.
Посмотрел Петр Сухобродов на улицу, указал на правую ее сторону.
— Вот оно солнце.
— Правильно. Так знай, — вновь поясняют друзья новичку. — Не смей ходить по солнечной стороне, раз ты рядовой матрос.
— Как так?! — вновь вырвалось у Сухобродова.
— Вот так-то! — вновь отвечают ему друзья. — Где солнце, там офицерская и господская сторона.
Не хотели кронштадтские матросы мириться с несправедливостью.
Революционная слава

кронштадтских моряков началась еще с 1905 года, с тех дней, когда произошла первая русская революция. Многие кронштадтцы были брошены тогда в тюрьмы.

В 1916 году против кронштадтских моряков правительство снова применило силу. Были арестованы и Сладков, и Пелехов. Оказалось, Сладков — большевик. Оказалось, Пелехов — большевик.

Царское правительство готовило новую расправу с балтийскими моряками. Однако вскоре в стране произошла февральская революция. Вернулись большевики-балтийцы из тюрем. Все более революционной, все более грозной силой становились балтийские моряки. Не желали они мириться с политикой Временного правительства.

11 мая 1917 года произошло особенно памятное для Кронштадта событие. К этому времени в городе-крепости уже существовал Совет рабочих и солдатских депутатов. Принял в этот день Кронштадтский Совет резолюцию о передаче всей власти Советам и постановил считать Кронштадтский Совет единственной властью в городе.

А совсем незадолго до этого на Балтийском флоте произошло еще одно важное событие — был создан Центробалт — Центральный комитет Балтийского флота. Временному правительству нельзя было теперь принять ни одного решения по делам морского флота, если на это не давал своего согласия Центробалт.

Все больше и больше силы в руках у кронштадтцев.

— Салют Балтфлоту!

— Салют Кронштадту!

Идут кронштадтцы.

Идут балтийцы.

Гордость революции — революционные моряки.

Матросы с эсминца «Забияка»

Письмо из деревни

Солдат Угаров сидел на нарах. Слушал письмо, которое было прислано ему из родной деревни. Слушал потому, что сам читать не умел — был неграмотным. Читал сосед по нарам солдат Стеклов.

Слушал письмо не только один Угаров. Рядом на нарах другие сидят солдаты. Тоже внимательно слушают.

Начиналось письмо с бесчисленных приветов, которые передавали Угарову родные и односельчане.

«А еще тебе кланяется тетка Елизавета», — читал Стеклов. «А еще привет тебе от Кузьмы Хромого. А еще...»

Не ради этих приветов слушали письмо другие солдаты. В письме рассказывалось о том, что произошло в родной деревне солдата Угарова после февральской революции.

А произошло вот что.

Ждали крестьяне, что вот теперь-то они наконец получат помещичью землю. Ждали, ждали. Да все напрасно.

«Решили мы тогда, — говорилось в письме, — взять землю сами».

— Верно.

— Правильно, — раздались солдатские голоса.

Стеклов остановился, посмотрел на слушателей.

— Ну, ну, что дальше?

«Землю взяли. Поделили между собой», — продолжал читать Стеклов.

— Правильно!

— По справедливости, — вновь раздались солдатские голоса.

— Читай дальше.

А дальше произошло вот что.

Приехали в деревню казаки. Офицер вскинул шашку:

— Бунтовщики!

Всех жителей выгнали на улицу. Стали дознаваться, кто зачинщики. Многих тут же стали избивать плетьми.

«Запороли до смерти деда Федора, — читал Стеклов. Похоронили деда. Павла же Дымова и Капу Еремина (это и были зачинщики) отвезли в уезд. Ждем, может, вернутся.

В деревне

А может, в Сибирь угонят».
Письмо кончалось словами: «Надеялись мужики на землю. А вот, что из этого получилось». И дальше снова шли Угарову приветы и пожелания от родных и знакомых.
Мрачные сидят солдаты.
Раздались реплики:
— Да. Все, как было, так и осталось.
— Эх, жаль деда Федора. Пусть земля ему будет пухом.
Взволновало письмо солдат.
Много солдатам таких крестьянских писем тогда приходило. И в Петроград, и в другие города, и на фронт в окопы.
Ясно солдатам. Хоть и новая власть в стране, однако не народная это власть.
Спрыгнул с нар какой-то солдат. С силой прикладом о пол ударил:
— Не окончен февральский, видать, разговор. Не поставлена, значит, точка.

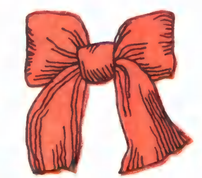
ВЛАСТЬ СОВѢТУ Р.С. и КРЕСТ. ДЕПУТАТОВ!

В цирке „Модерн“

Давно Елька мечтал побывать в цирке. К отцу, к матери приставал. И вот как-то отец сказал:
— Собирайся.
— В цирк?
— В цирк!
— А Ромке можно!
— Можно, — ответил отец.
Ромка — приятель Ельки. Неразлучны Елька и Ромка. Если увидишь Ельку, значит, где-то и Ромка рядом. Если увидишь Ромку, ищи глазами немедля Ельку.
Примчался Елька к Ромке:
— Ура! Ура!
Смотрит Ромка на Ельку: чему тот так радуется?
— В цирк пойдем, в цирк! — объясняет Елька.
Захлопал в ладоши Ромка:
— Ура!
Цирк — огромный. «Модерн» называется. Гадают ребята, что им покажут в цирке.
— Ученых зверей увидим, — сказал Ромка.
— Львов, — согласился Елька.
— Акробатов увидим, — сказал Елька.
— Будет номер сальто-мортале, — уточнил Ромка.
— Фокусника покажут, фокусника, — не унимается Ромка.
— Шпагу фокусник будет глотать, — произнес Елька.
И вот идут приятели в цирк. Елька — слева, Ромка — справа. Посередине Елькин отец. Шаг у отца широкий. Елька и Ромка едва поспевают. Перебирают ногами. Торопятся.
Поравнялись с цирком. Вошли. Поразились ребята — билетов не спрашивают.
— Бесплатно, — поразился Елька.
— На то и царя сбросили, — сделал вывод Ромка.
Людей в цирке оказалось полным-полно. Приготовились ребята, ждут начала представления.
— Сейчас клоун выбежит, — сказал Ромка.
Ошибся Ромка. Не выбежал клоун. Вышел на цирковую арену

человек в рабочей куртке, стал произносить речь. Говорил о тяжелом положении рабочих на заводах, о том, что Временное правительство не выполняет требование об установлении восьмичасового рабочего дня.
Потом вышел второй человек. Заговорил о крестьянах, о том, что пора землю отнять у помещиков, передать ее тем, кто сам трудится на земле.
О том, что надо заставить Временное правительство издать такой закон.
Потом поднялись третий, четвертый, пятый. Говорили опять о земле, о восьмичасовом рабочем дне, о том, что пора, наконец, кончать войну и немедленно заключить мир.
Притихли Ромка и Елька. Слушают.
Вдруг поднялся Елькин отец. Тоже спустился на арену. Тоже выступил с речью.
Оказалось, пригласил Елькин отец ребят на городской митинг.
И в Петрограде, и в Москве, и в других городах России часто происходили в те месяцы митинги. Состоялся такой и в помещении цирка «Модерн».
Кончился митинг. Возвращались ребята домой. Правда, о том, что не увидели они циркового представления, все же вначале немного посожалели.
— Эх, не было фокусника!
— Не видели клоуна!
Однако потом:
— Ничего, — сказал Ромка. — Зато на митинге были. Своими ушами всё слышали. И твой отец здорово выступал. А цирк — что? Цирк не уйдет.
Еще побываем.
Подумал Елька, ответил:
— Верно.

Большевики побеждают меньшевиков

Меньшевики, так же как и большевики, были против царя. Но они поддерживали Временное правительство. «Рано рабочим и крестьянам брать власть в свои руки», — говорили меньшевики.

Было это на фабрике Штиглица. Посмеивались местные меньшевики, обращались к большевикам, ехидничали:

— Вы — большевики, а вас на фабрике меньше.

Мы — меньшевики, а нас больше. И людей за нами идет больше. Значит, не вы, а мы большевики.

Действительно сложилось так, что после февральской революции на некоторых заводах и фабриках меньшевиков и эсеров оказалось больше, чем большевиков. Многие большевики находились на фронте, в солдатских окопах. Многие еще не вернулись из тюрем и с далекой сибирской каторги.

Вот и в Петрограде на швейной фабрике Штиглица меньшевиков много, а большевиков всего несколько человек. Решили меньшевики исключить их влияние на рабочих. Но как это сделать?

— Надо запретить приносить на фабрику большевистские газеты, — сказал кто-то из меньшевиков.

— Верно, — поддержали другие.

— Надо запретить рабочим читать большевистские брошюры и журналы.

— Верно.

— Надо запретить выступать на фабрике большевистским ораторам и агитаторам.

Приняли такое решение меньшевики. Следят, чтобы оно выполнялось.

Хотя большевистская организация на фабрике Штиглица была и маленькая, но люди, состоявшие в ней, оказались людьми энергичными, изобретательными. Среди них была молодая работница Лена Соловей.

И вот. Шло одно из рабочих

собраний. Выступило несколько ораторов. Все — меньшевики. Попросил слова еще один. Смотрят меньшевики — среди фабричных большевиков такого человека нет. Разрешили подняться ему на трибуну.
— Пусть говорит.
Стал человек говорить. Однако уже после первых же слов оратора заволновались меньшевики.
Заговорил человек о положении рабочих. И сразу же решительный вопрос: почему до сих пор Временное правительство не вводит восьмичасовой рабочий день?
Заговорил о войне. И сразу решительный вопрос: почему до сих пор Временное правительство не предлагает воюющим странам мир?
Заговорил о крестьянах. И сразу решительный вопрос: почему до сих пор не принимает Временное правительство решение о передаче земли крестьянам?
Ясно меньшевикам — большевистские слова произносит с трибуны оратор. Хотели его остановить. Однако рабочие запротестовали:
— Пусть говорит.
— Правду человек говорит.
Продолжил оратор свое выступление. Кончил словами:
— Никакой поддержки Временному правительству.
Многие стали хлопать.
Оказалось, что перед рабочими ниточной фабрики выступал рабочий-большевик с соседнего завода. Лена Соловей специально его пригласила.
Прошло немного времени. Разрослась большевистская организация на фабрике Штиглица. Много стало у нее сторонников.
Растет авторитет большевиков и на других фабриках и заводах. Так, петроградский завод «Вулкан» имел в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов четырех своих представителей. Все они были меньшевиками. Убедились вскоре рабочие, что представляют из себя меньшевики. Переизбрали своих посланцев в Совет. Вместо меньшевиков были избраны четыре большевика.
«Проснулся «Вулкан», — говорили рабочие. Многие петроградские рабочие тогда «проснулись», то есть поняли, на чьей стороне правда, кто по-настоящему борется за интересы трудового народа.
Радуется Лена Соловей успехам большевиков и на своей ниточной фабрике, и на других заводах. Улыбается:
— Большинство — за большевиками. Не зря они — большевики.

Четыре трибуны

Первомай! Первомай!
Рабочий праздник.
Многие в тот день собрались в Петрограде на Марсовом поле. Пришел сюда и рабочий с завода «Людвиг Нобель» Илья Гордиенко. В 1917 году день 1 Мая в России впервые отмечался открыто.
Нет городовых.
Нет полицейских.
Нет жандармов.
Вооруженные казаки не преграждают дорогу людям. Никого не хватают. Не сажают в тюрьмы.
Идут и идут демонстранты. Плывет человеческий поток по петроградским улицам. Колышутся лозунги и транспаранты. Развеваются красные знамена.
На Марсовом поле поставлено сразу четыре трибуны.
На первой стоят члены Временного правительства.
На второй — меньшевики.
На третьей — эсеры. А вот и еще одна. Это трибуна большевиков.
— Ленин!
— Ленин! — разносится среди демонстрантов.
Действительно, вместе с другими видными большевиками Ленин стоит на трибуне. Владимир Ильич радостно возбужден. Глаза чуть прищурены. Голова не покрыта. Кепка зажата в руке. Время от времени Ленин поднимает руку, приветствует демонстрантов.
— Ура Ленину! — вырывается из рядов.
Вытягивает шею Илья Гордиенко. Даже старается привстать на цыпочки. Хочется лучше ему рассмотреть Владимира Ильича. Видит — и сосед справа и сосед слева тоже вытягивают шею.
Все хотят посмотреть на Ленина.
Все больше и больше людей на Марсовом поле. Праздник сегодня. Первое Мая.
Идет Илья Гордиенко, и вдруг показалось ему, что Ленин смотрит прямо на него.
Видимо, то же самое и соседу справа показалось.

— Ленин смотрит прямо на меня, — произнес сосед.
Видимо, то же самое показалось и соседу слева:
— Братцы, на меня Ленин смотрит.
Замахал Илья Гордиенко рукой.
Замахали другие. Приветствуют люди Владимира Ильича.
— Ура Ленину!
В этот день на Марсовом поле Владимир Ильич выступил перед рабочими. Говорил о рабочем празднике — дне 1 Мая, о Временном правительстве, о том, что рабочим надо продолжать борьбу за свои права.
Новые колонны приходят на площадь. Все так же на Марсовом поле стоят четыре трибуны.
Однако все меньше и меньше людей, которые задерживаются возле трибуны, на которой стоят эсеры. Еще меньше возле той, на которой стоят меньшевики. Совсем мало там, где на трибуне стоят члены Временного правительства.
К большевистской трибуне устремляются люди.
Не сдержался Илья Гордиенко:
— Сила какая!
Кто-то из стоявших рядом сказал:
— Наша — пролетарская!
Посмотришь на площадь: за кого рабочие — всем ясно.

Долой войну!

История одной фотографии

Георгий Федотов, старший брат Филатки, находился на фронте в армии, был солдатом мотоциклетной команды.
Прислал однажды Георгий Федотов домой свою фотографию.
Бравый вид у молодого солдата. Смотрит с фотографии на вас красавец. Челка выглядывает из-под армейской фуражки. Тонкие усики на лице. Сидит солдат верхом на мотоциклете. Мотоциклет фронтовой, заслуженный.
И еще одно. На груди у Георгия Федотова висит медаль. Боевая. Серебряная.
Посмотрел отец:
— Герой! Герой!

Посмотрела мать:
— Ох, поберег бы себя. Поберег, родненький.
Посмотрел Филатка.
Не сдержался:
— Мотоциклет! Медаль!
Помчался Филатка к друзьям и приятелям. О брате-герое всем рассказал. Фотографию всем показал.
Начали сны новые сниться теперь Филатке. То про мотоциклет, то про медаль. Это он, Филатка, сидит верхом на мотоциклете. Это у него, у Филатки, висит на груди боевая медаль.
В июне снова пришло известие от Георгия Федотова. Сообщал он, что скоро приедет домой на короткий отдых.
Ждут героя. Ждет мать. Ждет отец. Филатка ждет.
Решил мальчик: на мотоциклете приедет брат. Снова бегает, все рассказывает:
— На мотоциклете он приедет.
Приехал Георгий Федотов. Без мотоциклета конечно.
— А где мотоциклет? — у Филатки вырвалось.
Рассмеялся Георгий:
— Где надо. На фронте.
А потом рассказал, что на мотоциклете он сфотографировался случайно. Так получилось. А вообще-то он и ездить на нем не умеет. Хоть и служит Федотов в мотоциклетной команде, но не мотоциклист он, а просто солдат охраны.
Потрясен был Филатка.
А тут еще посмотрел на грудь, на рубаху брата. На рубахе пусто. Нет никакой медали. Обратил на это внимание и отец. Грозно посмотрел на сына. Спросил:
— Медаль тоже взял для фотографии?
— Нет, батя. Нет, — отвечает Георгий. — Заслужил.
Только как-то не очень отец поверил. Да и у Филатки нет теперь прежней радости. К тому же ребята его задразнили:
— На мотоциклете приедет. Ха-ха!
— А где же медаль?
— Герой!
Готов провалиться Филатка сквозь землю.
С мотоциклетом все ясно. А где же медаль Федотова?
С 1912 года партия большевиков издавала свою газету. Это знаменитая наша «Правда». Немало трудностей было в 1917 году с выпуском в свет газеты. То дорожала бумага, то краски. Повысились цены за печатание газеты в типографии. Обратилась редакция «Правды» к читателям с просьбой поддержать материально газету. Стали поступать в редакцию «Правды» деньги.

Прочли обращение газеты и солдаты мотоциклетной команды, в которой служил Георгий Федотов. Нет у солдат денег. Кто-то предложил:
— Братцы, сдадим медали.
Поддержали в мотоциклетной команде такое решение. В числе других сдал медаль и Георгий Федотов.
Когда подсчитали, оказалось — 43 серебряные медали. Была и еще одна — сорок четвертая. Правда, медная.
И рабочие, и крестьяне, и солдаты старались всем чем могли поддержать «Правду». Любили трудовые люди газету «Правда».
— Наша газета, — говорили они. — Рабочая, и крестьянская, и солдатская.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА!

„Есть такая партия!“

Слесарь Парфен Огородников был избран делегатом I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.
Провожают с далекого Урала в Петроград товарищи по работе.
— Мира требуй! Мира!
— Чтобы восьмичасовой рабочий день на заводах!
— Чтоб землю — крестьянам!
— Ленина повидай!
Путь у Огородникова неблизкий. Проехал он чуть ли не пол-России. Время напряженное. На станциях, через которые шел поезд, происходили бесчисленные митинги и собрания. Узна́ют люди, что Огородников едет на съезд

Советов, и наказ дают:
— Мира требуй! Мира!
— Чтоб о рабочих думали!
— Чтоб землю — крестьянам!
— Ленина повидай!
Лето. Июнь. Со всех сторон России едут в Петроград народные представители. Собралось на съезд Советов более тысячи делегатов.
Сидит Огородников вместе со всеми в зале, слушает выступление ораторов. Главное в большинстве выступлений — как относиться к Временному правительству.
Сменяют на трибуне ораторы один другого. Вот новый опять поднялся. Была названа фамилия. Огородников не расслышал. Однако понял: выступает кто-то из руководителей меньшевиков. Завел он старую меньшевистскую песню. Не надо ставить вопрос о социалистической революции. Нужен союз с буржуазией. Надо поддерживать Временное правительство.
— Окажем доверие Временному правительству, — несется с трибуны.
А вот и еще одно заявление:
— В настоящий момент, — произнес оратор, — в России нет политической партии, которая сказала бы: «Дайте в наши руки власть — уйдите, мы займем ваше место». Нет такой партии, — повторил. — Не вижу!
И вдруг.
— Есть такая партия! — раздался из зала громкий голос.
Все повернули головы. Повернул и Парфен Огородников. Видит: стоит человек невысокого роста. Плотный. Энергичный.
— Кто такой? — обратился уралец к соседу.
— Ленин, — ответил сосед. — Владимир Ульянов-Ленин.
Ленин прошел к трибуне, поднялся на нее и произнес речь. Власть — Советам, земля — крестьянам, мир — народам — вот главное, что было в речи Владимира Ильича. Ленин еще раз повторил, что в России есть партия, которая в любую минуту готова взять власть в свои руки. Это партия большевиков.
Возвращался Парфен Огородников к себе на Урал. Лежал в вагоне на полке, о съезде думал. Стучат вагонные колеса на стыках железнодорожного полотна. Прислушивается Огородников:
— Есть такая партия!
— Есть такая партия!
— Есть!

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Наступление

Не хотят солдаты продолжать войну. Однако Временное правительство летом 1917 года отдало приказ наступать солдатам.
Вновь загрохотали на фронте пушки. Вновь за интересы богатых погибают на фронте простые люди.
Волновалась Наталья Гаврилова: Харитон Гаврилов — муж — у нее в солдатах.
Малые дети дома: Маняшка, Ивашка.
Хнычет Маняшка. Хнычет Ивашка:
— Скоро папка домой вернется?
— Скоро, Маняшенька. Скоро, Ивашечка, — отвечает ребятам мать.
Однако, когда это будет и будет ли скоро, никто не знает.
Брошена русская армия в наступление. Идет напряженный бой.
Молит бога Наталья Гаврилова, смотрит на дочь, на сына:
— Сохрани им отца, господь.
Хнычет Маняшка. Хнычет Ивашка:
— Скоро папка домой вернется?
— Скоро, Маняшечка. Скоро, Ивашечка.
Мать и сама с нетерпением мужа ждет.
Не только в доме одних Гавриловых ожидают известий с фронта. И у соседей мужья и отцы на фронте. И в других селах, в других городах — всюду у всех тревога.
— Что там на фронте?
— Что там на фронте?
Ожидают везде вестей. И вот разнеслась новость. Прорвала русская армия неприятельский фронт.
Ликуют русские богатеи. Будет победа, значит, они богатеи станут еще богаче.
Прошло несколько дней. Опять приходит новость с фронта: остановлена русская армия.
А за этим еще одна: отступают, отходят назад войска.
Неудачей закончилось наступление.
Дорогой ценой для народа обошлось наступление, в которое

бросило Временное правительство русскую армию. Десятки тысяч солдат погибли. Погиб и Харитон Гаврилов. Снова Маняшка, снова Ивашка спрашивают:
— Скоро папка домой вернется?!
Ждут — не дождутся они отца. Ничего не ответила Наталья Гаврилова. Лишь по головкам детей погладила.
После июньского наступления солдаты еще активнее стали выступать против войны. Не хотят воевать солдаты. Во многих местах на фронте стали происходить братания между солдатами воюющих стран. Воткнут солдаты винтовки штыками в землю. Вылезают из окопов. Идут навстречу друг другу. Обнимаются русские, немцы, австрийцы.
Требуют люди:
— Долой войну!
— Мира!
— Мира!
— Мира!

Четвертое июля

3 июля в Петрограде произошла огромная демонстрация рабочих и солдат. Путиловские рабочие даже шли с женами и детьми.
Люди несли плакаты:
«Вся власть Советам!»
«Долой войну!»
4 июля демонстрация возобновилась.
Узнала Глашка Кудрина, что кое-кто из путиловских ребят был вчера на демонстрации, стала тормошить своего дружка Кольку Межина:
— Давай и мы на демонстрацию.
Отнекивается Колька:
— Нельзя, мамка заругает.
— Пошли, пошли. Все идут.
— Нельзя. Папка изобьет.
И все же уговорила Глашка

Кольку. Вот так всегда. Глашка упорная, настойчивая, Колька податлив. Дружит Колька с Глашкой уже три года. И всегда в спорах на своем настоит Глашка.
Побежали ребята. Влились в общий поток демонстрантов. Идут люди. Несут плакаты. Читают Глашка и Колька:
«Вся власть Советам!»
«Долой войну!»
«Хлеба, мира, свободы!»
«Рабочий контроль над производством!»
Читают ребята. Что такое «Вся власть Советам!» — ясно. Что такое «Долой войну!» — ясно. «Хлеба, мира, свободы!» — тоже ясно. Что такое «Рабочий контроль над производством!»— не ясно.
Спросили они у идущего рядом рабочего парня.
— Это значит хозяина прижать к стене. Чтобы не своевольничал, — ответил парень.
Не поняли ребята.
— Зачем прижать? — спросила Глашка.
— А чем прижать? — полез Колька.
Усмехнулся молодой рабочий.
— Не бревном, конечно.
Объяснил более подробно. Мол, рабочий контроль — это право рабочих следить за тем, что происходит на производстве, право проводить свою проверку, свой контроль над деятельностью заводчиков и фабрикантов. Какие заказы поступают на завод, кого на работу принимают, кого и за что увольняют, какие доходы получает завод — обо всем этом хотят знать рабочие.
— В общем, — сказал парень,— не только владелец завода или фабрики, но и каждый рабочий любой фабрики или завода должен чувствовать себя вроде как бы хозяином на производстве. Ясно?
— Ясно, — ответили Глашка и Колька.
Много людей вышло в тот день на улицы Петрограда. Идут рабочие. Идут солдаты. Идут матросы. Настроение у всех боевое, приподнятое.
Вскоре ребята поравнялись с двумя молодыми девушками. Обе были работницами. Одна — светленькая. Вторая — темненькая. Пристроились к ним Глашка и Колька. Вместе шагают дальше.
Идут ребята. Не знают, что вскоре их ожидает страшное. Произошло это на углу Невского проспекта и Садовой улицы. Ни Глашка, ни Колька сразу и не поняли, в чем дело. Откуда-то сверху, с крыш, с чердаков, раздались выстрелы.
Пули были направлены

Демонстрация рабочих в Петрограде
16(3) июля 1917 года

Петроград
Невский проспект

в демонстрантов. Люди шарахнулись. Побежали. Многие стали падать.
Глашка схватила за руку Кольку.
— Бежим!
Но тут заметила, что одна из шедших с ними девушек-работниц качнулась, как-то странно осела и рухнула на мостовую. Вторая девушка подбежала к подруге, наклонилась:
— Маша! Маша!

Кольку вдруг затрясло.
Посмотрел на Глашку.
— Маша! Маша! — кричала и тормошила подругу девушка.
Не отвечает Маша.
Потом, когда Глашка и Колька уже отбежали в какой-то переулок, ребята встретили парня, который объяснял им про рабочий контроль.
Остановились ребята:
— Дяденька, что такое?
— Война — народу, — ответил парень.
Во многих местах Петрограда в тот день состоялись народные демонстрации. Во многих местах была открыта стрельба по людям.
Прав молодой рабочий: Временное правительство начало самую настоящую войну против своего народа.

Расстрел демонстрации
на Невском проспекте.
Кадр из фильма С. Эйзенштейна «Октябрь»

Долой министров-капиталистов!

На Литейном проспекте

Принес однажды дядя Аким сверток. Было это еще до июльской демонстрации петроградских рабочих.
Развернул — газеты.
«Правда», — прочел Тимка.
— Ну вот, Тимофей, — сказал дядя Аким, — будет тебе работа.
Смотрит Тимка на дядю Акима, какая работа — понять не может.
— Наверное, кульки клеить?— спрашивает.
— Нет, — отвечает дядя Аким. — Будешь продавать газеты. В самом центре, на Литейном проспекте. Понял?
— Понял, — кивнул головой Тимка. А сам думает: «И зачем в такую даль таскать? Их и здесь купят. Стань у лавки купца Горелкина — враз для сельдей разберут».
И вот каждый день бегает Тимка на Литейный.
— «Правда», «Правда», рабочая газета «Правда»! — кричит мальчик.
Только мало кто на Литейном покупает «Правду». Всё больше другие газеты: «Речь», «Новое время», «Петроградский листок».
— Ничего, — говорит дядя Аким. — Это понятно. На Литейном — буржуи. Правды они не любят. А ты не робей. «Правду» всюду распространять нужно. Пусть все знают — есть такая рабочая газета «Правда».
Прошло два месяца — май и июнь. Поумнел Тимка за это время. Теперь и самому смешно, что хотел «Правду» для сельдей продавать.
Соберутся у дяди Акима друзья-приятели. О жизни, о Временном правительстве заговорят, и Тимка тут. Сидит, слушает. Понимает Тимка что к чему. Хоть и скинули царя, а выгоды простому народу никакой.
И война не кончается. Захватили буржуи власть. А как ни верти, буржуй буржуем останется. Рабочему люду не брат.
— Ну как, Тимофей, будем бить буржуев? — спрашивает дядя Аким.

— Будем, — отвечает Тимка и произносит большевистский лозунг: «Вся власть Советам!»
Бегает Тимка по улицам. Бурлит Петроград. Ходят по улицам возбужденные люди, отовсюду слышится: «Долой войну!», «Долой министров-капиталистов!»
И вот четвертого июля по приказу Временного правительства офицеры и юнкера расстреляли мирную демонстрацию петроградских рабочих. Начались аресты большевиков. Пятого июля была разгромлена и большевистская газета «Правда».
Вернулся в этот день дядя Аким хмурый. Положил в сторону газеты и, не снимая фуражки, сел за стол.
— Дядя Аким, что? — стал приставать Тимка. Но дядя Аким ничего не ответил. Хлебал пустые щи и все смотрел на стол в одну точку. Тимка потянулся было за газетами. Но дядя Аким крикнул:
— Не трожь! Не твоего ума теперь это дело.
Потом дядя Аким взял газеты и и вышел из дома. Вскоре вернулся и сказал:
— Слушай, Тимофей, если что — поезжай в деревню.
Что хотел сказать этим дядя Аким, Тимка так и не понял. Решил: ладно, потом расспрошу. Но узнать не пришлось. Ночью ворвались в дом юнкера и увели дядю Акима. Тимка бросился вслед. Но один юнкер, совсем молодой, с бородавкой на носу, Быстрицкий — Тимка запомнил его фамилию, — так толкнул мальчика, что тот отлетел метров на пять. Всю ночь Тимка ворочался, все о дяде Акиме думал.
Утром мальчик побежал в погреб: может, туда дядя Аким газеты отнес. Поднял одну кадку — ничего нет. Поднял другую — есть. Схватил Тимка газеты — и на Литейный. Бежит, размахивает газетами, кричит:
— «Правда», «Правда», рабочая газета «Правда»!
И вдруг стали у Тимки газеты покупать. Подошел пожилой господин в котелке, взял газету, сказал:
— Странно, а ведь сообщили о закрытии «Правды».
Заинтересовался и купил «Правду» важный чиновник. Сразу несколько номеров попросил какой-то студент.
— Мальчик, мальчик! — закричала нарядная дама с китайским зонтиком в руке и поманила к себе Тимку.
И вдруг кто-то схватил мальчика за руку. Обернулся Тимка — юнкер Быстрицкий, тот самый, с бородавкой на носу.

— Негодяй! — прошипел Быстрицкий и потянулся к газетам. Тимка рванулся. От резкого толчка юнкер чуть не упал, задев плечом даму с зонтиком.
— Ай! — вскрикнула дама.
— Безобразие, — произнес господин в котелке.
— Не имеете права, — строго сказал студент.
— Молчать! — взвизгнул Быстрицкий.
Между тем Тимка отбежал в безопасное место и снова закричал:
— «Правда», «Правда», рабочая газета «Правда»!
И снова около Тимки стали останавливаться прохожие. Он поспешно совал им в руки газеты и отбегал дальше. А сзади несся Быстрицкий:
— Стой! Стой! — кричал юнкер.
Недалеко от Невского Тимке кто-то подставил ножку. Мальчик упал. Вскочил. Посмотрел. Быстрицкий был рядом. Юнкер тяжело дышал. От злости у него тряслись руки. В одной из них был пистолет. Дуло его медленно поползло вверх и уставилось в грудь Тимки. Мальчик видел перекосившееся лицо юнкера и понял: выстрелит.
Тогда, повернувшись лицом к Быстрицкому, Тимка еще раз взмахнул газетой и закричал:
— «Правда», «Правда»...
— Молчать! — прохрипел Быстрицкий.
— Рабочая газета...
— Молчать!
— «Прав...»
Раздался выстрел. Газеты выпали из рук мальчика и рассыпались по тротуару. Тимка упал.
— Боже! — воскликнула какая-то женщина.
На Литейном сразу же наступила тишина. Все замерли. И вдруг...
— «Правда», «Правда», рабочая газета «Правда»!
Люди вздрогнули, повернули головы.
На Литейный выбежал мальчик. Он был очень похож на Тимку: такая же выцветшая ситцевая рубаха, такие же штаны с помочами. Может быть, только ростом он был чуть ниже и в плечах чуть уже.
Остановившись на перекрестке, мальчик заметил толпу. Он еще не понял, в чем дело. Но увидел людей и улыбнулся. Его маленькая ручонка вскинула над головой что-то белое. И в тот же миг звонко, по-ребячьи пронзительно ударило и разлетелось во все концы:
— «Правда», «Правда», рабочая газета «Правда»!

Разлив

Лес. Луг. Рядом тихо плещется озеро. Лесная поляна. Трава. Шалаш.
Недалеко от шалаша на пеньке сидит человек. Склонился над рукописью. Быстро пишет. Это Владимир Ильич Ленин.
Что-то прошуршало в кустах. Поднял Ленин голову. Нет, все спокойно.
Где-то треснула ветка. Снова затих Владимир Ильич. Прислушался. Нет, все спокойно.
Озеро, лес, шалаш — это знаменитый Разлив.
После 4 июля Временное правительство отдало приказ арестовать Ленина. Под угрозой находилась жизнь Владимира Ильича. Правительственные отряды, которые разыскивали в Петрограде Ленина, получили распоряжение убить Владимира Ильича.
Ленину нужно было срочно уйти в подполье. Партия решила укрыть Владимира Ильича под Петроградом, рядом с озером Разлив.
Здесь на станции Разлив, на чердаке сарая, принадлежавшего рабочему-большевику Николаю Александровичу Емельянову, и поселился вначале Владимир Ильич.
Однако сарай находился в поселке. Ленина могли заметить. Пришлось подыскать более укромное место.

В. И. Ленин в Разливе. Кадр из фильма Л. Кулиджанова «Синяя тетрадь»

Кадр из фильма С. Юткевича
«Рассказы о Ленине»

Перевез Емельянов Владимира Ильича на лодке через озеро Разлив, высадил на пустынном берегу. Безлюдно здесь, тихо. Лишь изредка рабочие-финны косили в этих местах траву. Под видом такого, как их называли, рабочего на сенокосе в простом шалаше и предстояло с этого дня почти месяц прожить Ленину.

Ленин сбрил усы, бороду. Сменил одежду. Не узнать теперь Владимира Ильича. В зарослях кустарника Емельянов оборудовал для Ленина рабочий кабинет. Установил два пня. Один повыше. Это «стол». Второй пониже — «стул». «Зеленый кабинет» очень понравился Владимиру Ильичу. Здесь он работал над

статьями, начал писать книгу «Государство и революция». Находясь в подполье в Разливе, Ленин продолжал руководить деятельностью большевистской партии. К нему приезжали из Петрограда посыльные.

— Где здесь рабочий на сенокосе?

— Здесь я, — весело отвечал Владимир Ильич.

Постоянно навещал Владимира Ильича и Николай Александрович Емельянов. А иногда кое-кто и из его сыновей. Привозили еду для Владимира Ильича, газеты.

— Газеты. Газеты всегда в первую очередь, — просил Ленин.

Глянешь на то место, где жил в подполье Владимир Ильич — шалаш, поляна, коса, приставленная к шалашу. Брусок, чтобы точить косу. Тут же недалеко место для костра. В землю вбиты колышки. Висит котелок.

Все как у настоящего местного косаря.

Наступил август. Лето приближалось к концу. Начались дожди.

Возникла также опасность, что сыщикам удастся напасть на след Владимира Ильича. Партия приняла новое решение. Железнодорожный машинист большевик Гуго Ялава, выполняя задание партии, перевез Ленина через границу в Финляндию.

Разлив! Навечно сохранилось место ленинского подполья. На том месте, где скрывался Владимир Ильич от ищеек Временного правительства, рабочие Ленинграда установили памятник. Шалаш из гранита. Стоит он рядом с настоящим ленинским шалашом.

Сохранился и ленинский «зеленый кабинет». Сохранился и «стол», и «стул». Все, как было при Владимире Ильиче.

Тысячи людей со всего мира приезжают сейчас в Разлив.

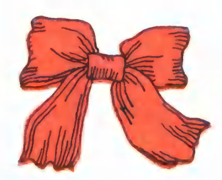

ГУГО ЯЛАВА

„Александра Федоровна“

8 июля 1917 года министром-председателем Временного правительства стал Керенский.
Звали его Александр Федорович.
Однако очень скоро переименовали Керенского. В лицо говорили «Александр Федорович», за глаза — «Александра Федоровна». Даже свои, даже некоторые из министров.
Почему же так стали называть Керенского?
Принадлежал Керенский к партии эсеров. Если расшифровать слово «эсеры», получится «социалисты-революционеры». Вы уже знаете, была в те годы в России такая партия. Хотя и называли эсеры себя революционерами, на самом деле многие из них оказались врагами революции. Готовы, как и меньшевики, примириться с буржуазными порядками в России. Пугала их народная социалистическая революция.
Вот и эсер Керенский. Он даже вошел в состав буржуазного Временного правительства. Даже стал министром-председателем этого правительства. Верным слугой русских капиталистов и помещиков оказался социалист-революционер Керенский.
Гордился Керенский своим положением. Во френче ходил полувоенном.
В крагах. Лицо у него неулыбающееся. Волосы на голове — ежиком.
Любил Керенский руку закладывать за борт френча. Заложит, стоит, словно французский император Наполеон Бонапарт — не меньше.
Обожал Керенский трибуны. Обожал выступать. Говорил долго. Обещал много.
Льются, льются чуть ли не Волгой слова из Керенского.
Начнет Керенский выступать, а в зале уже шепот:
— Открыл шлюзы.
Когда Керенский стал министром-председателем Временного правительства, поселился он в Зимнем дворце. Облюбовал бывшие царские комнаты.
Расположился в спальне, которую раньше занимала русская царица Александра Федоровна. Поразительным выглядело совпадение.

Живет эсер Александр Федорович Керенский в комнате своей тезки бывшей русской царицы Александры Федоровны Романовой.
Вот почему и стали его называть «Александра Федоровна». Однако не только поэтому, не только из-за комнаты. Чем дольше продолжал оставаться Керенский на посту министра-председателя Временного правительства, тем больше убеждались в России: мало чем отличается политика эсера Керенского от политики бывших русских царей.
Не удивительно, что свергнутый царь Николай II, который 9 января 1905 года приказал на Дворцовой площади расстрелять мирную демонстрацию петроградских рабочих, в своем дневнике о Керенском записал: «Этот человек положительно на своем месте».
Закрепилось за Керенским прозвище «Александра Федоровна».
Не зря говорят в народе: «Два сапога — пара».

Большевики собрались на свой съезд

Бывший городовой Припрыжкин терялся в догадках: «Люди какие-то собираются в доме. Что тут такое? Вооруженные рабочие ходят вокруг помещения. Неспроста!»
Стал он по старой служебной своей привычке следить за зданием. Было это в рабочем районе на Выборгской стороне.
Все подтвердилось. Утро. Подходят сюда по одному, по два, по три человека разные люди.
«Дознаюсь», — решил Припрыжкин.
Дознался.
Оказывается, здесь, на Выборгской стороне, собрался

Кадр из фильма Л. Кулиджанова «Синяя тетрадь»

VI съезд партии большевиков. Был у бывшего городового Припрыжкина старый приятель жандарм Тутышкин. Тоже теперь он бывший. После февральской революции не стало жандармов и городовых в России. Лишились оба они работы. Пришел «бывший» Припрыжкин к «бывшему» Тутышкину:

— Съезд происходит. Большевиков.

— Так. Так.

— Донести бы властям, — предложил Припрыжкин.

— А ну, покажи, где дом, — потребовал Тутышкин.

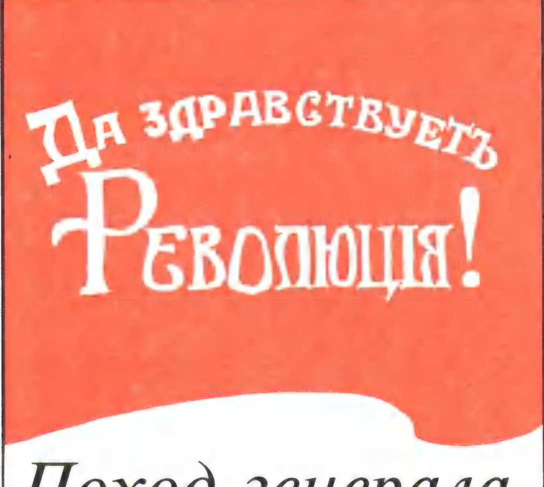
Подошли они к дому. Нет никого. Нет и охраны.

— Странно! — сказал Припрыжкин. — Были же. И охрана кругом ходила.

— Шутки шутить изволишь, — обиделся Тутышкин.

— Видел. Своими глазами видел, — уверяет Припрыжкин.
Не ошибся Припрыжкин. Именно здесь, на Выборгской стороне, начал свою работу большевистский съезд.
Однако вскоре его заседания перенесли в другое место. Тоже в рабочий, Нарвский, район, за Нарвскую заставу. В новом месте собирались теперь делегаты. Там стояла охрана из вооруженных рабочих.
Упорным оказался бывший городовой Припрыжкин. Разнюхал он и про новое место съезда.
Бежит поскорее к Тутышкину.
— Знаю, где они. Знаю!
— Ну, ну, так где?
— В Нарвском районе. За Нарвской заставой.
Поехали Тутышкин и Припрыжкин в Нарвский район.
— Вот тут, в этом доме, — сказал Припрыжкин.
Однако и тут не оказалось большевистских делегатов.
В третий раз сменил съезд место своей работы.
Проведение съезда было делом опасным.
Владимир Ильич Ленин не присутствовал на съезде. Он находился в Разливе. Партия не разрешила ему выйти из подполья и приехать в Петроград. Однако к Ленину в Разлив приезжали из Петрограда товарищи. Здесь, в ленинском шалаше, были подготовлены важнейшие документы съезда. А сам Ленин был избран почетным его председателем. Находясь в подполье, Ленин продолжал руководить работой партии и большевистского съезда.
О многом говорилось на съезде. Многие важные для партии вопросы были на нем решены. Главный из них — сейчас, после того как в июльские дни Временное правительство встретило огнем петроградских трудящихся, мирным путем революцию не совершишь. Надо рабочим, крестьянам и солдатам России готовиться к вооруженному восстанию, к вооруженной борьбе. Надо силой взять власть в свои руки.
Движется, движется время. Приближается грозный час.

Поход генерала Корнилова

Старушки Дарья Овсянкина и Маланья Кудимова собирали грибы в лесу.
Деревня их находилась километрах в десяти от города Луги. Железная дорога от деревни недалеко проходила. Шла она из Луги на Петроград. Побродили, побродили старушки по местному лесу. Однако не очень много грибов собрали.
— Давай перейдем на ту сторону железнодорожной насыпи, — предложила подруге старушка Дарья.
— Пошли.
— Только осторожно. Смотри под ноги. Будешь переходить — не упади. За рельсы ногами не зацепи.
— Не упаду, не упаду, — проворчала Маланья.
Поднялись они на насыпь. И тут! Что такое? Нет никаких рельсов на насыпи. Разобрано железнодорожное полотно.
— Вот так невидаль! Что такое? — удивляются старые женщины.
А в это время в Петрограде:
— Генерал Корнилов идет на Петроград!
— Корнилов!
Генерал Корнилов был верховным главнокомандующим русской армии. Против большевиков Корнилов. Против всех тех, кто хотел бы в России установить новые порядки. За царя Корнилов. За капиталистов и помещиков. Мечтает Корнилов и о том, чтобы стать самому во главе России.
Довольны русские богатеи:
— Такой нам и нужен. Такой наведет порядок.
— Придет Корнилов — притихнут рабочие.
— Придет Корнилов — притихнут солдаты.
— Придет Корнилов — конец Советам.
Однако рано радовались богатеи. Против контрреволюционного генерала поднялся трудовой народ Петрограда. Поднялись

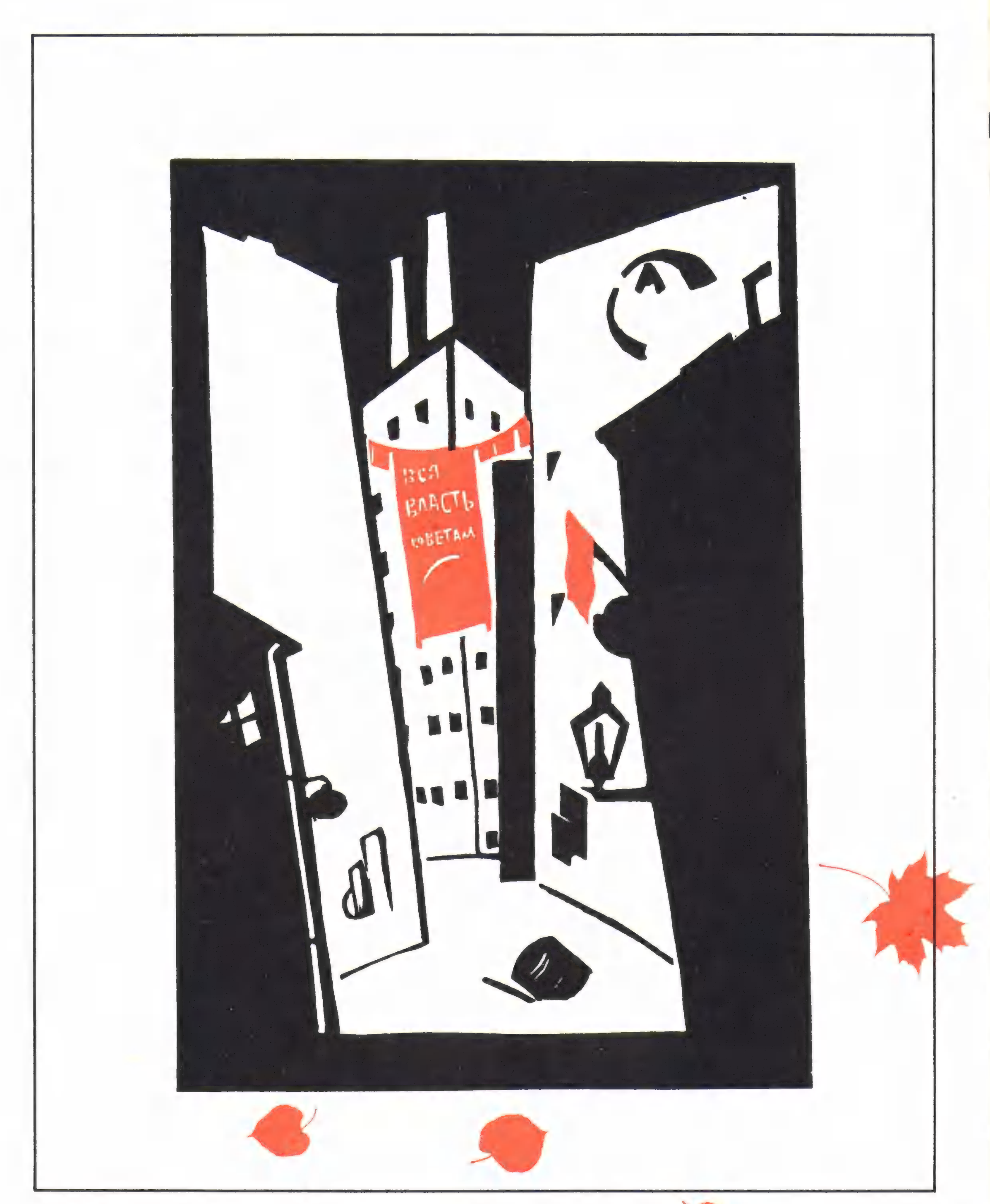
Застава революционных войск
под Петроградом

революционные солдаты и моряки.
Центральный Комитет большевистской партии выпустил специальное воззвание. Называлось оно «Ко всем рабочим и солдатам Петрограда!».
Навстречу войскам генерала Корнилова были посланы большевистские агитаторы. Двинулись красногвардейские отряды. Очень помогли железнодорожники. Узловые станции они забивали пустыми вагонами. Из паровозов выпускали пары. Разбирали железнодорожное полотно. Старушки Дарья Овсянкина и Маланья Кудимова как раз и попали на один из таких участков.
Глава Временного правительства Керенский был вначале за то, чтобы пришел в Петроград Корнилов. Однако потом испугался. Отдал он приказ о смещении Корнилова с поста верховного главнокомандующего.
А потом и приказ о его аресте. Хоть и арестован генерал Корнилов, но всем ясно: не он, так другой такой же генерал появится. Идут богатеи войной на трудовой народ.

Все сильнее, все сильнее голоса в России:
— Долой Временное правительство!
— Вся власть Советам!
Движется, движется время. Приближается грозный час.

Да
Здравствуетъ
Всеобщее
Вооруженіе
Народа
и Рабочихъ
Прежде Всего!

Перед штурмом

ВСЯ
ВЛАСТЬ
СОВЕТАМ

ОКТЯБРЬ

Опять в Петроград

Бежит, бежит, бежит паровоз. Дружно на стыках стучат колеса. Бежит, бежит, спешит паровоз. Ветер птицей летит навстречу.
На паровозе: машинист, кочегар. И — третий. Это Владимир Ильич Ленин. Ленин побрит, в очках. На голове седоватый парик.
7 октября 1917 года Ленин тайно возвращается в Петроград.
Находясь в Финляндии, Владимир Ильич Ленин внимательно следил за тем, что происходит в России.
Он рвался в Петроград.
Но, оберегая Владимира Ильича, Центральный Комитет партии большевиков не давал разрешения на его приезд. И вот разрешение получено.
Бежит, бежит, бежит паровоз. Проносятся мимо березы, ели. Дым из паровозной трубы нескончаемой гривой стелется.
Улыбается Ленин.
Поглядывает на машиниста, смотрит на паровоз. Тот же машинист, тот же паровоз.
Увозил Владимира Ильича в эмиграцию машинист Гуго Ялава. Он же — Ялава — и сейчас ведет паровоз.
И паровоз тот же. Номер 293.

Паровоз, на котором В. И. Ленин возвратился в Петроград

Сестрорѣцкій Оружейн. Заводъ.

№

Предъявителю сего Констан... Петровичу Иванову

разрѣшается входъ въ Мага...

... завода до

1 Января 1918 года.

Примѣчаніе:

1) Билетъ всегда имѣть при себѣ и предъявлять по первому требованію администраціи завода.

2) Билетъ долженъ быть предъявленъ въ контору завода для записи въ книгу.

Помощникъ Начальника Сестр. Оруж. Завода по технической части

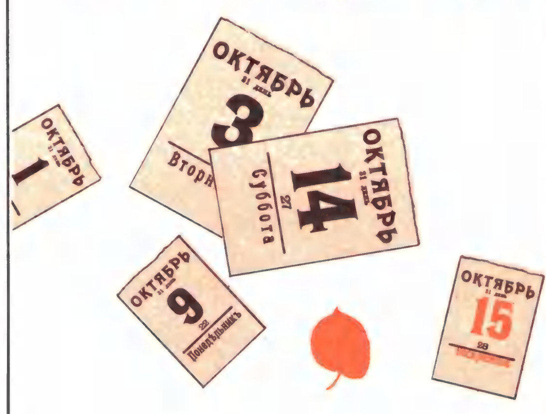
Пропускной билет В. И. Ленина
на имя рабочего Сестрорецкого завода

Начался путь Владимира Ильича в Петроград в городе Выборге. Ехал Ленин не один. Сопровождал Владимира Ильича связной партии Эйно Рахья. Задание у Эйно — охранять Ленина в пути. До русско-финляндской границы, до станции Райвола, Владимир Ильич и Рахья ехали на другом поезде. В вагон не заходили. Стояли на площадке.

Вспоминает Владимир Ильич эту поездку. Опять улыбается. Договорились они с Рахья разговаривать по-фински. Делали это для маскировки. Если вдруг появятся в вагоне сыщики Временного правительства, пусть думают: едут два финна. Многими иностранными языками владел Владимир Ильич, а вот финским — нет. Решили тогда так: говорить будет

только Рахья. Ленин же станет лишь изредка отвечать. Произносить всего два слова: либо «да», либо «нет». «Да» — по-фински «я», «нет» — «ей». Говорит Рахья.
— Я, — отвечает Ленин и качает утвердительно головой.
Говорит Рахья.
— Ей, — отвечает Ленин и поводит головой отрицательно из стороны в сторону.
Посмотришь со стороны — ничего подозрительного. Действительно, едут два финна, ведут мирную беседу.
Благополучно доехали они до русско-финляндской границы. Здесь и пересели на поезд, машинистом которого был Гуго Ялава. Владимир Ильич в условленном месте по сигналу Ялавы поднялся на паровоз. Рахья сел в один из вагонов.
Бежит, бежит, бежит паровоз. Стоит Владимир Ильич. Смотрит вперед в оконце. Спешит, спешит, спешит паровоз. Ветер птицей летит навстречу.

Смольный

Величественное трехэтажное здание. Слева и справа два выступающих вперед крыла. Восемь колонн над центральным входом. Перед зданием — ограда. За ней — вместительная парадная территория. За зданием река Нева.
Это Смольный.
Во времена царя Петра I, здесь, на левом берегу Невы, находился Смоляной двор — склад, в котором хранилась смола для флота. Много лет спустя на этом месте построили огромное каменное здание. В нем долгое время находился Институт

благородных девиц — учебное заведение, в котором воспитывались дочери богатых людей России.
По имени бывшего Смоляного двора институт получил название Смольного.
Проходят девочки с косичками, в бантиках.
— Ее светлость княгиня Мансурова.
— Ее сиятельство графиня Нащекина.
— Ее превосходительство баронесса де Сталь.
И вдруг:
— Просим очистить здание!
Вскоре после февральской революции, когда по всей стране стали возникать Советы рабочих и солдатских депутатов, знатных девиц потеснили.

— В сторонку, княгиня Мансурова!
— Поторопитесь, графиня Нащекина!
— Уступите место, ваше превосходительство баронесса де Сталь!
Накануне Великой Октябрьской социалистической революции в Смольном институте расположился Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов и Петроградский Совет.
Здесь же находилось и отделение Центрального Комитета партии большевиков.

Незабываемая роль в истории выпала на долю Смольного института. Он стал штабом Великого Октября.
Отсюда, из Смольного, Владимир Ильич Ленин руководил вооруженным восстанием против сил Временного правительства.
Здесь находился боевой орган восстания — Военно-революционный комитет.
Именно в здании Смольного на II съезде Советов в октябре 1917 года произошло величайшее событие в нашей отечественной истории и в истории всего человечества — была провозглашена Советская власть в нашей стране.

Смольный

ОКТЯБРЬ

7

Поражается Рахья

— Осторожно, Владимир Ильич, темно!
— Не волнуйтесь, товарищ Рахья.
Выборгская сторона. Вечер. Кое-где тускло посвечивают фонари. Ленин и Рахья только что приехали в Петроград, идут со станции.
В Петрограде для Владимира Ильича приготовлена квартира. Тайная. Конспиративная. Это квартира большевички Маргариты Васильевны Фофановой. Адрес — Сердобольская улица, дом № 1. Квартира находится на четвертом этаже.
Предупредителен Рахья.
— Вот здесь пройти лучше, Владимир Ильич!
— Вижу, вижу, товарищ Рахья.
Беспокоится Рахья, волнуется за Владимира Ильича. Знает: повсюду разыскивают Владимира Ильича агенты Временного правительства.
Глава Временного правительства Керенский назначил за поимку Ленина крупное вознаграждение.
Юнкера — будущие офицеры, воспитанники военных училищ — грозили при задержании на месте расправиться с Лениным.
«Знает ли об этом Владимир Ильич? — подумал Рахья. — Лучше ему не знать».
И вдруг.
— Не волнуйтесь, товарищ Рахья. Не волнуйтесь — не

ЭЙНО РАХЬЯ

задержат, не схватят, — словно прочитав мысли Рахья, произнес Ленин.
Поражается Рахья удивительному умению Ленина угадывать мысли других.
Поражается и той уверенности, с которой Владимир Ильич идет по незнакомым улицам.
Попадая в новый город или просто отправляясь с кем-нибудь на встречу, Владимир Ильич никогда не записывал названий улиц, адресов, фамилий.
У встречных он никогда не расспрашивал о дороге.
Это привычка старого опытного революционера — все держать в голове. Зато заранее по плану города Владимир Ильич всегда тщательно изучал местность и маршрут, по которому ему предстояло пройти.
Так было и сейчас. Весь путь от станции Удельной, на которой они сошли, до квартиры Фофановой Ленин прекрасно себе представлял. План с маршрутом этого пути ему заранее переслала в Финляндию Надежда Константиновна Крупская.
Уверенно шагает Ленин.
— Сейчас, товарищ Рахья, мы возьмем чуть левее.
Поражается Рахья.
— Сейчас перейдем на противоположную сторону улицы.
Поражается Рахья.
— Сейчас мы свернем направо, и наш — первый дом за углом.
Верно!
«Поразительный человек Владимир Ильич, удивительный», — рассуждает Рахья.
Любит Рахья делать выводы и обобщения. «Выходит, если ты рядом с Лениным, можно закрыв глаза идти.
Не собьешься с пути. Верной пойдешь дорогой!»

Вся власть
Совѣтамъ
Рабочихъ,
Солдатскихъ
и Крестьянскихъ
Депутатов!

ОКТЯБРЬ

„Вся власть Советам!“

В октябре 1917 года в Петрограде издавалось несколько большевистских газет и журналов. Наибольшей популярностью у читателей пользовались газеты «Рабочий путь» (так называлась в те дни газета «Правда») и «Солдат».
Читают петроградские рабочие газету «Рабочий путь»:
— Наша газета — рабочая.
Читают солдаты и матросы газету «Солдат»:
— Наша газета — солдатская.
О многом писали в те дни большевистские газеты.
И о положении на заводах и фабриках, и о недовольстве солдат на фронте, и о крестьянских волнениях, которые охватили многие районы страны.
Всюду растут революционные настроения. Особенно здесь, в Петрограде. Везде происходят митинги, собрания. На заводах, в солдатских казармах, на кораблях принимаются решения, резолюции. Все больше и больше таких, в которых звучат слова: «Вся власть Советам!»
Приняли такую резолюцию и на заводе «Айваз». Был на заводе рабочий Матвей Сорокин. Эмоциональный он человек, пылкий. Хочется ему, чтобы и в других местах знали, что у себя на заводе приняли они такую резолюцию.
Побежал Сорокин к соседям. На завод «Новый Лесснер».
— А мы резолюцию приняли: «Вся власть Советам!»
— И мы приняли, — отвечают на заводе «Новый Лесснер».
Побежал на завод Барановского (многие заводы в те времена назывались по фамилиям их владельцев).
— А мы резолюцию приняли: «Вся власть Советам!»
— И мы приняли, — отвечают на заводе Барановского.
Побежал на завод «Дюфлон».
— А мы резолюцию приняли: «Вся власть Советам!»
— И мы приняли, — отвечают ему на «Дюфлоне».

Хотел Сорокин бежать и в другие места, да тут кто-то ему сказал:
— Зачем бегать? Ступай в газету «Рабочий путь». Пусть напечатают, все узнают.
— А напечатают?
— Напечатают, напечатают.

Митинг на заводе.
Кадр из фильма С. Эйзенштейна «Октябрь»

Своя же газета — рабочая. Прибежал он в редакцию газеты «Рабочий путь». Рассказывает о резолюции. Оказывается, газета уже и без его подсказки решила печатать такие сообщения. Показывают ему списки. Читает Сорокин:
— Завод Путиловский.
Завод Балтийский.
Завод «Старый Парвиайнен».
Завод «Сименс — Шуккерт».
А вот его родной завод.
«Айваз», — читает Сорокин.
А вот и соседи:
— Завод «Новый Лесснер».
Завод «Дюфлон».
Завод Барановского, другие заводы.
Обувная фабрика «Скороход».
Конфетная фабрика «Бирман Кока».
Невское общество по обработке дерева и металла.
Полк Гдовский.
Полк Егерский.
Моторно-понтонный запасной батальон.
Растет число принимающих резолюцию. В номере от 7 октября газета «Рабочий путь» напечатала список, в который входило 28 таких предприятий и воинских частей, а в номере от 22 октября их было уже 54.
Всё громче и громче над Петроградом звучит призыв:
— Вся власть Советам!

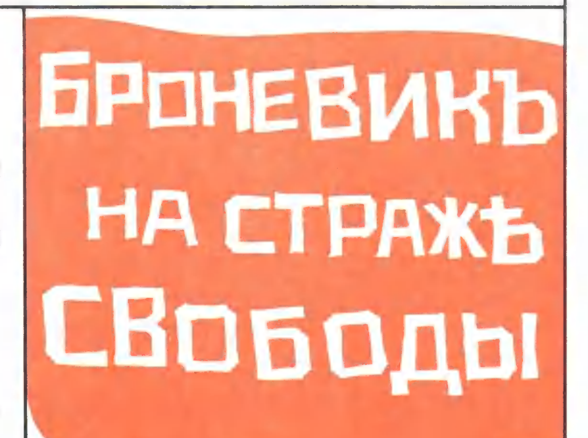
Красная гвардия

— Левой! Левой!
— Выше ногу!
— Четче шаг!
Пустырь, прилегающий к Путиловскому заводу.
Путиловцы после рабочей смены ведут военные занятия.
Рядом идет командир. Свой же, путиловский. Из бывших солдат.
Стройный, подтянутый.
Специально одевший военную форму.
— Левой! Левой!
— Четче шаг!
Еще с лета 1917 года путиловские рабочие стали создавать при заводских цехах и мастерских вооруженные отряды. Эти отряды получили название Красной гвардии.
Многие записывались тогда в красногвардейцы.
Оружия, правда, всем не хватало. Выходили на занятия с палками, с деревянными гранатами.
Четко идут занятия.
— Коли!
Колют красногвардейцы палками учебные цели, словно в руках настоящие винтовки.
— Бросай!
Бросают красногвардейцы деревянные гранаты, словно это самые настоящие гранаты.
Посматривал молодой рабочий Кузьма Овечкин на красногвардейцев, посмеивался:
— Ну и занятия с палками!
С деревянными гранатами!
Смехота!
Однако с каждым днем все более умело получается все у красногвардейцев.
Походил, походил Кузьма Овечкин. Понаблюдал.
Понравилось. Сам записался в красногвардейцы.
Тоже занимался вначале с палкой, с деревянной гранатой.
Затем к красногвардейцам стало поступать все больше и больше винтовок, настоящих гранат.
Потом пулеметы появились.
А в дни Октябрьского вооруженного восстания были даже пушки и броневики.
Вот и Кузьма Овечкин с настоящей винтовкой уже

Красногвардейцы-рабочие
Путиловского завода

вышагивает.
Не только на Путиловском,
но и на многих других
петроградских заводах к осени
1917 года были созданы отряды
Красной гвардии.
Смотрят люди на стройные ряды
вооруженных рабочих:
— Красная гвардия!
— Красная гвардия!
Идут боевые отряды
петроградского рабочего класса.
Тверд и надежен шаг.

„Наряд вне очереди"

Перепугался фельдфебель Галкин, фельдфебель — это военное звание. Приблизительно то же самое, что старшина. Нужно сказать, что Галкин был фельдфебель из фельдфебелей. Строг — не подходи. Несправедливое скажет — не возрази. Чуть что:

— Наряд вне очереди!

Так и называли его между собой солдаты «Наряд вне очереди». Короче говоря, не любили его солдаты.

Хоть и строг был Галкин, хоть часто и несправедлив, однако службу армейскую знал отлично. Мог научить любого.

И все же не любили его солдаты. Когда произошла февральская революция, даже устроили ему «темную», даже чуть не пришибли Галкина. Стал фельдфебель осторожнее с той поры. Однако характер есть характер, даже и теперь срывался.

И вот. Дело было уже в сентябре. Вызывают Галкина в полковой комитет. Тут-то и перепугался Галкин. Входит в комнату.

В комнате председатель полкового комитета, еще кто-то из комитетских товарищей, а рядом двое мастеровых.

— Вот, — произнес председатель полкового комитета, обращаясь к мастеровым и показывая рукой на Галкина, — и есть тот самый «Наряд вне очереди».

Екнуло сердце у фельдфебеля Галкина. Это, наверное, рядовой Землеройкин нажаловался. Это, наверное, ротный повар Черпалкин сболтнул в комитете. Однако улыбается председатель. Улыбаются и мастеровые. Смотрят на Галкина. Высок, плечист, усы, как у Тараса Бульбы.

— Подойдет, — посмотрев, сказали мастеровые.

Мастеровые оказались представителями Обуховского завода. Во многих тогда петроградских районах, на многих заводах проводились с красногвардейцами военные

Красногвардейцы завода «Вулкан»

занятия. Нужны были опытные учителя. Приглашали солдат. Вот и на Обуховском заводе решили устроить такие занятия. Направили посыльных в соседний полк. Напутствовали:

— Приглашайте человека построже. В полковом комитете и посоветовали фельдфебеля Галкина.

Нужно сказать, не подвел Галкин. Быстро он выучил заводских красногвардейцев и полковому строю, и рукопашному бою, и всем другим боевым премудростям.

Правда, требовал с них без устали: не жалел, не миловал, гонял до седьмого пота.

Кто-то даже спросил у рабочих:

— Как же вы терпите?

— Терпим и не то стерпим, — ответили рабочие. — Будь он не Галкин, а хоть Палкин, будь хоть Дубинкин — ради науки, ради нашей победы вытерпим.

Уже потом, когда революционные войска штурмовали Зимний дворец, фельдфебель Галкин тоже был с обуховскими рабочими на Дворцовой площади.

А когда один из красногвардейцев раньше срока и без команды из-за укрытия высунулся, не удержался фельдфебель Галкин:

— Наряд вне очереди! — грозно выкрикнул.

Три силы

Сердобольская улица. Четвертый этаж. Одна из комнат в квартире Маргариты Васильевны Фофановой. Это последнее подполье Ленина. Владимир Ильич здесь жил с 7 по 24 октября 1917 года. Кровать. Диван. Комод. Столик с кувшином и тазом. Круглая голландская печь в углу. Два окна. У одного из них — письменный стол. Керосиновая лампа на столе. План Петрограда.

Ленин сидит за столом. Что-то пишет. Все мысли Владимира Ильича обращены к одному: обстановка в России накалена, неизбежна социалистическая революция. Большевики должны

возглавить вооруженное выступление народа.
Вот Владимир Ильич отложил перо. Поднялся. Быстро заходил из угла в угол по комнате. Но тут же остановился. Звук шагов мог привлечь внимание соседей, живущих этажом ниже. Ленин снова вернулся к столу. Бегут, бегут мысли Владимира Ильича...
Петроград — столица Русского государства. Большой промышленный центр России. Здесь огромные заводы — Путиловский, Балтийский, Обуховский. Десятки и десятки других заводов и фабрик. Тысячи и тысячи рабочих живут и трудятся в Петрограде. Уже многие годы петроградские рабочие шли в первых рядах тех, кто боролся за лучшую жизнь трудящихся. Рабочие Петрограда готовы с оружием в руках выступить против Временного правительства. Они ждут сигнала. Рабочие Петрограда — вот одна из главных сил революции, делает вывод Владимир Ильич Ленин. Вооруженное восстание должно начаться именно здесь, в Петрограде.
Но рабочие не одиноки в своей борьбе. В Петрограде и в его пригородах в 1917 году находилось много воинских частей, много солдат. Солдаты —

В. И. Ленин в подполье.
Художник Е. Кибрик

это вчерашние рабочие, вчерашние крестьяне. Измученные нескончаемыми тяготами войны, они все больше и больше прислушивались к словам большевиков. К октябрю 1917 года большинство воинских частей русской столицы были готовы вместе с петроградскими рабочими выступить против буржуазного Временного правительства. Революционные солдаты Петрограда — вот еще одна из основных сил приближающегося вооруженного восстания. Петроград — крупнейший

морской порт России. Рядом с Петроградом знаменитая морская крепость Кронштадт. В Петрограде, в Кронштадте, в других русских портах, крепостях и фортах на Балтийском море находилось много военных моряков. Моряки-балтийцы — большая сила. И эта сила тоже на стороне революции. Петроградские рабочие, революционно настроенные солдаты, балтийские моряки — вот три силы, которые должны стать главными в русской революции. О единении этих сил, о совместной борьбе этих сил против Временного правительства и думал в эти минуты Ленин.

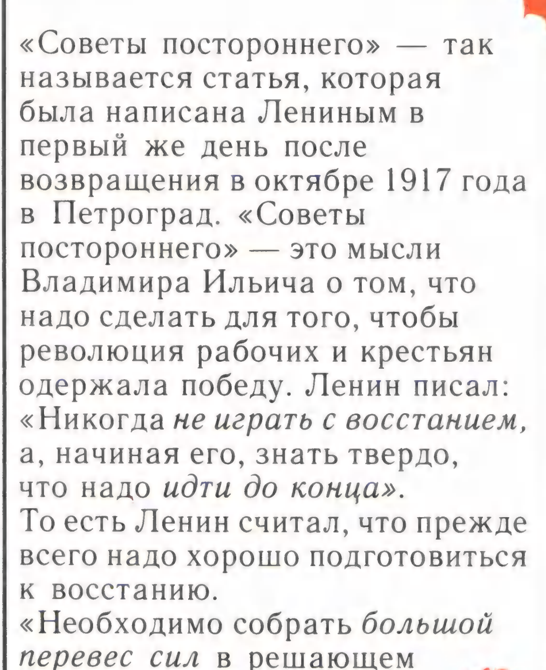

ЯКОВ СВЕРДЛОВ

ОКТЯБРЬ

Ленинский план

«Советы постороннего» — так называется статья, которая была написана Лениным в первый же день после возвращения в октябре 1917 года в Петроград. «Советы постороннего» — это мысли Владимира Ильича о том, что надо сделать для того, чтобы революция рабочих и крестьян одержала победу. Ленин писал: «Никогда *не играть с восстанием,* а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца».*
То есть Ленин считал, что прежде всего надо хорошо подготовиться к восстанию.
«Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте...»

То есть Ленин считал, что восставшие должны уметь выбрать решающее место для удара по врагу и именно сюда направить свои главные силы.
«Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью*, — советовал Владимир Ильич, — и непременно, безусловно переходить *в наступление*».
Ленин приводил слова Карла Маркса: «Оборона есть смерть вооруженного восстания».
Для того чтобы революция победила, нужна «смелость, смелость и еще раз смелость», — писал Ленин.
Три главные революционные силы видел Владимир Ильич в те дни в Петрограде. Это рабочие. Это солдаты. Это революционные моряки Балтийского флота.
«Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска — такова задача», — писал Ленин.
А вот и другие конкретные задачи, которые выдвигал Ленин. Владимир Ильич указывал, что в первую очередь восставшими должны быть заняты и любой ценой удержаны телеграф, телефон, железнодорожные станции, мосты через реку Неву. О мостах Ленин писал: «в первую голову».
Почему же Владимир Ильич считал, что в первую очередь надо захватить именно мосты?
Петроградские мосты отделяли центр города от его рабочих окраин. Если мосты в руках у врага, восставшие не прорвутся к важным правительственным зданиям.
В своей статье Владимир Ильич Ленин напоминал, что проведение восстания — это большое искусство. И оно требует «*тройной смелости*».
Читают ближайшие помощники Ленина статью Владимира Ильича «Советы постороннего».
— Вот так советы постороннего!
— Какой же Владимир Ильич — посторонний!
— Да и не советы же это вовсе. Это самый настоящий, глубоко продуманный план восстания.
Прошло менее двадцати дней, и ленинский план вооруженного восстания был воплощен в жизнь.

ОКТЯБРЬ 10

Решение принято

Два удара в дверь. Затем звонок. Это условный сигнал. Лишь услышав два удара, а затем звонок, Владимир Ильич подходил к двери.

Так было и 10 октября. Два удара в дверь. Звонок. Это за Владимиром Ильичем пришел связной Эйно Рахья. Вечером по просьбе Ленина должно состояться заседание Центрального Комитета партии большевиков. На нем будет решаться вопрос о вооруженном восстании в Петрограде.

Ленин тщательно поправил парик на голове. Одел пальто.

— Что же, вперед! — обратился к Рахья.

Члены Центрального Комитета собрались в засекреченной квартире на Петроградской стороне. Когда Владимир Ильич и Рахья сюда пришли, все были в сборе.

Радостно встретили Владимира Ильича друзья и товарищи по революционной работе. Приветствуют Ленина.

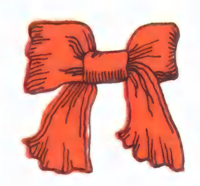
В заседании принимали участие Яков Михайлович Свердлов, Феликс Эдмундович Дзержинский, другие известные большевики. О многом важном для революции говорилось на этом заседании. Но главным был, конечно, вопрос о вооруженном восстании. Выступал Ленин. Владимир Ильич говорил о том, что вооруженное восстание неизбежно, оно назрело, наступило время дать бой Временному правительству.

Заседание закончилось поздно ночью. На нем было принято решение приступить к подготовке вооруженного восстания в Петрограде. По предложению Дзержинского было избрано Политическое бюро для руководства восстанием в составе семи человек во главе с Владимиром Ильичем Лениным.

Волновалась в ту ночь Маргарита Васильевна Фофанова. Поджидает она в своей квартире на

Сердобольской улице Владимира Ильича.
Час ночи.
Нет Владимира Ильича.
Два часа ночи.
Нет Владимира Ильича.
Подходит Фофанова к окну. Вглядывается в ночную темноту. Прислушивается, не раздаются ли шаги на улице. Даже выходит на улицу.
Тикают, тикают часы на стене. Минутная стрелка неумолимо идет по кругу.
Нет Ленина.
Не отпустили в ту ночь товарищи Владимира Ильича на далекую Сердобольскую улицу. Опасно кругом. По городу рыщут сыщики Временного правительства. Переночевал Ленин вблизи того места, где происходило заседание, в Певческом переулке, в квартире связного Эйно Рахья.
Извинялся Владимир Ильич на следующее утро перед Фофановой. Разводил руками:
— Не сердитесь, не сердитесь, Маргарита Васильевна. Всё хорошо. — Улыбнулся приветливо, радостно: — Привет вам из Певческого переулка.

„Штрейкбрехеры“ революции

Слово «штрейкбрехер» означает почти то же, что и «предатель». Позорное слово.
Кто же такие штрейкбрехеры? Ведя борьбу за свои права против капиталистов и угнетателей, рабочие понимали, что сила их в организации, в единении, в крепкой поддержке друг друга.
Одной из форм борьбы рабочих за свои права были стачки и забастовки. Люди прекращали работу и предъявляли свои требования капиталистам. Часто предпринимателям приходилось уступать. Выступив все вместе, организованно, рабочие побеждали.

Капиталисты стремились сломить единение трудящихся. Они пытались найти в их среде тех, кто изменит своим товарищам и приступит к работе. Таким рабочим они обещали всякие привилегии. И вот некоторые поддавались на уговоры капиталистов.
Этих людей и стали называть штрейкбрехерами, то есть предателями, то есть пособниками капиталистов.
16 октября 1917 года состоялось расширенное заседание Центрального Комитета партии большевиков. Снова выступал Владимир Ильич Ленин. Заседание вновь подтвердило ленинский курс на вооруженное восстание, определило его сроки.
И вдруг. Нашлись среди членов Центрального Комитета люди, которые не подчинились решению большинства. Мало того, они выступили на страницах враждебной большевикам газеты и совершили самое страшное — раскрыли сроки восстания.
Этими людьми были Каменев и Зиновьев. Поступили они как предатели. Владимир Ильич Ленин назвал Каменева и Зиновьева штрейкбрехерами.
Многие годы Каменев и Зиновьев были товарищами Ленина по партии, по революционной работе. Вместе они находились в эмиграции.
Узнав о предательстве Каменева и Зиновьева, Владимир Ильич был возмущен. Он не захотел их больше называть своими друзьями. Ленин тут же написал негодующее письмо — «Письмо к членам партии большевиков».
«Я бы считал позором для себя, — писал Владимир Ильич в этом письме, — если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии».
Вся партия осудила тогда Каменева и Зиновьева. Штрейкбрехерами вошли они в историю Великой Октябрьской революции.

Комиссары

Каменев и Зиновьев поступили по-предательски. Но не было уже силы, которая могла бы остановить надвигавшуюся революцию.

Для боевого руководства восстанием был создан Военно-революционный комитет.

Направил Военно-революционный комитет на заводы и фабрики, в разные учреждения, в воинские части и на корабли Балтийского флота своих представителей. Назывались они комиссарами.

Приступили комиссары к работе. Прибыл такой комиссар и в Петропавловскую крепость, в Кронверкский арсенал.

Арсенал — место, где хранится оружие. Около ста тысяч винтовок, много револьверов и пулеметов, артиллерийские орудия, снаряды, миллионы патронов находились в Кронверкском арсенале.

От того, к кому в руки попадет это оружие, во многом зависел исход вооруженного восстания.

Комиссаром арсенала был назначен большевик Михаил Тер-Арутюнянц. Получил он приказ без разрешения Военно-революционного комитета никому не выдавать оружие.

Явился Тер-Арутюнянц. Предъявил свой мандат.

Большинство солдат арсенала было на стороне большевиков. Приняли они комиссара. Дали свое согласие выполнять распоряжения Военно-революционного комитета.

Но над солдатами был командир — комендант арсенала прапорщик Филиппов.

Узнал он о приходе большевистского комиссара:

— Какой мандат?! Какой комиссар?! Какой Военно-революционный комитет?!

— Наш, — отвечают солдаты.

— Молчать!

— Тише, тише!

Подняли солдаты винтовки. Понял комендант: не шутят солдаты. Пришлось замолчать

Филиппову.
Установили солдаты у ворот арсенала пулемет, два других чуть в сторонке поставили. Подходи, если найдется смелый. Прибыла к арсеналу команда юнкеров. Подошел офицер, командир юнкеров, к воротам:
— Открывай!
Протягивает бумагу. В бумаге приказ выдать юнкерам тысячу винтовок и большую партию пулеметов. Бумага из штаба Петроградского военного округа. Посмотрел Тер-Арутюнянц на бумагу:
— Недействительна. Необходимо разрешение Военно-революционного комитета.
Возмутился офицер. Пригрозил применить силу.
— Спокойно. Не торопитесь,— произнес Тер-Арутюнянц и скосил глаза на стоящий у ворот пулемет.
Потоптались, потоптались у ворот юнкера. Поворот от ворот. Ушли юнкера ни с чем. Только ушли юнкера, зафыркали у ворот грузовые автомашины. Прибыл отряд казаков. Предъявляет казачий офицер наряд — выдать отряду 10 тысяч винтовок для донских казаков.
— Поживей. Открывай ворота.
— Минуточку.
Посмотрел Тер-Арутюнянц на наряд. Отрицательно замахал головой:
— Необходимо разрешение Военно-революционного комитета.
Вспылил офицер. Потянулся даже к казацкой шашке.
— Но, но! — осадил комиссар офицера и снова скосил глаза на пулемет.
Покрутились, покрутились казаки у ворот. Поворот от ворот. Уехали казаки ни с чем. Все новые и новые офицерские и юнкерские отряды появляются у арсенала. От ворот поворот.
Прекращена выдача оружия силам Временного правительства. Военно-революционный комитет стал хозяином арсенала.
Самоотверженно работали комиссары Военно-революционного комитета.

ОКТЯБРЬ

Солдаты

Штаб Петроградского военного округа. В просторном кабинете полковник Полковников.
Полковник Полковников — командующий Петроградским военным округом.
В подчинении Петроградского военного округа находятся все воинские части, расположенные в Петрограде и его окрестностях.
21 октября по указанию Владимира Ильича Ленина Военно-революционный комитет принял решение взять под свой контроль деятельность штаба Петроградского военного округа.
В штаб были направлены комиссары. Отказался полковник Полковников подчиниться решению Военно-революционного комитета. Хоть и принял, но не признал комиссаров.
Ушли комиссары.
Негодует полковник Полковников:
— Какая дерзость! Какая наглость! С этим пора кончать.— Задумался. Добавил: — Жестоко!
Невыполненным оказалось решение Военно-революционного комитета. Тогда на следующий день, утром 22 октября, комитет вызвал в Смольный представителей всех частей Петроградского гарнизона.
Идут в Смольный представители от полков:
Павловского,
Измайловского,
Кексгольмского,
Московского,
Литовского,
Волынского,
Егерского,
Гренадерского и от многих других частей и полков.
Собрались представители.
Сообщают им об отказе штаба Петроградского военного округа признать контроль со стороны Военно-революционного комитета.
Понеслись голоса:
— А что их слушать!
— Штыками взять!
— Заставить!
Бурно проходило заседание.

Петроград.
Дворцовая набережная

Представители частей заявили, что будут признавать и выполнять только те приказы, которые исходят от Военно-революционного комитета.
Готовы революционные солдаты, если надо, силой взять штаб Петроградского военного округа.

ОКТЯБРЬ

23

Экстренное заседание Временного правительства

23 октября. Поздний вечер. Зимний дворец. Министр-председатель Керенский собрал экстренное заседание Временного правительства. Сидят члены правительства: заместитель министра-председателя и министр торговли и промышленности, сам крупный промышленник Коновалов, министр иностранных дел, помещик, богатейший землевладелец Терещенко, военный министр генерал Верховский, морской министр адмирал Вердеревский, министры Никитин, Кишкин, Карташов, другие министры. Выступает Керенский. Ругает большевиков, говорит о напряженном положении в Петрограде, об угрозе вооруженного выступления петроградского пролетариата.

— Но власть в наших руках, — почти выкрикивает Керенский. Принял важную позу: — Сила в наших руках. Надо действовать, господа. Перед членами Временного правительства он излагает свой план. Необходимо срочно разгромить большевистские газеты «Рабочий путь» и «Солдат».

— Возмутители спокойствия! — выкрикивает Керенский. — Необходимо арестовать всех членов Военно-революционного комитета. Необходимо арестовать всех видных работников большевистской партии. Нужно захватить Смольный и навсегда покончить с большевиками.

— Верно!

— Согласны! — раздались голоса членов Временного правительства.

Затем Керенский подошел к телефону и отдал приказ военным — штабу Петроградского военного округа — утром 24 октября приступить к выполнению намеченного плана. Приближались решительные часы революции.

ОКТЯБРЬ

23

Петро-павловская крепость

Нева. Заячий остров. Кругом вода. Здесь, на Заячьем острове, поднялась Петропавловская крепость. Вот они — толстые стены, бастионы, равелины. Крепостная площадь. Собор. Колокольня. Острый, как шпага, соборный шпиль. Долгие годы Петропавловская крепость считалась страшной тюрьмой.
В октябре 1917 года Петропавловской крепости суждено было стать одним из главных центров вооруженного восстания. Удобное место у Заячьего острова. Напротив, как на ладошке, — Зимний дворец. Рядом — главнейшие мосты через реку Неву.
Давно уже гарнизон Петропавловской крепости находился под влиянием большевиков. 23 октября Военно-революционный комитет назначил прапорщика большевика Георгия Ивановича Благонравова своим комиссаром в крепости. Комендантом Петропавловской крепости был полковник Васильев. Враждебно он отнесся к комиссару, враждебно относился и ко всем солдатам-большевикам.
— Пересажать их всех надо, пересажать, — говорил Васильев своим офицерам. Стал он готовить арест петропавловских большевиков.

ГЕОРГИЙ БЛАГОНРАВОВ

Петропавловская крепость.
Кадр из фильма С. Эйзенштейна
«Октябрь»

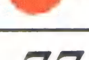
Понимает, сил у самого недостаточно. Принялся настойчиво звонить в штаб Петроградского военного округа.
— Полковник Полковников?
— Я.
— Говорит полковник Васильев.
Просит полковник Васильев прислать в Петропавловскую крепость юнкеров и казаков.
— Только побыстрее, — настаивает Васильев.
Понимает полковник Полковников и без Васильева всю сложность положения в Петропавловской крепости.
Обещает он юнкеров. Обещает он казаков.
Офицеры, юнкера, казаки — вот та сила, на которую надеются сторонники Временного правительства.
— Схватка еще впереди, — процедил сквозь зубы полковник Полковников.
Узнал комиссар крепости

Благонравов о звонках полковника Васильева в штаб Петроградского военного округа, отдал революционным солдатам распоряжение посадить под домашний арест и самого Васильева, и других офицеров крепости.
Оказался полковник Васильев в своей квартире. Бросился к телефону, хотел снова звонить в штаб Петроградского военного округа. Смотрит — нет телефона.
Предусмотрительными были солдаты Петропавловского гарнизона. Сняли они телефоны и в квартире Васильева, и в квартирах других офицеров. Изолированы враждебные революции командиры.
Петропавловская крепость в руках восставших.
Отдал комиссар Благонравов приказ установить на стенах крепости пулеметы, усилить ее охрану. Зашагали вокруг крепости революционные караулы.
— Петропавловская крепость в наших руках, — в тот же день было доложено Владимиру Ильичу Ленину.
Нева. Заячий остров. Кругом вода. Грозно смотрят на Зимний дворец пушки Петропавловской крепости.

Посеяв ветер, пожнешь бурю

24 октября. Раннее утро. Вот-вот брызнет рассвет над городом. Туманная дымка стелется над Невой.
Кавалергардская улица. Помещение типографии. Группа печатников. Типографские машины. Идет работа. Это выпускается большевистская газета «Рабочий путь». Растут, растут свежеотпечатанные газетные стопки. Сейчас за ними приедут. Разойдется газета по всему Петрограду. По заводам, фабрикам, мастерским, учреждениям. По солдатским полкам, батальонам, ротам.
Помчатся мальчишки-газетчики:
— «Рабочий путь»!
— «Рабочий путь»!

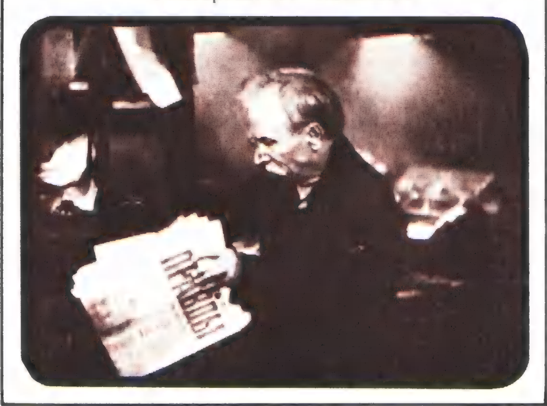
Разгром типографии.
Кадры из фильма Г. Козинцева и Л. Трауберга
«Возвращение Максима»

Понесет газета правду
о событиях в стране
и Петрограде.
Утро. Кавалергардская улица. Торопится отряд военных. Это юнкера. Раздается голос командира:
— Быстрее! Быстрее!
— Сюда!
— Вперед!
Юнкера ворвались в помещение типографии.

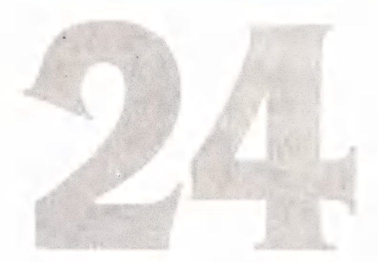
— По решению Временного правительства ваша типография закрывается, — заявил печатникам командир юнкерского отряда.
Запротестовали печатники.
Стали на защиту своих станков.
— Взять силой! — прокричал командир юнкеров.
Набросились юнкера на рабочих, оттеснили от станков, остановили печатание газеты.

Прошло несколько минут — кончено с типографией. Посмотрел один из печатников — пожилой рабочий на разгром в типографии, поднял глаза на юнкерского командира, сказал:
— Посеяв ветер, пожнешь бурю.
— Откуда ветер? — не понял юнкерский начальник и посмотрел на дверь. Затем прикрикнул: — Молчать!
— Я замолчу, — произнес рабочий. — Заговорит История.
Забрали юнкера отпечатанные экземпляры газеты «Рабочий путь». Опломбировали типографию. Выставили караул.

Кадр из фильма «Возвращение Максима»

ОКТЯБРЬ

На силу–силой

О разгроме типографии, в которой печаталась газета «Рабочий путь», стало известно в Смольном. Центральный Комитет партии большевиков принял решение на силу ответить силой. Поступил приказ: очистить типографию от юнкеров, дать возможность снова наладить выход газеты «Рабочий путь». Выполнить этот приказ поручили революционным солдатам. Было сформировано два отряда: один — из солдат Литовского пехотного полка, второй — из солдат 6-го саперного батальона.
Отлично справились солдаты

с боевым заданием — разогнали они юнкеров, заняли большевистскую типографию, сорвали печати с ее дверей. Приступили печатники снова к работе. Пришли в движение типографские машины.
К 11 часам утра 24 октября очередной номер газеты «Рабочий путь» вышел в свет и поступил к читателям.
Расходился он нарасхват.
Газета попала на заводы, в солдатские казармы, в кубрики боевых кораблей.
Грозные призывы звучат со страниц газеты. Читают рабочие, читают солдаты, читают матросы:
«Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции».
«Нужно нынешнее правительство — помещиков и капиталистов — заменить новым правительством — рабочих и крестьян».
«То, что не было сделано в феврале, должно быть сделано сейчас».
Читают рабочие, читают солдаты, читают матросы:
— Верные слова!
— Долой Временное правительство!
Штаб Петроградского военного округа. Узнал командующий округом

Кадр из фильма
«Возвращение Максима»

полковник Полковников, что вышла газета «Рабочий путь»:
— Как?! Почему?! Каким образом?!
Объясняют полковнику Полковникову — отбили типографию большевики.
Рассвирепел полковник Полковников, приказал направить в типографию новый усиленный наряд юнкеров.
Назначили старшим решительного офицера.
— Уничтожить! Выжечь дотла заразу!
— Есть, — отдал честь офицер.
Вновь торопятся юнкера на Кавалергардскую улицу.
Вновь по булыжной мостовой раздается стук кованых сапог.
Прибыли юнкера.
— Готовьсь!
Приготовились к штурму типографии юнкера.
Только не то уже время. Под

надежной охраной теперь большевистская типография.
Встретила налетчиков грозная сила. Окружили юнкеров со всех сторон революционные солдаты и красногвардейцы:
— Сдавайтесь!
Пришлось юнкерам сдаться. Разоружили их. Направили под конвоем в Петропавловскую крепость.
Убедившись, что большинство войск Петроградского гарнизона находится на стороне большевиков, Временное правительство отдало распоряжение вызвать для подавления нарастающего восстания карательные войска с фронта и из ближайших к Петрограду городов.
Узнав о таком намерении Временного правительства, Военно-революционный комитет ЦК партии большевиков тут же направил своих связных во все гарнизоны, охранявшие подступы к Петрограду.
Связные доставляли приказ: быть гарнизонам в боевой готовности и, если возникнет необходимость, стать на защиту революции — не допустить войска, вызываемые Временным правительством, в Петроград.
Такой же приказ был передан через радиостанцию крейсера «Аврора».

ОКТЯБРЬ 24

Слушайте, слушайте, слушайте!

— Слушайте, слушайте, слушайте! Говорит «Аврора»!— передает радиотелеграфист Федор Алонцев.
Услышан приказ с «Авроры».
Поднялись на защиту революции:
Ревель,
Выборг,
Гатчина,
Петергоф,
Сестрорецк,
Луга.
И вместе с ними другие города.
Приходят сообщения в Петроград:
—Ревельский Военно-революционный комитет помешал отправке в Петроград двух казачьих полков и одной пехотной бригады.
— Революционный гарнизон

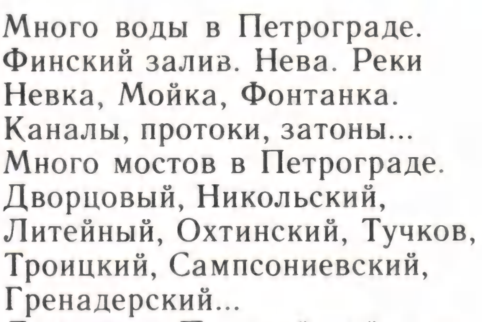
Выборга сорвал переброску в столицу 5-й Кавказской казачьей дивизии.
— Задержаны войска в Царском Селе.
Обезоружена 1-я Петергофская школа прапорщиков.
Все новые и новые сообщения приходят в революционный Петроград.
— Вызванный Временным правительством с фронта 5-й самокатный батальон оставлен у станции Передольская.
3-й самокатный батальон задержан у станции Новинка.
— Юнкера 2-й Петергофской школы прапорщиков задержаны у Стрельни.
— Вызванная из Павловска артиллерийская батарея сама отказалась выступить в Петроград.

ФЕДОР АЛОНЦЕВ
Радиотелеграфист крейсера «Аврора»

ОКТЯБРЬ

Мосты

Много воды в Петрограде. Финский залив. Нева. Реки Невка, Мойка, Фонтанка. Каналы, протоки, затоны...
Много мостов в Петрограде. Дворцовый, Никольский, Литейный, Охтинский, Тучков, Троицкий, Сампсониевский, Гренадерский...
Даже есть Полицейский мост. Даже есть Поцелуев мост.
Особое значение имеют мосты через Неву. Они соединяют рабочие окраины Петрограда с центром города. Многие мосты в Петрограде — раздвижные. Разведешь мосты— отрежешь окраины от центра. Не подойдут тогда к Зимнему дворцу и другим

Николаевский мост

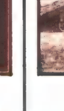

Троицкий мост

Дворцовый мост

Литейный мост

важным правительственным зданиям революционные отряды. В чьих руках мосты — от этого зависит многое.

Помнят восставшие указание Владимира Ильича Ленина — в первую очередь надо захватить мосты через Неву.

— Быстрее, быстрее, — командует командир.

— Шире шаг!

— Бегом!

Торопится красногвардейский отряд. Идут рабочие захватывать Литейный мост.

И в это же время:

— Поспешай! Поспешай!

Это движутся отряды восставших. Идут люди захватывать Охтинский мост.

Вот и в третьем месте звучит команда:

— Налегай, братцы!

— Поспешай, братцы!

Это вооруженные отряды продвигаются к Троицкому мосту.

Идут красногвардейские,
солдатские и матросские отряды
к Сампсониевскому,
к Тучкову, к Гренадерскому,
к Инженерному, к другим
мостам.
К 7 часам вечера 24 октября
почти все петроградские мосты
оказались в руках восставших.
Даже мост Поцелуев.
Маленький, крохотный мост.
Расставлены у мостов посты.
Надежна охрана.
Стоят молодые красногвардейцы
у Поцелуева моста.
Сокрушаются.
— Не тот мост нам достался.
Не тот.
— Нам бы Дворцовый!
— Нам бы Литейный!
— А тут — Поцелуев мост!

СТАНИСЛАВ ПЕСТКОВСКИЙ

ОКТЯБРЬ

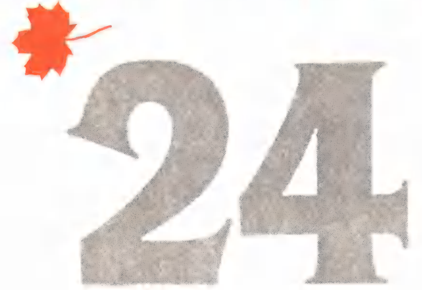
24

Комиссар телеграфа

Феликс Эдмундович
Дзержинский — член
Петроградского Военно-революционного комитета —
подошел к Пестковскому.
Смольный. 24 октября. Около
двух часов дня. Завтра
в Смольном должен открыться
II Всероссийский съезд Советов.
Большевик Пестковский сидит
за столом, регистрирует
прибывающих делегатов.
— Товарищ Пестковский, —
слышит Пестковский. Поднял
глаза — перед ним
Дзержинский.
— Решением Военно-революционного комитета, —
произнес Дзержинский, — вы
назначаетесь комиссаром

Главного телеграфа. Вот мандат, — Дзержинский протянул Пестковскому удостоверение.
Смотрит Пестковский на мандат.
— Вам срочно необходимо овладеть телеграфом, — объяснил Дзержинский. — Таково указание Ленина.
Неожиданно всё для Пестковского.
— Как?! — поразился Пестковский. — Мне — овладеть телеграфом! — Но тут же пришел в себя: — Есть, товарищ Дзержинский. Какую использовать силу?
— Не надо силы, — сказал Дзержинский.
— Но у меня нет даже револьвера.
— Не нужен револьвер.
Караул на Главном телеграфе несут солдаты Кексгольмского полка.
Они на стороне большевиков.
Если надо — солдаты помогут.
Прибыл Пестковский на Главный телеграф. Действительно, понадобилась помощь революционных солдат.
Враждебно встретили Пестковского на телеграфе.
— Это насилие!
— Не допустим!
Особенно один старался.
— Убирайтесь вон! Вон! Вон!— выводит писклявым голосом.

Вышел Пестковский. Рассказал солдатам, как встретили его на телеграфе.
— Значит, слово теперь за нами, — сказали солдаты.
Прошло несколько минут.
Смотрят служащие телеграфа: входит опять Пестковский, следом идут солдаты. Винтовки наготове.
Притихли на телеграфе.
Смирились. Даже человек с писклявым голосом вдруг стал вежливым. Даже сказал:
— Пардон. Простите.
Приступил комиссар к работе.
24 октября. 5 часов дня.
Выполнено указание Ленина — Главный телеграф под контролем, в руках восставших.
Вскоре встретился Пестковский с Дзержинским.
— Ну как? — спросил Дзержинский.
Хотел Пестковский рассказать, как брали они телеграф. Как пришли на помощь солдаты Кексгольмского полка. Про человека с писклявым голосом.
Потом подумал: и без этого много дел у Дзержинского.
Ответил:
— Все в порядке, Феликс Эдмундович.
— Значит, обошлись без револьвера?
— Обошелся, — ответил Пестковский.

„Высылай устав“

24 октября. 8 часов вечера. Гельсингфорс.
В те годы — главная база русского Балтийского флота.
Тут же находится Центробалт.
Центробалт означает: Центральный комитет Балтийского флота. Это высший орган всех судовых и крепостных флотских комитетов.
Возглавляет Центробалт большевик матрос-балтиец Павел Ефимович Дыбенко.
24 октября. 8 часов вечера.
В Гельсингфорс из Петрограда пришла срочная телеграмма: «Центробалт. Дыбенко. Высылай устав. Антонов-Овсеенко».
Читает Дыбенко: «Высылай устав».
Читает телеграмму телеграфист, повторяет про себя: «Высылай устав».
Дыбенко все ясно. Телеграфисту не ясно ничего. Задумался. Зачем это им понадобился устав в Петрограде? Сейчас Антонов-Овсеенко — секретарь Петроградского Военно-революционного комитета.
Читает Дыбенко: «Высылай устав». Все ясно Дыбенко.
«Высылай устав» — это слова условные. Означают они, что надо срочно направить из Гельсингфорса в Петроград боевые суда и десантные отряды моряков. Таков приказ Военно-революционного комитета.
Ясен приказ Дыбенко.

ПАВЕЛ ДЫБЕНКО

ОКТЯБРЬ 24

„Не может быть!“

Дыбенко вызвал к себе в Центробалт командующего флотом адмирала Развозова и морского инженера Винтера. Часть боевых кораблей в те дни находилась в ремонте. В том числе и те, которые было решено направить в Петроград.
— Будут ли готовы корабли к утру? — спросил Дыбенко.
— Никак нет, — ответил Винтер. Объясняет, мол, на ремонт кораблей понадобится не менее двух суток.
— Так точно, не меньше, — подтвердил адмирал Развозов.
Вызвал тогда Дыбенко судовых механиков и машинистов, и к ним с тем же вопросом: может ли быть закончен ремонт кораблей к утру?
— Может, — ответили механики и машинисты. — Может, если революция этого требует.
— Требует, — сказал Дыбенко.
Ушли механики и машинисты. Смотрит им вслед адмирал Развозов. Смотрит морской инженер Винтер.
— Это невозможно, — сказал Развозов.
— Это немыслимо, — заявил Винтер.
И тут же оба:
— Корабли не смогут завтра уйти из гавани.
И вот наступило утро. Дымят корабли над Гельсингфорской гаванью. Готовы боевые суда к отплытию в Петроград. Закончен ремонт досрочно. Стоит Дыбенко, смотрит на корабли. Стоит адмирал Развозов. Стоит инженер Винтер. Разворачиваются корабли. Выходят в открытое море.
— Чудо, — произносит Развозов.
— Совершается невозможное, — улыбается Винтер.
— Возможное, возможное, — улыбается Дыбенко. — Нет для революции невозможного.

Записка

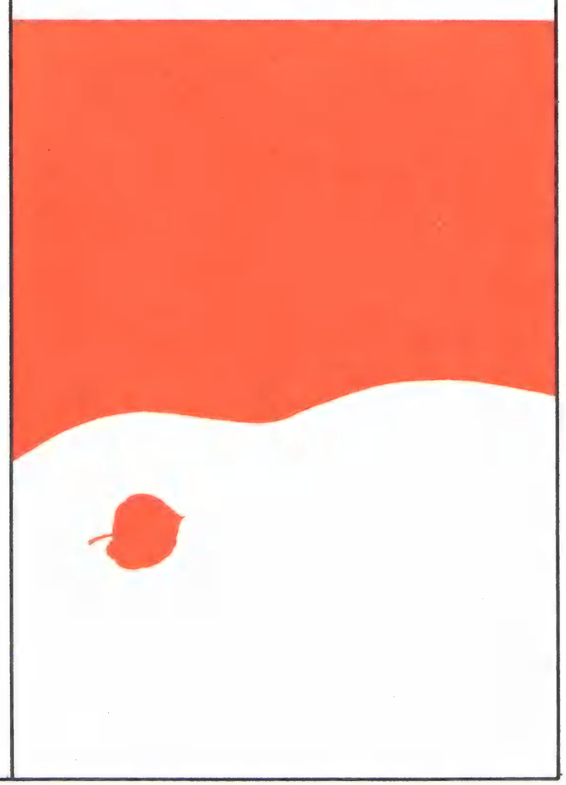
Маргарита Васильевна Фофанова читала записку: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. Ильич».
— Как же так! — всплеснула руками Фофанова.
Записка лежала на столе, в глубокой тарелке.
Вот как развернулись в тот день события на квартире Маргариты Васильевны Фофановой.
Ленин дважды обращался в Центральный Комитет партии с просьбой разрешить ему покинуть конспиративную квартиру.
Товарищи оберегали Владимира Ильича. Дважды приходил отрицательный ответ.
В 9 часов вечера Фофанова ушла из дома, унося с собой новое ленинское письмо.
— Буду ждать вас до 11 часов вечера, — сказал перед ее уходом Владимир Ильич. Потом добавил, что после этого времени поступит так, как сочтет нужным.
Вскоре в квартире Фофановой раздался условный сигнал: два удара в дверь, затем электрический звонок. Это пришел связной Владимира Ильича Эйно Рахья. Он стал рассказывать Владимиру Ильичу о последних событиях в Петрограде.
— Солдаты переходят на сторону революции.
Слушает Ленин.
— Начался захват мостов.
Слушает Ленин.

МАРГАРИТА ФОФАНОВА

— Взят Главный телеграф. Владимир Ильич начал быстро шагать по комнате. Но вот остановился, внимательно посмотрел на Рахья и заявил, что ему необходимо как можно скорее пойти в Смольный.
— Владимир Ильич, время позднее, — стал тут же отговаривать Ленина Рахья.
— Нет, нет, совсем не по́зднее.
— Трамваи, вероятно, уже не ходят.
— Что же, дойдем ногами.
— На улицах стрельба, Владимир Ильич.
— Это, товарищ Эйно, хороший признак.
— Можно наскочить на юнкерский патруль, — находит новый довод Рахья.
Но Владимир Ильич уже принял решение.
— Отправляемся в Смольный. Немедля, — сказал решительно.
Ленин надел парик. Обвязал щеку платком. Нахлобучил на голову старенькую, поношенную потрепанную кепку. Надел пальто.
Перед тем как оставить квартиру, быстро написал записку Фофановой. Положил на дно тарелки.
Ленин и Рахья спустились по лестнице вниз, вышли на улицу. Через минуту они были на Большом Сампсониевском проспекте.

Сверху висело хмурое, черное небо. Утром был дождь. На тротуаре и мостовой еще не просохли лужи. Огни редких уличных фонарей пробивались островками далекого света. Предстоял нелегкий, опасный путь.
Ленин и Рахья шли рядом. Быстро. Легким и твердым шагом.
Пусто в квартире на Сердобольской улице, в квартире Маргариты Васильевны Фофановой. Стол. Тарелка. В тарелке — ленинская записка.

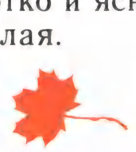

Коротко и ясно

Владимиру Ильичу и Рахья повезло. Вскоре по дороге их нагнал какой-то трамвай. Сели они в прицепной вагон. Вошли через заднюю площадку.
Трамвай был почти пустым. Шел в парк.
Одиноко в своем углу сидит кондукторша.
— Куда вы едете? — спросил Владимир Ильич.
— В парк, — ответила кондукторша.
— Что же, конец работы?
Глянула кондукторша на задающего вопросы человека. Ни молодой, ни старый. Одет в простое пальто. Кепка, видавшая виды.
Ясно — рабочий. Щека платком повязана. Видать, разболелись зубы.
— Вот чудак! — произнесла кондукторша.
Поправил Владимир Ильич чуть-чуть платок на щеке.
— Откуда же ты такой выискался? — усмехнулась кондукторша. — Неужто не знаешь, что в городе делается?
— Нет. Не знаю, — решил подзадорить ее Ленин.
Кондукторша произнесла с укором:
— Какой же ты после этого рабочий человек, раз не знаешь!
Не ожидал Владимир Ильич укора, а в душе радуется: сразу ясно, на чьей стороне кондукторша.
— В городе будет революция, — сказала она.
— Вот как!
— Да. — Посмотрела кондукторша на всякий случай по сторонам, задержала на секунду взгляд на Эйно Рахья, осталась довольна и — доверительно — Ленину:
— Конец работы. Мы едем бить буржуев!..
— Вот это хорошо. Вот это правильно, — не сдержался Владимир Ильич. — Значит, трамвайщики за революцию?
— Чудной ты человек, — сказала кондукторша. — Нынче все за революцию.
Вскоре они доехали до

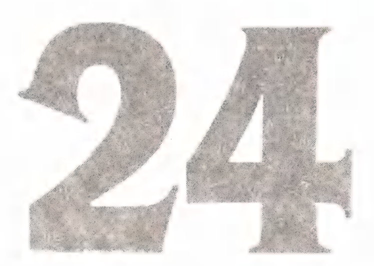
перекрестка, на котором трамвай сворачивал в парк. Ленин и Рахья сошли.
Владимир Ильич чуть задержался. Посмотрел вслед удалявшемуся трамваю.
— Мы едем бить буржуев, — повторил Ленин. — Здорово сказано. Коротко и ясно — программа целая.

Красногвардейский патруль

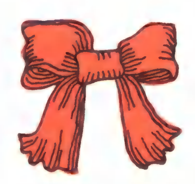
ОКТЯБРЬ

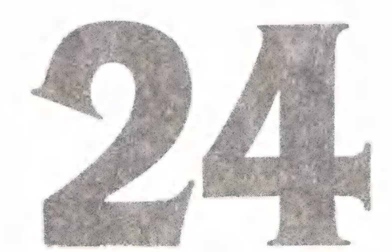
В рабочем клубе

Ленин едет в Смольный. А в это время...
В это же время юнкера разыскивают Ленина. Вот уже несколько дней, как до Временного правительства доходят слухи о том, что Ленин находится в Петрограде.
— Ленин в Петрограде. Ленин в Петрограде.
Арестовать Ленина!
Вскоре в печати появилось сообщение о том, что ищейкам Временного правительства удалось напасть на след Владимира Ильича.
Идет Ленин в Смольный. А в это время...
Отряд юнкеров во главе с полковником ворвался в помещение, которое занимал клуб рабочих завода «Людвиг Нобель».
— Руки вверх! Где Ленин?
Нет здесь Владимира Ильича. Однако...
Один из находившихся в клубе рабочих, пожилой, что-то шепнул стоящему рядом с ним молодому. Кивнул молодой головой: мол, понял.
Рыщут по комнатам рабочего клуба юнкера, разыскивают Владимира Ильича Ленина. Безуспешно.
— А может, он там, — произнес молодой рабочий и показал вниз рукой. — Может, в подвале.
Бросились юнкера в подвал. Искали, искали. Лишь крыс и мышей разогнали.
— А может, он там, — проговорил молодой рабочий и глазами показал вверх. — Может, на чердаке.
Бросились юнкера на чердак. Искали, искали. Кошачье «мяу» в ответ услыхали.
— Знаю, знаю, где он, — сказал молодой рабочий. — В каморке, видать, у дворника.
Бросились неожиданные визитеры к дворнику.
Нет Ленина.
Смотрят рабочие на юнкеров, улыбаются. Знают они, почему молодой их товарищ старается задержать юнкеров здесь, в рабочем клубе. Отсюда из клуба

срочно направлен посыльный в штаб Красной гвардии Выборгского района. Сообщил он красногвардейцам о налете юнкеров, о поиске Ленина.
— Сейчас будем, — ответили красногвардейцы.
Ищут Ленина юнкера. Все так же рядом с ними клубный советчик:
— Может, он здесь.
— Может, он там.
— Хорошо бы снова сходить в подвал.
Стараются юнкера.
Вдруг открываются двери в клуб. Дружной группой входят выборгские красногвардейцы.
— Здравствуйте!
Арестовали они юнкеров-налетчиков. Повели в районный красногвардейский штаб.
Идут петроградские рабочие, ведут юнкеров. С разных сторон вопросы:
— Откуда ведете, откуда?
Улыбаются красногвардейцы:
— Да вот, — показывают на юнкеров, — прогулялись молодые люди в рабочий клуб.

ОКТЯБРЬ

Встреча на Шпалерной

Продолжают Владимир Ильич и Эйно Рахья свой путь. Прошли Пироговскую набережную. Прошли мост. Появится кто-нибудь впереди — настораживается в такие минуты Рахья: «Лишь бы не патруль юнкеров. Лишь бы не патруль юнкеров».
Не миновали они юнкеров. Спустившись с моста, прошли Ленин и Рахья какое-то расстояние по Литейному проспекту, свернули на Шпалерную улицу. И тут прямо на них, словно только того и ждали, словно бы рассчитали — верхом на конях выехали два юнкера.
Придержали они лошадей.

— Стой! Пропуск! — скомандовал один из них.
— Идите вперед, — прошептал Рахья Ленину. — Идите. А я с ними сам разберусь.
Рахья был вооружен. Два револьвера лежат в карманах. «Если зайдет далеко, — рассуждает Рахья, — и одному и другому — пуля». Однако не торопится с пулями Рахья. Вступил в разговор, стал препираться с юнкерами, затягивает время, старается, чтобы Владимир Ильич мог подальше отойти.
— Пропуск! — повторил снова один из юнкеров.
— Что?
— Пропуск, говорю.
— Ах, пропуск.
— Ну да, пропуск.
— Какой пропуск?
— Предъявите пропуск, говорю, — стал злиться юнкер.
— Куда пропуск?
— Болван!
Скосил Рахья глаза, видит — удалился уже на несколько шагов Владимир Ильич.
— Не знал про пропуск. Простите, не знал, — стал извиняться Рахья. — Ведь никому не известно, что введены пропуска.
Не хватило у второго юнкера терпения.
— Да что ты с ним разговариваешь! Бери в участок!
— Не имеете права, — запротестовал Рахья. И опять о том, что никому не известно, что введены пропуска.
В эту минуту юнкера вспомнили о втором встречном.
— А тот, кто второй?
— Тесть мой, — ответил Рахья. И опять про пропуска. Мол, зачем пропуска? И где их взять? И если идешь домой, тоже нужны пропуска?
Надоело, видимо, юнкерам. Решили, наверное: встретились им припозднившиеся рабочие. Да и лучше с рабочим людом вообще не связываться.
Отстали от Рахья.
Догнал Рахья Владимира Ильича.
— Ну, как — разобрались? — спросил Владимир Ильич.
— Пожалели себя юнкера, — усмехнулся Рахья и похлопал по своим карманам, в которых лежали револьверы. — Отпустили.
Не попадались больше им юнкера. Зато теперь, чем ближе подходят они к Смольному, все чаще другие встречи. Пройдет красногвардейский наряд, группа вооруженных солдат, прошагают матросы. Посмотрит

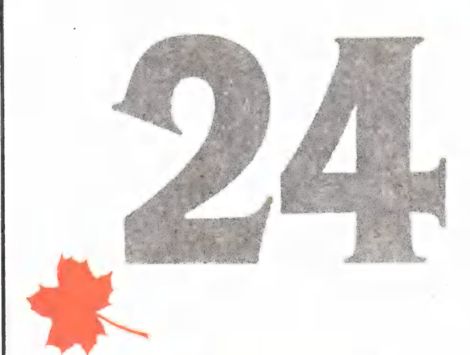

Смольный. Штаб большевиков.
Кадр из фильма С. Эйзенштейна
«Октябрь»

на них Владимир Ильич.
Рад он таким встречам.
Улыбается. «Наша берет», — как бы про себя рассуждает Ленин.
И Рахья встречам таким рад. Хочется в такую минуту ему закричать: «А вы знаете, кто идет? Это же Ленин! Товарищ Ленин!»
Вечер. Темнота. Тишина.
В тишине раздаются шаги.
Ленин идет в Смольный.

СВОБОДА
РАВЕНСТВО
БРАТСТВО

Где Ленин?

Оставались последние метры пути. Впереди показался Смольный.
Ярко светятся окна огромного здания. Ярко и на площади перед Смольным. Горят костры. Людно здесь, шумно. Греются вооруженные люди у костров. Перекликаются:
— Путиловцы, где путиловцы?!
— Кто здесь с Выборгской стороны?
— С «Парвиайнена»? Кто с «Парвиайнена»?
— Где обуховцы? Где обуховцы?
— Кто с Балтийского — отзовись!
Возле Смольного стоят орудия. На ступеньках у входа видны пулеметы. То и дело подъезжают грузовики с вооруженными людьми. Подвозят ящики с винтовками и патронами. И всюду, всюду, всюду — красногвардейцы, революционные солдаты и моряки.
Смотрит Ленин:
— Силы революции.
Владимир Ильич и Рахья пересекли площадь перед Смольным и подошли к входу в здание. У входа скопилась большая группа людей. Все хотят в Смольный. Не всех пропускают в Смольный. Нужны пропуска.
— Пропуска! Пропуска! — требуют вооруженные часовые, стоящие у дверей. Есть пропуск — проходи. Нет пропуска — в сторону.
У Рахья было два пропуска. Две небольшие бумажки белого цвета. Заранее побеспокоился Рахья. Заблаговременно заготовил пропуска.
— Есть пропуска! Есть пропуска! — выкрикивают те, кто пытается пройти в Смольный.
Выкрикивают все, хотя и видно, что у многих пропусков не имеется. «А у нас есть», — радуется Рахья. Вытягивает Рахья голову,

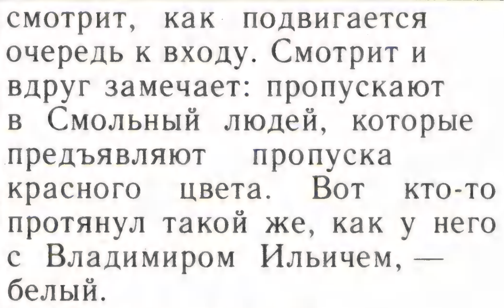

Охрана Смольного

смотрит, как подвигается очередь к входу. Смотрит и вдруг замечает: пропускают в Смольный людей, которые предъявляют пропуска красного цвета. Вот кто-то протянул такой же, как у него с Владимиром Ильичем, — белый.

— Недействителен, — произнес часовой.

Оказывается, сменили в эти часы пропуска. Вместо белого цвета установили красный.

— Есть пропуска! Есть пропуска! — настаивают люди.

При входе собралась толпа. Оберегает Рахья Владимира Ильича:

— Посторонись! Посторонись!

Конечно, и без пропусков прошли бы в Смольный Владимир Ильич и Рахья.

Да только тут собравшиеся поднажали, оттеснили охрану...

Улыбнулся Владимир Ильич: «Первую крепость взяли».

И Рахья доволен. Выполнил он задание партии. Благополучно провел Владимира Ильича из его последнего подполья в Смольный. Даже то, что произошло с пропусками, не расстраивало теперь Рахья. Повторял:

— Белый цвет — хода нет. Сегодня главный цвет — красный.

Рыщут по Петрограду шпики и юнкера:

— Где Ленин? Где Ленин? Где?

В Смольном, в штабе революции, товарищ Ленин.

Ленин в Смольном

Смольный. Третий этаж. Комната Военно-революционного комитета. Ленин, Свердлов, Дзержинский, другие члены Центрального Комитета партии большевиков. Председатель Военно-революционного комитета Подвойский, другие члены Военно-революционного комитета. Именно сюда, на третий этаж, в комнату Военно-революционного комитета, прежде всего и поднялся Ленин.

— Ленин в Смольном!

— Ленин в Смольном!

— Ильич в Смольном, — передается по комнатам и этажам Смольного.

И сразу же эту весть связные передали на заводы и фабрики, в полки, на корабли, в штабы Красной гвардии.

— Ленин в Смольном!

— Ленин в Смольном!

— Товарищ Ленин в штабе революции!

Ленин выслушивает сообщения своих ближайших помощников.

— Владимир Ильич, восстание началось, — докладывает Яков Михайлович Свердлов.

— Все силы пришли в движение, — произносит Феликс Эдмундович Дзержинский.

Рад Ленин встрече с друзьями, рад первым сообщениям.

И сразу же о том, о чем уже писал в своем письме: надо в первую очередь захватить все важные учреждения в городе, удержать в своих руках мосты. Необходимо арестовать Временное правительство и провозгласить Советскую власть.

— Промедление смерти подобно, — вновь повторил Ленин.

Смотрят товарищи на Владимира Ильича. Понимают — судьба революции в твердых и надежных руках.

Ленин подошел к окну.
Открыл.
Свежий, прохладный воздух ворвался в комнату.
Оттуда, с улицы, доносились громкие голоса, шум моторов. Гулко раздавались уверенные шаги. Это новые и новые вооруженные отряды подходили к Смольному.
Кто-то подошел к Владимиру Ильичу, показал на окно, посоветовал:
— Ветер, Владимир Ильич. Постерегитесь.
— Ветер, — произнес Ленин. Посмотрел на соратников и улыбнулся. — Ветер революции.

ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ

ОКТЯБРЬ

Шесть тысяч моряков

Из Гельсингфорса на помощь восставшему Петрограду были направлены эсминцы «Забияка» и «Самсон».
Огорчен матрос-балтиец Назар Плешаков. Хотелось ему очень попасть в Петроград и вместе со всеми принять участие в боях против Временного правительства. Однако последний год служил не на корабле, а на суше нес береговую службу.
Сокрушался Назар Плешаков:
— Неудачлив я, неудачлив. Родился не в той сорочке.
И вдруг:
— Братишки, эшелон в Петроград!

Стало известно, что
Центробалт помимо отправки из Гельсингфорса боевых кораблей принял решение послать на помощь восставшему Петрограду и отряды моряков. Эти отряды должны были ехать поездом.
Узнал Плешаков, просится в отряд. Согласились взять Плешакова. Рад Плешаков. Всем рассказывает:
— Согласились взять в Петроград.
— Еду, братишки, в Питер.
Сбегал к дружку Петру Еремину. Сбегал к Кузьме Полушкину. Сбегал к Ефиму Пуле.
Бегал, бегал Плешаков, радовался. Пока бегал — эшелон и ушел.
Примчался он на железнодорожную станцию.
— Опоздал, — говорят Плешакову. — Уехал уже отряд.
Было это в три часа ночи с 24 на 25 октября.
— Как уехал?! — не верит Плешаков.
— Вот так и уехал! Играл оркестр, — рассказывают Плешакову. — «Марсельезу» еще исполняли.
Вернулся Плешаков в казарму.
— Э-эх, неудачлив я, неудачлив. Видать, и впрямь родился не в той сорочке.

Сокрушается Плешаков.
И вдруг:
— Будет второй эшелон! Будет второй эшелон!
Оживился Плешаков: «Вот она справедливость!»
— Откуда пойдет? Когда?
Откуда, когда? — точно никто не знает.
— Жди, — говорят, — скажут.
Ждал, ждал Плешаков.
Ночь. Устал за день Плешаков. Задремал матрос.
Очнулся, первый вопрос:
— Где эшелон?

Говорят Плешакову:
— Ушел эшелон.
Чуть не плачет теперь Плешаков:
— Так и есть в несчастливый, в черный родился день.
Второй эшелон из Гельсингфорса в Петроград ушел в 5 часов ночи 25 октября.
Примчался Плешаков на железнодорожную станцию.
У всех спрашивает:
— Может, будет еще эшелон?
Кто-то сказал:
— А как же, специально для тебя, Плешаков.
Однако другие говорят:
— Нет. Два ушли. Больше не будет.
Но не уходит со станции Плешаков. Где-то в душе надеется. Не присядет теперь, лишнего метра от станции не отойдет. В четыре глаза смотрит, в четыре уха слушает.
Улыбнулась судьба Плешакову. В 8 часов утра 25 октября в Петроград тронулся третий эшелон с гельсингфорскими моряками.
Уехал с ними Плешаков.
Шесть тысяч моряков Гельсингфорская база направила в Петроград.

ОКТЯБРЬ

„Мы из Кронштадта“

Балтийское море. Финский залив. Остров Котлин. Кронштадт.
Кронштадт — знаменитая морская крепость в Финском заливе. Слава и гордость Балтийского флота.
Отсюда уходили русские корабли в знаменитое Гангутское сражение.
Отсюда прославленные русские адмиралы Крузенштерн и Лазарев отправлялись в свое блистательное плавание к берегам далекой Антарктиды.
Здесь держали героическую оборону моряки-балтийцы в тяжелые годы Великой

Отечественной войны.
В тревожные дни октября 1917 года
кронштадтские моряки, так же как и моряки Гельсингфорса, решили направить свою помощь революционному Петрограду.
Кронштадт. 24 октября.
Вторая половина дня.
В Кронштадте срочно создается сводный отряд из матросов, солдат и кронштадтских красногвардейцев.
Намечаются к отплытию корабли: минный заградитель «Амур», сторожевое судно «Ястреб», учебное — «Верный», заградитель «Хопер», другие суда.
Отдельно готовится к отплытию линкор.
Людно, шумно в эти минуты в Кронштадтской военной гавани. К причалу подъехали грузовики. Из интендантских складов привезли боеприпасы и снаряжение.
— Снаряды грузите, снаряды! — раздаются команды.
— Провиант не забудьте, провиант!
Быстро идет погрузка. Бегом подымаются по трапам матросы. Перетаскивают ящики и снаряды.
Среди тех, кто занят на погрузке, и матрос Феропонт Лукин.
Весельчак он и выдумщик. Вот и сейчас затеял необычное что-то. Завершили матросы погрузку снарядов. Хотели расходиться. Вдруг видят: наклонился Лукин над одним из снарядов. В руках мелок. Что-то мелком выводит.
Обступили его матросы.
Смотрят.
Становится буква к букве.
Вот появилась буква «В», вот появилась «р», вот появилась «е». Вот и другие буквы. Читают матросы: «Временному правительству».
Смеются матросы:
— Верно!
Подкатил Лукин второй снаряд. И на нем тоже буквы мелком выводит. Вот появилась буква «З», вот буква «а», вот буква «в», вот буква «л». Вот и другие буквы.
Читают матросы: «За власть Советов!»
— Верно! Верно! — кричат матросы. — Гостинцы от Балтфлота Временному правительству.
Десять тысяч вооруженных бойцов было направлено из Кронштадта в Петроград. Вошли корабли в Неву. Сходят матросы на петроградский берег:
— Мы из Кронштадта!
— Мы из Кронштадта!

„Оседлали"

Отдельно в помощь восставшим из Кронштадта был направлен линейный корабль «Заря свободы». У него задание особое. Линейный корабль — огромный корабль. Толщенная броня. Тяжелые пушки. Глубоко он сидит в воде. Не сможет линкор подойти к Петрограду, войти в Неву. Задача у «Зари свободы» совсем другая. Недалеко от южного берега Финского залива проходит железная дорога. Называется она Балтийской. Важно, чтобы Балтийская железная дорога оказалась в руках восставших. Морякам линкора «Заря свободы» поручено взять, «оседлать» железную дорогу.

Подошел линкор к южному берегу Финского залива. Высадил десант.

В составе десанта — Иван Котомочка. Услышал он слово «оседлать», ломает голову: как же это можно оседлать железную дорогу? Это же не лошадь.

Спрашивает у соседа слева:

— Как же ее оседлать?

— Оседлаем, браток, оседлаем, — отвечает сосед. — Да еще и узду накинем.

Совсем сбился с толку Котомочка. Как же это можно на железную дорогу и вдруг узду накинуть?!

Спрашивает у соседа справа:

— Как же узду на нее накинуть?

— Накинем, накинем, — отвечает сосед. — Да еще и пришпорим.

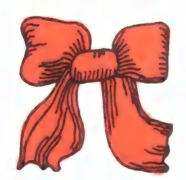
Вовсе запутался теперь Котомочка. Не лезет с вопросами. Решил: подожду — увижу.

Высадившиеся десантники получили приказ захватить ближайшую из станций Балтийской железной дороги. Ею оказалась станция «Спасательная».

Бросились десантники вперед. Атаковали. Захватили «Спасательную». Захватили станцию, а на ней паровоз с вагонами. Оставили они на станции вооруженный наряд

для ее охраны. А остальные погрузились в вагоны. Двинулись вперед по направлению к Петрограду.
Вот взята еще одна станция.
Вот еще одна, еще, еще...
Захватили моряки-кронштадтцы Балтийскую железную дорогу.
Смотрят сосед слева и сосед справа на Котомочку:
— Ну, оседлали!
— Ну, зауздали!
— А если надо, так и пришпорим!
Не удивляется больше Котомочка. Сообразил, что к чему. Улыбается.
Выполнен революционный приказ. Взята железная дорога.
— Оседлали! — кричит Котомочка.
Высадив десант, линкор «Заря свободы» отошел в открытое море. Направил свои орудия в сторону берега. Взял под обстрел Балтийскую железную дорогу.
Даже если будут теперь двинуты по Балтийской железной дороге против революционного Петрограда войска, разобьют их снаряды с линкора в щепки.

„Нашлись!“

Шагает Революция по Петрограду. А в это время в штабе Петроградского военного округа стараются найти силы, которые были бы готовы поддержать Временное правительство.
— Нашлись! Нашлись! — сообщают начальнику округа полковнику Полковникову.
— Нашлись, — сообщает полковник Полковников министру-председателю Временного правительства Керенскому.
— Кто такие?
— Казаки 1-го Донского полка.
— Молодцы!
Распорядился Керенский послать в 1-й Донской полк от

его имени телефонограмму с требованием, чтобы казаки тут же выступили в защиту Временного правительства.
Составили телефонограмму. Послали. Ждут ответа. Пришел ответ. Читает полковник Полковников. Оказывается, вовсе не собираются казаки выступать на помощь Временному правительству.
Докладывает полковник Полковников Керенскому:
— Произошла ошибка.
Составили тогда телефонограмму от имени Керенского в 4-й Донской полк.
Составили. Передали. Ждут ответа. Пришел ответ. Читает полковник Полковников.
Оказывается, вовсе не собираются казаки 4-го Донского полка подниматься на защиту Временного правительства.
Такой же ответ пришел и из 14-го казачьего Донского полка.
Приезжали к казакам представители Временного правительства. Горячо уговаривали, разные привилегии обещали, большевиками пугали.
Не помогло.
Не поднялись донские казаки защищать Керенского.
Безвыходное положение у Временного правительства.
И вдруг:
— Нашлись! Нашлись!
— Кто?
— Солдаты Преображенского гвардейского полка.
Звонит срочно полковник Полковников Керенскому:
— Нашлись, Александр Федорович, силы!
— Кто?
— Солдаты Преображенского гвардейского полка.
— Гвардейцы? Отлично! — произнес Керенский.
Только повесил полковник Полковников трубку, как опять приходит в штаб новость.
— Ошибка.
— Какая ошибка? В чем ошибка?
— В отношении Преображенского полка.
Оказалось, вовсе не собирается Преображенский полк выступать на стороне Временного правительства. Неверные поступили известия.
— Черт знает что! — ругнулся Полковников. Опустился устало в кресло.
Но тут снова:
— Нашлись! Нашлись!
Новая весть приходит в штаб.
Доносят: 9-й кавалерийский полк высказался за поддержку Временного правительства.
Однако осторожен теперь полковник Полковников:
— Перепроверить.
Перепроверили. Оказалось,

и здесь ошибка. Действительно, высказался 9-й кавалерийский полк за поддержку, но не Временного правительства, а распоряжения Военно-революционного комитета. Конечно, происходило все не так-то быстро, не так-то просто. Сохраняли еще некоторые войска верность Временному правительству. Ждут они приказа, готовы выступить на стороне Керенского.

Делегаты «Дикой дивизии» корниловских войск и представители революционных мусульманских организаций

ОКТЯБРЬ

Полк увечных воинов

Нашлись воинские части, которые были двинуты на помощь Временному правительству.
Получил приказ прибыть в Петроград и полк увечных воинов, который находился в Царском Селе.
Увечные — значит раненые, то есть те, кто пришел в полк из госпиталей.
Говорят Керенскому:
— Увечные воины — народ надежный. Прошли окопы, прошли войну. Люди опытные и стойкие.
Готов полк увечных воинов к отправлению в Петроград.
И тут большую роль в задержании частей, вызываемых Временным правительством в Петроград, сыграли большевистские агитаторы. Появился один из них и в Царском Селе, в полку увечных воинов.
Молод, почти безус агитатор. Стал он выступать. Расшумелись вначале солдаты.
— Молоко не обсохло!
— Яйца курицу учат!
Однако оказалось, что агитатор хоть и молод, но сам из бывших солдат. И тоже, как все, из раненых.
Притихли воины, слушают.
Скажет агитатор слово — и тут же:
— Переходите на сторону революции.
— Так мы же увечные, — говорят солдаты.
— Идти на помощь Керенскому вы не увечные, а для революции вы увечные, — не сдержался агитатор.
Посмотрел он пристально на солдат, потом поднял руку, показал на свою голову и произнес:
— Вот вы на что увечные.
Чуть не испортил агитатор все дело. Обиделись, конечно, солдаты. Снова раздались крики:
— Яйца курицу учат!
— Кончай!
— Долой!
Однако не уходит агитатор. Переждал, пока отшумели

солдаты. Отшумели, притихли увечные воины. Поднял агитатор снова руку к своей голове и опять повторил:
— Вот на что вы увечные.
И снова сорвались крики.
Опять «долой!».
Но то ли устали шуметь солдаты, то ли заинтересовались, что будет дальше.
Притихли солдаты. Слушают.
— Для кого вы стараетесь? — задавал вопрос агитатор. И тут же сам отвечал: — Все для тех же, что и раньше, — господ.
— Раны ваши во имя чего? —
И снова ответ: — Чтобы новые богатства старым и новым буржуям добыть.
Понимают солдаты, правду говорит молодой оратор.
Затем агитатор заговорил про мир, про землю, про партию большевиков, про восстание в Петрограде.
— Так против кого же вы пойдете? — опять вопрос и опять ответ: — Против своих же, против таких же, как вы, солдат, против людей рабочих. Значит, против себя.
Расходились солдаты, переговаривались:
— Прав, хоть и молод, а прав.
Усмехались, показывая на свои головы:
— Увечные! И вправду увечные.
Отказался полк увечных воинов выступить в Петроград.

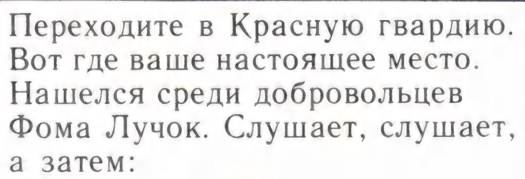

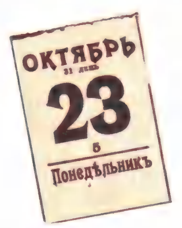
„Стоп!“

В Петрограде было много военных училищ и школ. Часто по улицам города юнкера проходили торжественным маршем. Уверенно, стройно идут юнкера.
Смотрят прохожие, смотрят мальчишки:
— Идут «павлоны».
«Павлоны» — кличка. Так называли юнкеров Павловского пехотного училища.
Или, скажем, раздастся другая реплика:
— Идут «михайлоны».
Это означало: идут юнкера Михайловского артиллерийского училища.
Или:
— Идут «владимироны».

Всем ясно: идут юнкера Владимирского пехотного училища.
Обижались юнкера на эти клички. Даже тех, кто их произносил, побить готовы.
Однако установились клички. Держались крепко.
Особенно возмущались своим прозвищем юнкера Константиновского артиллерийского училища.
Называли их «костопупы».
Кому же хочется быть «костопупом»!
— Идут «костопупы»!
Смешно и обидно.
В дни, когда вспыхнуло в Петрограде Октябрьское вооруженное восстание, Временное правительство очень надеялось на помощь юнкеров.
Отряды юнкеров были брошены на защиту Зимнего дворца.
Они же охраняли петроградские мосты и другие важные места в городе. Несли на улицах патрульную службу ночью.
Надо было срочно задержать тех юнкеров, которые еще находились в казармах.
Военно-революционный комитет распорядился блокировать юнкерские училища.
Красногвардейские отряды и восставшие солдаты тут же стали выполнять этот приказ.
И вот в Военно-революционный комитет поступают сообщения:
— Блокировано Павловское юнкерское училище.
— Кем? Какими силами?
— Красногвардейцами, солдатами огнеметно-химического батальона и солдатами самого же училища, — докладывают комитету.
Новое приходит известие:
— Блокированы юнкера Михайловского артиллерийского училища.
— Кем блокированы?
— Красногвардейцами Выборгской стороны.
Вот и еще одно донесение:
— Окружено Владимирское пехотное училище.
— Кем окружено?
— Революционными солдатами и рабочими с фабрики «Дукат».
Пришли сообщения о взятии под контроль Константиновского артиллерийского училища, других юнкерских училищ и школ.
Выполнен приказ Военно-революционного комитета. Изолированы, блокированы юнкерские училища.
Стоп «павлоны»! Стоп «михайлоны»! «Владимироны» и «костопупы» — стоп!

Добровольческий батальон

В 1917 году все еще продолжалась мировая война. По приказу Временного правительства для пополнения сражающейся армии на некоторых предприятиях Петрограда были созданы добровольческие батальоны. Возник такой и на Обуховском заводе. Тысяча человек в батальоне.

Не раз появлялись в батальоне большевистские агитаторы. Объясняли добровольцам про войну:

— Война империалистическая, антинародная.

— Не война, а мир нужен всем трудовым людям на земле.

— Бросайте батальон. Переходите в Красную гвардию. Вот где ваше настоящее место.

Нашелся среди добровольцев Фома Лучок. Слушает, слушает, а затем:

— А родина как?

Слушает, слушает, а потом:

— А если враг пойдет на Петроград?

— А вдруг за это господь накажет!

Обрывают его другие:

— Уймись, Лучок!

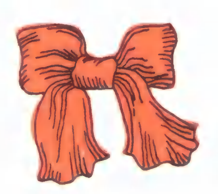
Имела большевистская агитация успех в батальоне. Стали добровольцы покидать взводы и роты. Спохватились военные чины, решили срочно отправить батальон на фронт. Ближайший фронт — Северный. Звонит начальник штаба Петроградского военного округа генерал Багратуни в штаб Северного фронта — расхваливает добровольческий батальон Обуховского завода, предлагает включить батальон в число войск Северного фронта.

Побаиваются на фронте принять батальон из революционного Петрограда. Подумали, говорят:

— У нас и у самих возмутителей спокойствия много. Прибытие кого-либо из Петрограда может только усилить в войсках брожение.

Так и не приняли батальон. Совсем плохи дела теперь у добровольцев. Вскоре

из тысячи человек осталось всего пятьсот. К середине октября — только триста.
В тяжелые свои часы, когда уже неоткуда было больше ждать помощи, Временное правительство вспомнило про добровольческий батальон.
Звонит генерал Багратуни, интересуется батальоном.
— Где батальон?
— Нет батальона.
— Как нет?
— Разошелся.
— Как разошелся?
— Кто в Красную гвардию, кто по домам, — докладывают Багратуни. — Лишь один доброволец остался — Фома Лучок.
Не расслышал генерал Багратуни:
— Какой дурачок?
— Лучок, Лучок, — кричат Багратуни.
Нет батальона. Добровольно создался. Добровольно распался добровольческий батальон.

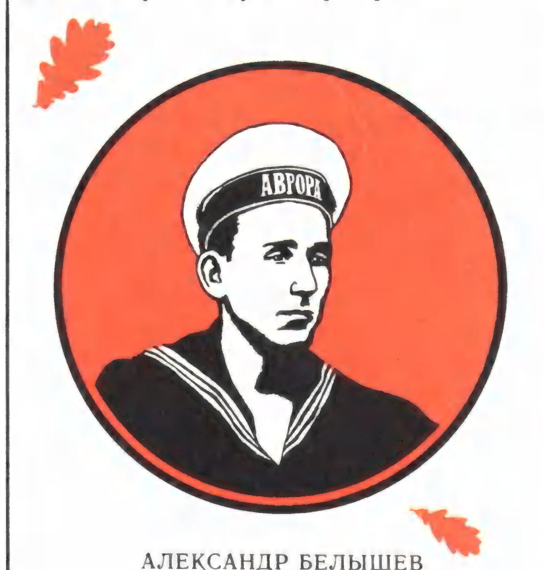

Комиссар Белышев

24 октября. Вечер. Почти все петроградские мосты в руках у восставших. И все же два — два важных моста через Неву: Дворцовый и Николаевский — все еще удерживают войска, верные Временному правительству. Охраняют их крупные отряды юнкеров.
В помощь юнкерам посланы броневики.
Военно-революционный комитет приказал комиссару крейсера «Аврора» Александру Викторовичу Белышеву восстановить движение по Николаевскому мосту.
«Всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами» — таков был приказ.

Белышев — человек надежный. Из рабочих. До прихода на флот работал токарем на заводе.
На «Авроре» служит четвертый год. Машинист он. Комиссаром назначен совсем недавно.
Еще не прошли и сутки.
Улыбаются матросы:
— Молодой у нас комиссар. Через семь дней будет как раз неделя.
И годами молод комиссар Белышев. Всего 24 года комиссару «Авроры» Александру Викторовичу Белышеву.
Получен приказ «Авророй».
Крейсер «Аврора» в это время находился в устье Невы у ремонтных доков. Николаевский мост отсюда недалеко. Решил Белышев подвести «Аврору» к самому мосту и, пригрозив

АЛЕКСАНДР БЕЛЫШЕВ

орудийным огнем, заставить юнкеров покинуть мост.
План правильный. План хороший.
Подняли кочегары пары в котлах.
Однако тут...
Командиром на «Авроре» был морской офицер по фамилии Эриксон. Предложил Белышев командиру вести «Аврору» к Николаевскому мосту.
— Не имею права. Не могу, — заявил Эриксон.
Объясняет, мол, Нева для крейсера не глубока. Фарватер давно не проверялся.
— Можно сесть на мель, — говорит Эриксон.
Слушает Белышев.
— Можно поломать винты, — говорит Эриксон.
Слушает Белышев.
— Можно пропороть днище.
Не помогли ни уговоры, ни приказы. Наотрез отказался Эриксон вести «Аврору».
Обратился Белышев с тем же распоряжением к другим офицерам.
Отказались офицеры вести «Аврору».
Арестовали матросы Эриксона и офицеров. Поставили у дверей охрану.
Без опытных командиров сейчас «Аврора».
Как же исполнить приказ «Авроре»?

ОКТЯБРЬ

24

Старшина рулевых Захаров

Ночь. Со стороны Финского залива ветер гонит тяжелые волны. Над Невой стелется густой туман.
Взмах веслами. Еще раз взмах. По Неве в направлении Николаевского моста медленно движется шлюпка. На носу шлюпки сидит человек. На груди у него висит аккумуляторный фонарик. Стекло фонарика заклеено черной бумагой. Сквозь крохотное отверстие в бумаге пробивается слабый лучик света. Кругом темнота. Свет от фонарика не выдаст шлюпку. Человек с фонариком — старшина рулевых Сергей Захаров. Это он, когда командир «Авроры» Эриксон отказался вести корабль к Николаевскому мосту, вызвался промерить глубину Невы.
— Разреши, комиссар, — обратился он к Белышеву. — Мы враз. Мы, если надо, в один момент.
Знает Белышев старшину рулевых Захарова. Надежный он человек. В флотских делах умелый.
— Мы враз, — опять о своем Захаров.
Согласился комиссар Белышев. И вот идет шлюпка по Неве. Измеряют матросы ручным лотом глубину реки. На листке бумаги, подсвечивая фонариком, Захаров делает пометки. Все ближе, ближе Николаевский мост. Все опаснее по Неве идти

СЕРГЕЙ ЗАХАРОВ

Крейсер «Аврора» на Неве.
Кадр из фильма С. Эйзенштейна
«Октябрь»

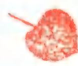
шлюпке. Заметят ее юнкера — не вернуться матросам живыми назад к «Авроре».
Однако все тихо. Все спокойно. Осторожно гребут матросы. Не капнет с весел вода, не заскрипит уключина.
Снова промер.
Еще раз промер.
Снова промер. Еще промер.
— Назад, — тихо подал Захаров друзьям команду.
Повернула шлюпка назад к «Авроре».
Прибыли моряки, доложили комиссару Белышеву:
— Достаточна глубина Невы. Пройдет «Аврора» к Николаевскому мосту.
Белышев сообщил командиру «Авроры» Эриксону о результатах промера реки.
Однако Эриксон вновь отказался выполнять распоряжение Военно-революционного комитета.
Тогда Белышев сам поднялся на командный мостик.
Прогремели тяжелые якорные цепи. Подошли буксиры и стали отводить «Аврору» от причальной корабельной стенки.
И тут.
— Комиссар! Комиссар!
— Слушаю.
— Командир что-то сказать имеет.
— Веди сюда, — приказал Белышев.
Поднялся командир к комиссару.
— Согласен, — сказал Эриксон.
Усмехнулся Белышев, передал Эриксону командование кораблем.
Двинулась «Аврора» к Николаевскому мосту.
Вспыхнули на «Авроре» бортовые огни. Ударили мощным светом корабельные прожекторы.
Подошла «Аврора» к мосту. Нет на мосту юнкеров. Бежали они, увидев приближавшуюся «Аврору».
Было это в 3 часа 30 минут утра 25 октября. Три часа спустя революционные отряды отбили у сторонников Временного правительства последний — Дворцовый мост.
К центру пути открыты.
Победным шагом идет Революция.

Штурм

Главный почтамт взят

Матрос-большевик Грачев получил приказ с группой революционных моряков овладеть Главным почтамтом.
Такой же приказ пришел и к солдатам Кексгольмского полка.
Такой же приказ поступил и в Выборгский район Петрограда к выборгским красногвардейцам.
Идти к Главному почтамту получили распоряжение и красногвардейцы Василеостровского района.
Идут матросы-балтийцы.
Идут солдаты Кексгольмского полка.
Идут красногвардейцы-выборжцы.
Движутся отряды Красной гвардии с Васильевского острова. Среди василеостровцев молодой красногвардеец Глечиков.
— Главное — подойти незаметно, скрытно. Главное — дружно, всем, как один, ударить, — рассуждает Глечиков.
Идут вооруженные отряды рабочих, солдат и матросов выполнять решение Военно-революционного комитета — брать Главный почтамт.
А в это время...
Вот уже несколько дней, как неспокойно на Главном почтамте. Разбились на две группы служащие почтамта. Одна — за Временное правительство, за верность Керенскому. Другая — за власть Советов, за свержение Временного правительства.
Те, кто за власть Советов, даже образовали инициативную группу. Руководили группой большевики.
Создалась группа — надо действовать. Время тревожное, напряженное. Понимают многие: предстоит вооруженная борьба.
Нет у инициативной группы оружия. Необходимо оружие. Обратились ее активисты в Совет 2-го Городского района города Петрограда. На

Главный почтамт

территории этого района и находился Главный почтамт. Объясняют члены инициативной группы: время ответственное, напряженное — нужно оружие. Согласились в Совете. На Главный почтамт было доставлено оружие. Прислали винтовки. Прислали револьверы. Патроны прибыли.
А вслед за этим в помощь инициативной группе на Главный почтамт Совет послал и революционных солдат.
Прибыли солдаты. Сторонники Временного правительства даже и не заметили, как в руках у инициативной группы и подошедших из района солдат оказались все входы и выходы из Главного почтамта.
Выполняется постановление Военно-революционного комитета. Идут к Главному почтамту моряки-балтийцы. Идут выборжцы, идут василеостровцы. Идут солдаты Кексгольмского полка.
Приготовились к схватке.
— Главное — подойти незаметно, скрытно, — повторяет Глечиков. — Главное — дружно, всем, как один, ударить.
Приходят они к почтамту. И вдруг вместо выстрелов, вместо отпора:
— Здравствуйте, рады вас видеть! — слышат слова. — Принимайте Главный почтамт.
— Как так? — поразились моряки-балтийцы.
Отвечают балтийцам:
— Инициативная группа.
— Как так?! — поразились солдаты-кексгольмцы.
Отвечают кексгольмцам:
— Инициативная группа.
— Как так?! — поразились выборжцы и василеостровцы.
Обидно Глечикову, что все обошлось без боя, без выстрелов, что все так просто:
— Не имели права! Какая инициативная группа? Нам же поручено взять почтамт.
Смеются другие.
— Изнутри, изнутри взят уже Главный почтамт, — объясняют Глечикову.
Идет, шагает по Петрограду Революция. Рядом идет революционная инициатива.
Было 1 час 25 минут ночи 25 октября.

На телефонной станции

Юнкер Неспицкий и юнкер Стрельбицкий несли службу по охране Центральной телефонной станции. Неспицкий был пулеметчиком броневика, который стоял в длинной станционной подворотне. Подворотня вела в большой внутренний двор станции. Стрельбицкий был в составе пехотной группы, которая охраняла этот двор.

Неспицкий и Стрельбицкий — друзья-соперники. Не любят они уступать один другому. Хвалятся своими звучными и, как они говорят, военными фамилиями. Чуть что:

— Я — Неспицкий!

— Я — Стрельбицкий!

Вот и сейчас. Сидит Неспицкий в броневике, о Стрельбицком думает.

— Как там службу несет во дворе Стрельбицкий?

Прохаживается Стрельбицкий по двору:

— Как там в своем броневике службу несет Неспицкий?

Вот как. Глубокая ночь. Темнота. Тишина. Покрутился, покрутился, помучился на своем неудобном сиденье в броневике Неспицкий. Потянулся. Зевнул. Заснул. Заснул вскоре и шофер броневика.

Ударяется в металлические стенки броневика легкой дробью их молодецкий храп.

Ходит вместе с другими юнкерами Стрельбицкий по двору телефонной станции. Тяжелая винтовка висит за спиной. Шагает, шагает юнкер Стрельбицкий. Ночь. Тишина. Темнота. Свежесть плывет по улицам. Туман наползает кошачьим шагом. Поежился, поежился Стрельбицкий.

Повели прозябшими плечами и другие юнкера, охранявшие двор телефонной станции. Знают: там снаружи, на улице, стоят главные патрули.

Переглянулись юнкера, перемигнулись. Предупредят наружные патрули, если что-то случится важное. Оставили свой пост юнкера. Направились греться в караульное помещение.

Спят пулеметчик и шофер в броневике. Греются в укрытии юнкера.

А в это время, выполняя приказ Военно-революционного комитета, восставшие приближались к Центральной телефонной станции. Было около 7 часов утра 25 октября.

К штурму приготовились красногвардейский отряд и две роты Кексгольмского полка. Неожиданным ударом сняли они у станции наружный наряд юнкеров, устремились к каменной подворотне. Смотрят: стоит броневик. Пулеметом уставился на атакующих. Задержались они на секунду. Но кто-то:
— Вперед!
Рванулись вперед восставшие. Не ответил огнем броневик. Поравнялись с ним наступающие. Заглянули внутрь. Спит пулеметчик, храпит шофер.
Усмехнулись люди, устремились во двор телефонной станции. Услышали шум юнкера, выбежали наружу из караульного помещения. Защелкали винтовочные затворы. Вот-вот и грянут выстрелы.
Вдруг властный голос:
— Вынь патроны!
Семь часов утра. Октябрь. Темнота. Кто подает команду — юнкера не поняли. Решили, что кто-то из их же собственных юнкерских командиров. Команду же подал один из атакующих. Растерялись, послушались юнкера. Стали вынимать патроны из винтовочных магазинов. А когда разобрались, в чем дело, — поздно. Окружили их восставшие:
— Бросай винтовки!
Пришлось юнкерам подчиниться. Разоружили их, отобрали винтовки. Построили в колонну, повели со двора телефонной станции.
Получилось так, что юнкер Неспицкий и юнкер Стрельбицкий оказались рядом. Посмотрел Стрельбицкий на Неспицкого. Не сдержался:
— Проспал. Э-эх, проворонил! Какой же после этого ты Неспицкий!
Посмотрел Неспицкий на Стрельбицкого. И с ехидцей проговорил:
— Сдался без боя. Даже ни одного выстрела не произвел. Какой же после этого ты Стрельбицкий!

Единый принцип

Среди красногвардейцев в числе тех, кто штурмовал Центральную телефонную станцию, находился рабочий завода «Новый Лесснер» Спиридон Антипов. Был он известен тем, что когда-то служил на флоте. Освоил профессию телеграфиста. Азбуку Морзе прекрасно знал.

Разоружили восставшие юнкеров, ворвались в помещение станции. Увидели их телефонистки, попадали в обморок.
Бросились к ним солдаты и красногвардейцы. Приводят в чувство:
— Барышни!
— Красавицы!
— Мамзели!
Пришли они в чувство. Однако приступить к работе большинство из них отказалось. Тут-то и вспомнили товарищи про Спиридона Антипова:
— Спиря! Спиря!
Говорят другим:
— Он азбуку Морзе знает.
Объясняет Антипов:
— Так тут же не телеграф, а телефон.
— Ну и что!
— Так тут же, братцы, в работе принцип совсем иной.
— Ничего, ничего. Пойдет.
К этому времени несколько телефонисток согласились приступить к работе. Присел к ним и Спиридон Антипов.

Военные телефонисты
на Центральной телефонной станции

Присели другие. Присмотрелись.
Попробовали сами. Пошло.
Вскоре с соседних фабрик пригласили девушек-работниц.
Дело и вовсе теперь заладилось.
Заговорила телефонная станция.
Прежде всего были включены телефоны Смольного.
Идут из Смольного распоряжения.
Звонки на завод Путиловский.
Звонки на завод Балтийский.
В Нарвский районный комитет.
В Выборгский районный Совет.
В другие комитеты, другие Советы.
В казармы восставших полков.
В штабы красногвардейских отрядов.
На почтамт.
На телеграф.
На Николаевский вокзал.
На Финляндский.
В другие места, в разные части города.
— Дайте Обуховский завод.
— Даю.
— Включите Кронверкский арсенал Петропавловской крепости.
— Включаю.
— Барышня, барышня! Мне газету «Рабочий путь».
— Соединяю.
Надежно работает телефонная станция.
Сидит вместе с телефонистками и Спиридон Антипов. Ловко, как жонглер, телефонными проводами орудует.
Смотрят на него товарищи:
— Говоришь, принцип в работе иной. Служи делу пролетарской революции — вот он единый принцип.

Захват вокзалов

Идет Революция по Петрограду.
Выполняется указание Владимира Ильича Ленина — взять вокзалы.
Пять вокзалов в городе Петрограде: Балтийский, Николаевский, Варшавский, Финляндский, Царскосельский.
Все они очень важные.
Созданы отряды по захвату вокзалов.

Балтийский вокзал

Идут к Балтийскому вокзалу солдаты Измайловского полка и отряды путиловских красногвардейцев.
Идут к вокзалу Николаевскому (ныне это Московский вокзал) солдаты 1-й роты и 6-го запасного саперного полка.
Красногвардейцы Нарвского района и Московской заставы шагают к Варшавскому вокзалу.
К Финляндскому идут солдаты Кексгольмского полка и красногвардейцы завода Розенкранца. Движутся отряды к Царскосельскому (ныне это Витебский вокзал).
Среди солдат Измайловского полка был рядовой Семен Парфенов. Идет он со всеми к Балтийскому вокзалу.
— Балтийский вокзал, Балтийский, — произносит Парфенов. Усмехнулся: — А у меня на Балтфлоте — братуха. Прожужжал он уши другим про братуху. Знают все, что вот уже

Николаевский вокзал

Финляндский вокзал

Варшавский вокзал

Царскосельский вокзал

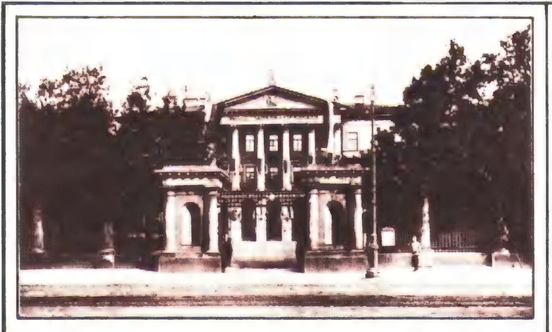
четыре года служит родной брат Степана Парфенова на Балтийском флоте.
— Как звать?
— Панкрат.
— На каком корабле?
Не может точно назвать Парфенов:
— Кажись, на главном.
Рассмеялись солдаты и путиловские красногвардейцы: «Кажись!» Называют они корабли Балтийского флота:
— «Гангут»?
— «Память Азова»?
— «Аврора»?
— «Рюрик»?
— «Амур»?
— «Петропавловск»?
— «Диана»?
— «Заря свободы»?
— Вспомнил! — прокричал наконец Парфенов. — «Император Александр II».
Рассмеялись еще больше рабочие и солдаты:
— Ну и хватанул: «Император»! Так это и есть нынче «Заря свободы». (Так линкор «Император Александр II» был переименован вскоре после свержения царя в России.)
Подошли солдаты и путиловские красногвардейцы к Балтийскому вокзалу, заняли вокзал, только расставили посты и караулы, вдруг сообщение — приближается к вокзалу воинский эшелон.
— В ружье! — пронеслась команда.
Приготовились солдаты и путиловцы к бою.
Заняли удобные позиции.
Подходит поезд к перрону, пустил клубы белого пара паровоз.
Видят солдаты — в вагонах матросы.
Видят матросы — на перроне солдаты.
Не знают матросы, какие солдаты стоят на перроне.
Не знают солдаты, какие матросы прибыли. Свои ли? Чужие? Сжали покрепче винтовки и те и другие.
Притихло все на перроне.
Неосторожный шаг, и блеснет огонь. И вдруг:
— Братуха! Братуха!
Видят солдаты: кричит Парфенов. Рванулся к вагону:
— Панкрат!
И сразу в ответ:
— Семен!
Спрыгнул с подножки вагона какой-то матрос.
На бескозырке — «Заря свободы».
Обнялись братья, и тут же:
— За кого?
— За Советы.
— И мы за Советы.
Оказывается, это была группа моряков из кронштадтского десанта, те, которым было поручено «оседлать» Балтийскую

железную дорогу. И теперь они прибыли сюда, чтобы захватить и Балтийский вокзал.
Рады встрече солдаты, красногвардейцы-путиловцы, моряки-балтийцы:
— Да здравствует власть Советов!
Балтийский вокзал был взят восставшими в 2 часа ночи с 24 на 25 октября. Почти в то же самое время был занят вокзал Николаевский. К 8 часам утра захвачен вокзал Варшавский. Затем Финляндский и Царскосельский. Выполнено указание Владимира Ильича Ленина. Принимай петроградские вокзалы, пролетарская революция!

Взятие банка

Солдат Ефим Денежкин нес охрану Государственного банка. Служил Денежкин в Семеновском пехотном полку. Почти весь его взвод стоял в ту ночь здесь, у здания банка, на карауле.
Смеются товарищи над Денежкиным:
— Точно ты попал сюда, Денежкин. Как раз на своем месте.
Намекают солдаты на его фамилию. Но не только поэтому посмеивались они над своим товарищем. Дело в том, что большинство солдат Семеновского полка, в том числе и те, которые охраняли Государственный банк, — на стороне большевиков, на стороне восставших.
А вот Денежкин — все еще за Временное правительство.
— Тебе что, Керенский — брат родной? — смеются над ним солдаты.
— Брат, не брат, а власть уважать надо, — отвечает Денежкин.
— Тебе что, Керенский землю даст? — Уже на полном серьезе к нему солдаты. И объясняют: — Революция ее даст. Большевики.
— Брехня, — отвечает солдат.
— Тебе что, Керенский мир на блюдечке принесет? — И опять объясняют: — Это большевики за мир. Мир всем народам!
— Брехня!
Вот какой он Денежкин — ни во что не верящий и упрямый!
Обозлились, чуть не побили его солдаты.
Среди ночи Денежкин сменился на своем посту. Отдых у него теперь. До шести часов утра. Попросил Денежкин разрешения сбегать в казарму. Пополнить кисет табаком.
— Ступай!
Вернулся Денежкин точно

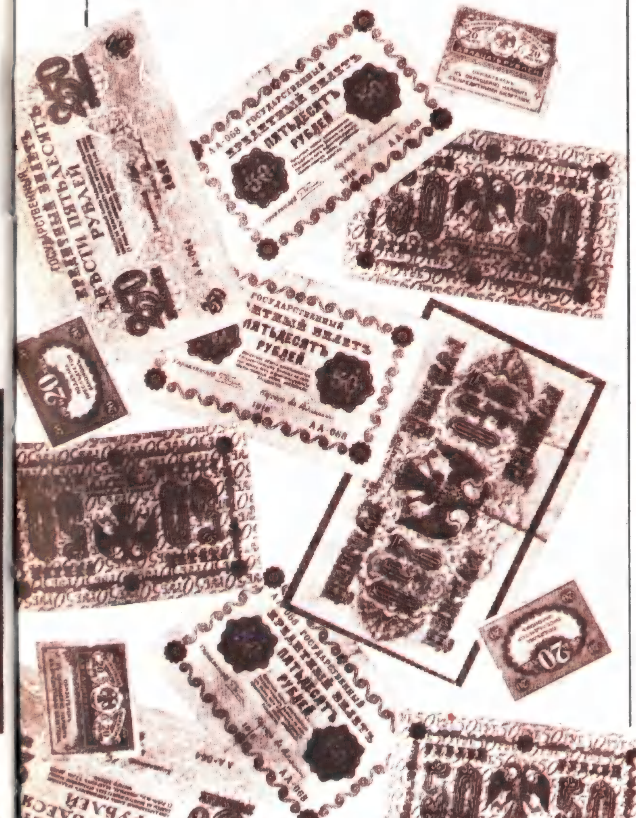

Государственный банк

к сроку. Заступил снова на пост. Прохаживается. А рядом другой солдат — Назар Паклин.
Сделали они шаг, другой, и вдруг Паклин:
— А Керенский твой — тю-тю!
Насторожился Денежкин:
— Что значит «тю-тю»?
— Того.
— Что значит «того»?
— Нет его власти больше над нами и над банком.
— Как нет?!
— В руках Военно-революционного комитета отныне банк.
Смотрит Денежкин на Паклина, решает — тот шутит.
— Брехня!
Однако Паклин говорил то, что было на самом деле.
Пока отлучался Денежкин в казарму, произошло вот что: прибыл к банку отряд матросов из Гвардейского флотского экипажа. Приказ Военно-революционного комитета у них в руках. В приказе предписание захватить Государственный банк.
Готовились, конечно, матросы к бою. Но не произошел из-за банка бой. Радостно встретили их солдаты. Узнали, в чем дело:
— Так мы, братцы, тоже за большевиков, за революцию! Принимайте банк и его миллионы.
Прокричали те и другие «ура!». Обнялись.
Короче, не надо было при банке даже менять караулы. Охраняли семеновцы. Остались семеновцы. Доверили представители Военно-революционного комитета продолжать им патрульную службу.
Рассказал обо всем происшедшем Паклин Денежкину. Не верит тот:
— Брехня!

Долго не верил Денежкин.
А когда во всем сам убедился:
— Выходит, пока я за табаком бегал, все тут с ног на голову перевернулось.
Смеются товарищи.
— Неверно, Денежкин. Как раз все наоборот: стало с головы на твердые ноги!
Продолжают солдаты Семеновского полка нести охрану Государственного банка. Пришлось и Денежкину остаться. А что ему делать? Куда же от всех податься? Если все кругом на стороне большевиков и революции.

История с „Асторией“

Идет Революция по Петрограду. Восставшие взяли морской порт. Заняли городскую электростанцию. Захвачено военное министерство. Занято Главное адмиралтейство.
В центре Петрограда была старинная гостиница «Астория». Была она в те дни гостиницей для военных. Находилось в ней много враждебных революции офицеров. Пришел приказ взять революционным отрядам и гостиницу «Астория».
В числе офицеров в «Астории» был поручик Язвицкий. Остер на язык Язвицкий. Всем недоволен. Чужих и своих ругает. Большевики у него — предатели. Рабочие и революционные солдаты — разбойники. Не щадит и Временное правительство.
— Керенский? — спрашивает. И отвечает: — Баба.
— Вердеревский? (Это морской министр Временного правительства.) — Баба.
— Верховский? (Это военный министр.) — Дважды баба.
Опять заговорил о восставших:
— Пулеметиком их,

пулеметиком! Эх, мне хотя бы на сутки власть!
В ту ночь Язвицкий и несколько других офицеров сражались в карты. Проигрался Язвицкий. Денег больше нет. А играть хочется.
Подумал поручик и вдруг:
— Ставлю на Вердеревского!
Зашумел кое-кто из офицеров:
— Ты что — ошалел?!
— Вы ответите за это, поручик!
Однако другим предложение Язвицкого показалось забавным. Не пользовалось популярностью Временное правительство даже у многих офицеров. Посмеялись они. Согласились. Снова за карты взялись.
Не пошла к Язвицкому вновь удача. Проиграл он морского министра адмирала Вердеревского.
Не хочет смириться поручик с поражением.
— Ставлю на Верховского, — кричит. — Ставлю на Верховского!
Смеются офицеры. Вот так игра забавная. Стали играть на Верховского. Вновь разложили карты. И вновь невезение у Язвицкого. Проиграл он военного министра генерала Верховского.
Совсем разошелся теперь поручик.
— Ставлю на Керенского! На Керенского!

Гостиница «Астория»

Не повезло и министру-председателю Временного правительства. Проиграл и его Язвицкий.
Вдруг внизу послышалась стрельба. Раздались громкие голоса. Это революционные отряды начали штурм «Астории».
— Руки вверх!
Подняли офицеры руки.

Офицеры Гренадерского полка

Разоружили их
красногвардейцы
и революционные солдаты.
Взяли под стражу.
Обиделись офицеры:
— Несправедливо с нами
поступили. Несправедливо.
Мы ведь не стреляли,
не сражались. Играли в карты.—
И добавляют как бы в свое
оправдание: — Поручик
Язвицкий даже членов
Временного правительства
проиграл.
Посмотрел на других
Язвицкий.
— Э-эх, если бы только в карты.
Шагает, шагает. Идет
Революция. Близок конец
враждебной народу власти.

Кому руководить?

Ленинская программа по захвату
мостов, вокзалов, других важных
мест в городе была выполнена.
Но в руках Временного
правительства все еще
находился Зимний дворец.
Надо было взять Зимний дворец
и арестовать Временное
правительство.
Для руководства операциями
по взятию Зимнего дворца

НИКОЛАЙ ПОДВОЙСКИЙ

Военно-революционный комитет
постановил создать группу из
трех человек. Решался вопрос,
кого включить в состав этой
группы.
Поступают предложения:
— Подвойского Николая
Ильича. Товарища
Подвойского.
Знают члены Военно-
революционного комитета
Николая Ильича Подвойского.
Преданный он делу партии
большевик, опытный человек и
знающий. Стал Подвойский
членом большевистской партии
еще в самые первые годы ее
организации — в 1901 году. Вел
партийную работу в Ярославле,
Иваново-Вознесенске,
Петербурге, Костроме.

Принимал участие в революции 1905 года. В столкновении с полицией был ранен. Был одним из организаторов издания газеты «Правда». После февральской революции стал редактором газет «Солдатская правда», «Солдат», «Рабочий и солдат». С первого же дня создания Военно-революционного комитета является его членом. Сейчас председатель Военно-революционного комитета.
Раздаются голоса:
— Знаем, знаем Подвойского.
— Согласны.
Утверждается Подвойский в составе группы по руководству захватом Зимнего дворца.
Называется новая фамилия.

ГРИГОРИЙ ЧУДНОВСКИЙ

ВЛАДИМИР АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

— Чудновский Григорий Исаакович. Товарищ Чудновский.
Чудновский моложе Подвойского. Двадцать семь лет Чудновскому. Однако знают петроградские большевики хорошо и Чудновского. Был в ссылке в Сибири. Бежал из ссылки. Отважный, энергичный он человек. Хоть и недавно в партии — нет еще года, однако верят в него товарищи. Он тоже член Военно-революционного комитета. Партийный псевдоним Чудновского — Штык.
— Согласны, согласны, — раздаются голоса.
— Знаем Чудновского.
Введен Григорий Чудновский

в состав тройки по руководству операциями во время штурма и взятия Зимнего дворца.
Называется фамилия и третьего кандидата:
— Антонов-Овсеенко.
Антонов-Овсеенко Владимир Александрович.
Родился Антонов-Овсеенко в 1884 году на Украине, в городе Чернигове. В 1903 году стал членом Российской социал-демократической рабочей партии.
Так же как и Подвойский, принимал участие в революции 1905 года. Был схвачен и приговорен к смертной казни. Из-под стражи бежал. Семь лет жил в эмиграции во Франции.
После февральской революции в мае 1917 года вернулся в Россию и сразу же включился в активную революционную работу. В октябрьские дни стал членом Военно-революционного комитета. Был тесно связан с революционными матросами. Это им была отправлена балтийским матросам в Гельсингфорс зашифрованная телеграмма: «Высылай устав».
Согласны члены Военно-революционного комитета с кандидатурой Владимира Александровича Антонова-Овсеенко.
Утверждена группа по руководству операциями по взятию Зимнего дворца — Н. И. Подвойский, Г. И. Чудновский, В. А. Антонов-Овсеенко.
Приступила к работе группа.

Халиф на час

Есть такое выражение: «Халиф на час». Халиф — это восточный владыка. Говорят так о человеке, который занял высокий пост, но очень скоро должен его покинуть.
В октябре 1917 года одним из таких халифов на час оказался генерал Багратуни.
Был Багратуни начальником штаба Петроградского военного округа. Старше по должности Багратуни был лишь командующий Петроградским военным округом полковник Полковников.
25 октября разъяренный неудачами Керенский снял с должности полковника Полковникова. Командовать военным округом был назначен генерал Багратуни.
Узнали об этом в Петрограде. Кто-то произнес: «Халиф на час». Точным оказалось пророчество.
Приступил Багратуни к командованию. Энергично взялся, горячо. Посылает

в разные концы приказы и указания. Мчатся посыльные, мчатся курьеры. Развозят приказы по разным частям и военным ведомствам.
Получают в частях приказы, только никто не выполняет эти приказы. В большинстве полков давно уже выполняют приказы Военно-революционного комитета.
Подбегает Багратуни к телефону. Хочет звонить. Не соединяет его телефонная станция. В руках у восставших станция.

— Послать телеграммы! — кричит Багратуни.
Не могут послать телеграммы из штаба. В руках у восставших Главный почтамт и другие почты.
Промучился Багратуни целый день. К концу дня не выдержал. Явился в Зимний дворец, заявил Временному правительству, что он отказывается от своей высокой должности.
Пробыл генерал Багратуни на посту командующего войсками Петроградского военного округа всего лишь несколько часов. С утра 25 октября до вечера.
Заявил генерал Багратуни о своей отставке. Вышел на улицу из Зимнего дворца. Тут его и арестовали красногвардейцы.
— Стой! Кто идет?
Багратуни — халиф на час.

„Пирс-арроу"

Министр-председатель Временного правительства Керенский ездил на «пирс-арроу». «Пирс-арроу» — это марка автомобиля. Автомобиль элегантный, красивый, с открытым верхом.
Все нравилось Керенскому

в «пирс-арроу».
То, как обращается к нему шофер:
— Ваше превосходительство.
Нравился резвый, стремительный ход автомобиля.
Нравилось то, что машина с открытым верхом. И он, Керенский, всех видит.
И главное — его, Керенского, все видят.
Садился Керенский на заднее сиденье, занимал место справа. Он вычитал в каком-то журнале, а затем и увидел на снимке, что так ездил в автомобиле английский король.
Сидит королем в «пирс-арроу» министр-председатель Временного правительства Александр Федорович Керенский, по сторонам величаво смотрит.
Все изменилось в последние дни и часы. Правда, «пирс-арроу» остался.
Было утро 25 октября.
Тревожную ночь провел Керенский. Спал мало. Урывками. Ясно Керенскому, что вооруженное восстание в Петрограде побеждает.
Но чтобы так стремительно, так успешно...
От утра он еще ожидал добрых вестей. И вот утро. Входит адъютант Керенского, выпаливает:
— Большевики захватили Центральную телефонную станцию.
Керенский бросается к аппарату:
— Алло! Алло!
Молчит аппарат.
— Алло!
Выждав минуту, адъютант добавляет:
— И Центральный телеграф.
— И Балтийский вокзал.
— И Николаевский.
— И мосты, ваше превосходительство.
— И Государственный банк.
— И...
«Все. Конец. Надо бежать», — понимает Керенский.
— Еду на фронт. Еду к войскам, — объясняет Керенский приближенным.
И вот. Дворцовая площадь. Стоит «пирс-арроу». Юркнул незаметно Керенский в лимузин. Поднял поспешно воротник пальто. Сел сзади, но не справа, как обычно, а вжался за спину водителя — в левый угол. Не разберешь теперь, кто сидит в автомобиле.
По-кошачьи крадучись, тронулся «пирс-арроу».
Впереди шел другой автомобиль. Это машина американского посольства.
Вот и американский флажок на крыле машины.

Прикрывает этот флажок
позорное бегство Керенского.
Пробивает сквозь людные
улицы восставшего города
дорогу «его
контрреволюционному
превосходительству»
посольский автомобиль.
Не несется, как прежде, с
лихой резвостью «пирс-арроу»,
катафалком — похоронной
каретой — тащится.
Куда же движется
пирс-арроу»?
Последняя надежда у
Керенского. Едет он на
фронт. Надеется там собрать
военные силы и бросить
их на революционный Петроград.
Пробили где-то часы на
башне:
— Бом, бом, бом...
Одиннадцать раз. 11 часов
утра 25 октября.

Со всех сторон

Идут, идут к Зимнему
дворцу восставшие.
Красногвардейцы, солдаты,
матросы. Занимают
вооруженные отряды боевые
позиции.
Связной Колышкин получил
задание разыскать матросов
с учебного судна «Океан»,
которые тоже пришли к
Зимнему.
Вышел Колышкин к
Дворцовой площади.
И слева и справа вооруженных
людей полно. Спрашивает:
— С «Океана» матросов не
встречали?
— К Главному штабу ступай,
там моряков полно.
Главный штаб помещался в
огромном и длинном здании.
Стояло оно почти напротив
Зимнего дворца, полудугой
огибало Дворцовую площадь.
Здание имело высокую арку.
Через эту арку можно пройти
с Дворцовой площади на
главную улицу города —
Невский проспект.
Направился Колышкин к
Главному штабу. Верно, полно
кругом моряков.
— Кто здесь с учебного
судна «Океан»?
Переглянулись матросы.
Пошли голоса:
— Мы из Кронштадта.
— Из Гельсингфорса.
Произносят названия
кораблей.

— Не то, не то.
Видит Колышкин тут же
отряды вооруженных рабочих.
Заинтересовался, кто здесь.
Слышит в ответ:
— С Путиловского.
— С Обуховского.
— С Выборгской стороны.

Идет дальше.
— Из Колпина мы.
— Из Сестрорецка.
— Из Шлиссельбурга.
Поражается Колышкин:
«Отовсюду народ собрался!»
Вот и арка Главного штаба.
Видит Колышкин: прямо под аркой стоят пушки. Дула направлены на Зимний дворец.
Тут же, слева и справа от арки, застыли броневики.
Пулеметы на Зимний дворец направили.
Проходит Колышкин.
Выкрикивает:
— Кто с «Океана»? Кто с «Океана»?
— Дальше, к Миллионной ступай. Там тоже морячков видали.
Торопится Колышкин к Миллионной улице. Это недалеко. И отсюда открывается вид на Дворцовую площадь, на Зимний дворец.
Действительно, и здесь люди в матросской форме. Только нет с «Океана». С других судов. А рядом с ними опять рабочие-красногвардейцы.
И тут же солдаты. «Каких полков?» — заинтересовался Колышкин.
— Волынского мы полка.
— Павловского.
Отсылают и отсюда Колышкина к новому месту:
— К Троицкому мосту ступай. Там морячков встречали.
Направился Колышкин к Троицкому мосту. Еще издали увидел: есть моряки.
— Кто здесь с учебного судна «Океан»?
— Нет с «Океана».
С «Народовольца» желаешь?
— А кто рядом?
— Матросы Ревельского ударного батальона.
Опять не то.
— На ту сторону Зимнего дворца ступай, — советуют Колышкину, — к Адмиралтейству, к мосту Дворцовому.
Пришел Колышкин к Дворцовому мосту.
Оказывается, здесь находились красногвардейцы Васильевского острова и и солдаты Финляндского полка. Направили они его к Александровскому саду.
Пришел к Александровскому саду — верно, здесь моряки.
Выясняет кто, откуда.
— Из 2-го Балтийского экипажа.
— Из Гвардейского экипажа.
— А рядом? — допытывается Колышкин.
— Из учебно-минного отряда.
— А дальше?
— Солдаты Кексгольмского полка.

Опять не то.
Нашел все же Колышкин тех, кого искал. Находились матросы с учебного судна «Океан» на Адмиралтейской набережной.
Оказалось, обошел Колышкин Зимний дворец со всех сторон.
«Силы-то сколько, силы!» — удивлялся Колышкин.
А к Зимнему дворцу подходили все новые и новые отряды. 25 октября к шести часам вечера он был блокирован восставшими со всех сторон.

Ультиматум

— Фролов!
— Галанин!
Фролов и Галанин — солдаты самокатного батальона. Их вызвал к себе командир.
На солдат Фролова и Галанина возлагалось ответственное поручение.
25 октября. 6 часов вечера.
Военно-революционный комитет принял решение направить Временному правительству ультиматум.
Ясно: Революция побеждает.
Не удержаться у власти Временному правительству.
Зачем же напрасные жертвы при штурме Зимнего?
Министрам Временного правительства предложено сдаться.
Явились Фролов и Галанин с ультиматумом Военно-революционного комитета.
Срок ультиматума — 20 минут.
Приняли офицеры от солдат ультиматум, направили его к министрам Временного правительства.
Ждут ответа Фролов и Галанин.
За минутой идет минута.
А в это время...
Убеждены восставшие, что Зимний дворец полностью отрезан от внешнего мира.
Ведь и телеграф, и телефон, и почта в руках восставших.
Нет ни с кем связи у Временного правительства.
Но это не так.
Недалеко от Зимнего дворца находилось здание, в котором помещалось военное министерство. Военное министерство тоже в руках восставших. Но у здания есть чердак. И никто не знает, что на этом чердаке оборудован дополнительный телеграф.
Здесь, на чердаке, притаился офицер-телеграфист. Чердак связан секретным проводом с Зимним дворцом и городом Могилевым. В Могилеве, за сотни километров от Петрограда, находится Ставка русской армии.

По-прежнему надеются в Зимнем дворце на военную помощь Ставки, на приход с фронта в Петроград солдат, верных Временному правительству.
Вот и сейчас, прежде чем дать Временному правительству ответ на ультиматум восставших, офицер-телеграфист пытается связаться с Могилевым.
Ждут солдаты-парламентеры Фролов и Галанин ответа.
За минутой идет минута. За минутой идет минута.
Истекли двадцать минут.
Нет ответа на ультиматум.
Ответа нет, но есть просьба.
Просят представители Временного правительства продлить срок действия ультиматума. Продлил Военно-революционный комитет этот срок еще на десять минут.
По-прежнему сидит в своем тайном месте офицер-телеграфист.
— Могилев, Могилев, — на телеграфном ключе выстукивает.
И вот приходит ответ из Ставки. Обещана помощь Временному правительству.
Не приняло Временное правительство ультиматума восставших.

Чудеса во Дворцовом дворике

В Зимнем дворце, правда, в подвальном его этаже, находилась комната для шоферов. Почетной в те годы была профессия шофера. Редкостной. Необычной.
Имелся при Зимнем дворце и внутренний дворик. Тут и стояли автомашины. Легковые, грузовые.
Обслуживали они министров, других важных правительственных чиновников, служили для разных военных и хозяйственных нужд.
В октябрьские дни к ним присоединились броневики.
Некоторые из шоферов дежурили во дворе, были рядом со своими машинами.
Большинство же в ожидании вызова находились здесь, в шоферской комнате.
Так было и в ночь с 24 на 25 октября.
Скучно шоферам. И вдруг — развлечение.
Вошли в шоферскую комнату два казака. Красные лампасы

на шароварах. Фуражки с цветным околышком. Сбоку лихие шашки.
— Здравствуйте, стальные всадники, — произнесли казаки. Даже сказали: — Автомобильные чародеи.
Приятно приятное слушать.
Улыбаются шоферы. Особенно один. Рыжеватый. Правда, наполовину. Рыжеват он почему-то лишь на одну, на левую сторону.
— Скучаете? — спрашивают казаки.
— Скучаем, — отвечают шоферы.
— Это мы враз поправим.
— Эй, Гриша!
— Эй, Миша! — перекинулись казаки. И тут же зашлись в буйной казацкой пляске.
Восхищается рыжеватый:
— С уважением к нам, к шоферам. С уважением.
Хочется ему, чтобы и другие шоферы, те, что дежурят у своих машин, посмотрели на лихие казацкие пляски.
Выбежал во дворик Зимнего дворца.
— Там казаки. Там казаки, — показывает на шоферскую комнату. — Пляшут.
Дьяволы — не казаки.
Набилось в комнату полно шоферов.
Отплясали, отходили кругами по комнате казаки, песни теперь запели.
Слушают шоферы.
— Это все для нас. Специально для нас! — объясняет рыжеватый соседям.
Кончился неожиданный концерт. Ушли казаки из шоферского помещения.
Многие и из шоферов вышли к своим машинам.
Прошло несколько минут.
И вдруг несется все тот же, что рыжеват с одной стороны.
— Машина!
— Что — машина?
— Беда!
— Что — беда?
— Магнето!
Магнето — это специальное устройство, без которого в те годы нельзя было завести автомашины.
Выяснилось: исчезло куда-то с машины рыжеватого магнето.
Осмотрели и другие шоферы свои автомобили. Оказалось, многие из машин, а главное, броневики тоже стоят без магнето.
Застыли в изумлении шоферы.
Нашелся наконец смекалистый:
— Э-э. Не зря, выходит, были казацкие песни, казацкие пляски.
Действительно, не зря.
Действительно, все произошло из-за казаков. Только вовсе не казаки это были. Дело в том,

что группа красногвардейцев решила обезвредить машины Временного правительства. Двое из них переоделись в казачий наряд, прошли в шоферскую комнату, стали развлекать шоферов. Остальные же в это время незаметно проникли во внутренний дворик Зимнего дворца. И сняли магнето почти со всех автомашин.
Смелой, отважной оказалась вылазка красногвардейцев. Лишились защитники Зимнего дворца и броневиков, и многих транспортных машин.
— Все ты! Все ты! — кричали раздосадованные шоферы на рыжеватого. — Все из-за тебя. Из-за твоей глупости.

„Сила не гнет разумного“

Акашев был представителем Временного правительства в Михайловском артиллерийском юнкерском училище.
Хоть и правительственный он представитель, хоть и человек доверенный, но прекрасно понимал Акашев всю безнадежность положения, в котором находилось Временное правительство.
Немало таких, как Акашев, в те дни было: Теряло Временное правительство верных своих сторонников.
Что же касается Акашева, то он вообще сочувствовал восставшим. Считал, что в эту минуту обязанность всех честных людей быть на стороне революции.
В числе защитников Зимнего дворца находилась большая группа юнкеров Михайловского училища. Было с ними четыре орудия. Решил Акашев увести из Зимнего дворца юнкеров-михайловцев. Решил увезти орудия.
С большим трудом, сквозь оцепление восставших Акашев проник в Зимний дворец.
Разыскал офицеров, которые командовали михайловскими юнкерами. Окружили его офицеры:
— Ну как?
— Что нового?
— Как там — за пределами Зимнего дворца и Дворцовой площади?
Плохо информированы защитники Зимнего дворца о том, что происходит за пределами Дворцовой площади.
Объясняет Акашев:
— Народ восстал.
Силы огромные.
Нет никакой надежды удержать Зимний дворец. Лишь

напрасными будут жертвы.
Понимают офицеры: раз так говорит представитель Временного правительства, значит, дела у защитников Зимнего дворца действительно безнадежные. Согласны они с Акашевым.
— Михайлоны — сюда! Михайлоны — сюда!
Явились на зов юнкера.
Получают они приказ всем собраться внизу, во дворцовом дворике.
Собрались внизу юнкера.
Новый приказ. Приготовить орудия. Впрячь лошадей.
Шустрый нашелся. Лезет с вопросом:
— А зачем?
— Таково указание начальника училища, — отвечают офицеры.
Приготовили юнкера орудия. Впрягли лошадей.
Новый приказ! Двинуться вместе с орудиями всем к училищу.
Опять шустрый лезет с вопросом:
— А зачем?
Вот настырный! Вновь объясняют ему офицеры, что таково указание начальника училища.
Подчинились приказу. Покинули Дворцовую площадь. Увезли четыре орудия.
Оказались они сразу же в расположении революционных войск. Окружили восставшие юнкеров.
— Предательство! — закричал шустрый. Схватился за винтовку.
И другие потянулись к оружию.
Вышел вперед Акашев:
— Тише. Тише.
Удержал он юнкеров. Объяснил революционным солдатам, в чем дело, откуда и как появились здесь юнкера.
— Понятно, — сказал командир отряда, окружившего юнкеров. Повернулся к юнкерам: — Э-эх. Дурачье. От гибели вас неразумных вывели.
Посмотрел с уважением на Акашева.
— Сила не гнет разумного.
Отпустили восставшие юнкеров.

Ни привета. Ни ответа

— Фекла!
— Домна!
— Лизавета!
Ни привета. Ни ответа.
Вот уже несколько лет продолжалась мировая война. Мужчин не хватало. В русскую армию начали вступать женщины. Возникли женские добровольческие батальоны. Такие батальоны получили наименование ударных.
А бойцов этих батальонов стали

называть ударницами.
Один из таких батальонов был срочно переброшен в Петроград.
Переговариваются «ударницы».
— В Петроград едем!
— В Петроград!
Всем приятно побывать в главном городе Русского государства.
Прибыли «ударницы» в Петроград. А тут еще одна новость. Поступил приказ явиться им на Дворцовую площадь.
И снова радуются «ударницы»:
— На Дворцовую площадь идем!
— На Дворцовую!
Дворцовая площадь — главная площадь Петрограда. Кому не интересно побывать на главной площади знаменитого города!
А за этой новостью и новая новость:
— На Дворцовой площади состоится парад.
Идет на Дворцовую площадь женский добровольческий батальон. Чеканят «ударницы» шаг.
Обманули «ударниц». Сказали им, что ведут их на парад, а привели охранять Зимний дворец и защищать Временное правительство.
К этому времени на Дворцовой площади юнкерами из дров были сооружены баррикады.
Разместили «ударниц» за баррикадами. Идет перекличка:
— Фекла!
— Здесь!
— Домна!
— Здесь!
— Лизавета!
— Здесь!
— Ольга!
— Здесь!
— Павла!
— Здесь!
— Пересвета!
— Здесь...
Все на месте. Батальон целый.
Томительно тянется время.
Вот-вот грянут бои на Дворцовой площади.
Понимают многие из «ударниц» — заманили их сюда обманным путем. Шли они в армию сражаться с врагами. А тут против своих же стрелять придется.
Вот уже и началась кое-где

Кадр из фильма С. Эйзенштейна «Октябрь»

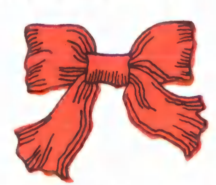

перестрелка.
Подумали. Подумали женщины...
Снова на Дворцовой площади идет перекличка:
— Фекла!
— Домна!
— Лизавета!
Ни привета. Ни ответа.
— Ольга!
— Павла!
— Пересвета!
Ни привета. Ни ответа.
— Нина!
— Зина!
— Катерина!
Та же самая картина.
Сто «ударниц» из женского батальона сдались войскам революции.

Час наступил для нового

Юнкера, «ударницы» из женского батальона, отдельные отряды казаков — вот те главные и немногие силы, которые удалось Временному правительству бросить на защиту Зимнего дворца.
Особая надежда у Временного правительства на юнкеров и казаков.
Льстят казакам офицеры:
— Вы — слава России.
— Вы — гордость России.
Слушают казаки. Понимают — не зря такое.
Многие из казаков, узнав, зачем их привели в Зимний дворец, сразу же заговорили:
— Не наше дело.
— Вещи кругом серьезные.
— Зачем же самим и под жернов лезть!
Сотни три казаков вообще решили уйти из Зимнего.
Посовещались. Направили к восставшим своего посыльного.
Прибыл тот. Объясняет:
— Казаками послан, — и чуть тише: — три казацкие сотни готовы покинуть Зимний дворец. Согласны ли вы их пропустить?
— Молодцы! Верно! — говорят красногвардейцы. Видят, что посыльный еще что-то хочет сказать, однако не решается.
— Ну, ну, — подбадривают его красногвардейцы.
Наконец посыльный произнес:
— Только вот позора боятся казаки.
— Какого позора?
Снова посыльный замялся.
— Ну, ну!
— Осмеют нас навеки тогда станичники.
— Так в чем же дело? Не тяни. Говори.
— Девки замуж за нас не пойдут.
— Так в чем же дело? Не тяни.

Говори. Не тяни. Не тяни.
Рубани, как шашкой.
«Рубанул» посыльный.
Оказывается, опасаются казаки, что лишат их красногвардейцы и революционные солдаты оружия. Отнимут винтовки и, главное, шашки. А это для них — позор.
Рассмеялись бойцы революции.
А затем:
— Передай. Согласны.
Вернулся к своим посыльный.
— Согласны! — кричит. — Согласны!
Как-то не верится казакам.
— А ты толково им объяснил?
— Толково. Толково.
— А верно ли люди тебя поняли?
— Верно. Верно.
Покинули три сотни казаков Зимний дворец. Пропустили их сквозь свои ряды революционные войска. Слово выполнили. Не задержали.
Не обезоружили.
Возвращаются казаки в казарму.
— Вот ведь как!
— Значит, по-людски, по-хорошему.
— Может, и вправду они победят.
— Может, и верно, час наступил для нового.

Второй ультиматум

25 октября. 8 часов вечера.
Военно-революционный комитет решает вторично направить ультиматум Временному правительству.
Парламентером идет член Военно-революционного комитета Григорий Чудновский.
Пропустили юнкера Чудновского в Зимний дворец.
Узнали старшие офицеры:
— Арестовать!
Взят парламентер восставших Чудновский под стражу. Ведут юнкера его в арестантскую комнату.
Смотрит Чудновский на юнкеров — молодые совсем люди. А знают ли они всю правду о том, что происходит там, за стенами Зимнего, задает себе вопрос Чудновский и сам же отвечает: «Конечно, не знают». По лицам юнкеров Чудновский понимает, что и те хотели бы знать эту правду, хотели бы с ним заговорить.
Замедлил Чудновский шаг:
— Хотите знать правду?
И тут же про то, что силы неравные. Положение защитников Зимнего дворца

безнадежное. Дворец окружен. И силы восставших огромны. Слушают юнкера. Остановился Чудновский. И они остановились. Подходят к ним новые. Поражаются:
— Парламентер!
— Парламентер!
И эти слушают.
— Надо прекратить сопротивление, — говорит Чудновский. И тут же от имени Военно-революционного комитета добавляет, что каждый, кто добровольно покинет Зимний дворец, получит свободу и право вернуться домой.
Стоят юнкера. Слушают. Вдруг рядом появился кто-то из важных чиновников Временного правительства. Знал он уже о приказе арестовать Чудновского.
— Почему не арестован?!
— Так ведь парламентер. Это нечестно.
— Молчать! — Указал на Чудновского: — Под арест. Немедля!
Не выполняют юнкера приказа чиновника. Даже ропот прошел в их рядах. Самый смелый из них сказал:
— Это же парламентер. Надо его отпустить.
Потребовали юнкера, чтобы Чудновского освободили. Пришлось чиновнику согласиться.
Пошли юнкера проводить Чудновского. Ждет чиновник, когда юнкера вернутся.
Не возвращаются юнкера.
— Где юнкера?!
— Ушли. Не вернутся, — отвечают чиновнику.
Ушла, оказывается, вслед за Чудновским группа юнкеров из Зимнего.
Временное правительство не приняло и второй ультиматум восставших.
Вернулся Чудновский из Зимнего дворца. Обо всем доложил Военно-революционному комитету.
Ясно революционным войскам: выход один — Зимний дворец надо брать штурмом.

Выстрел „Авроры“

25 октября. 9 часов 40 минут вечера. Нева. Крейсер «Аврора». Роль у крейсера «Аврора» в вооруженном восстании особая. Орудийным выстрелом «Аврора» подаст сигнал, после которого начнется штурм Зимнего дворца.
Однако моряки-авроровцы для этого должны получить

команду. Такой командой будет вспышка сигнального фонаря на флагштоке Петропавловской крепости.
Ждут авроровцы вспышки сигнального фонаря. Ждет со всеми и канонир Огнев.
В этой особой роли «Авроры» и у него роль особая. Он именно тот артиллерист, который должен произвести орудийный выстрел.
— Фамилия у тебя, Огнев, самая артиллерийская, — смеются товарищи.
— И — революционная!..
Ждут на «Авроре» сигнала из Петропавловской крепости.
Волнуются. Однако сигнала нет.
Не заладилось что-то у петропавловцев.
По плану, который был разработан Военно-революционным комитетом, во время штурма Зимнего дворца красногвардейцам, солдатам и матросам должна помочь артиллерия — пушки из Петропавловской крепости.
Петропавловская крепость находится точно напротив Зимнего дворца. По ту сторону реки Невы. Расстояние близкое.
Если надо — пушки ударят прямой наводкой.
С пушками и произошла задержка. Застоялись они, «залежались» в Петропавловской крепости.
Давно не стреляли пушки.
Оказалось, на складах не те снаряды. Оказалось, запропастились куда-то прицельные приспособления.
К тому же пришлось артиллеристам вытаскивать пушки из крепости и устанавливать прямо на берегу Невы, так как крепостные стены мешали стрельбе по Зимнему дворцу.
Всматриваются матросы-авроровцы в темноту.
— Где же сигнал?!
— Где же сигнал?!
Обращаются к Огневу:
— Видишь?
— Нет.
Переспрашивают друг друга:
— Видишь?
— Видишь?
— Видишь?
— Нет.
Время идет. Нет сигнала.
Волнуются моряки. Комиссар «Авроры» Белышев волнуется.
Огнев волнуется.
Да что Белышев и Огнев!
Владимир Ильич Ленин в Смольном волнуется: «В чем задержка? Почему так долго?»
Свердлов волнуется.
Дзержинский волнуется.
Председатель Военно-революционного комитета Подвойский срочно приехал в крепость.

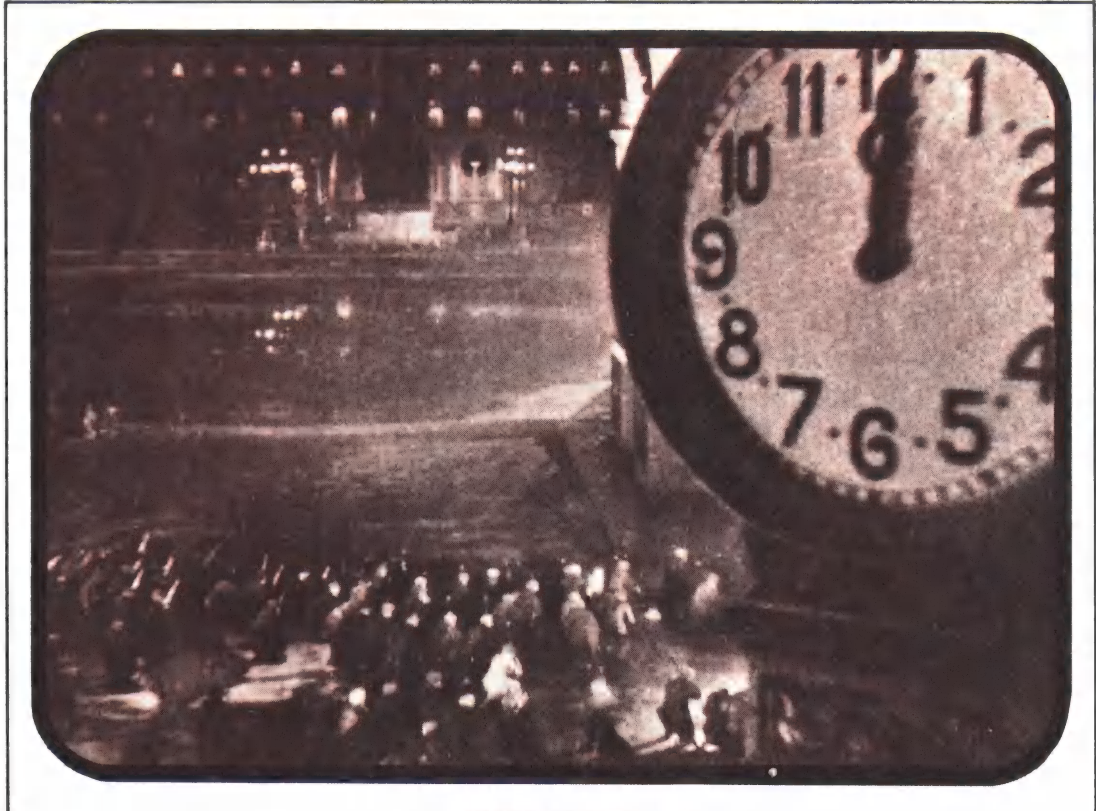
И вот. Вспыхнул условный сигнал на флагштоке Петропавловской крепости.
— Вижу!
— Вижу!
— Вижу!
— К орудию! — прозвучала команда на «Авроре».
Стал Огнев и другие канониры к орудию.
— Огонь!
Грянул выстрел. Прокатился он грозным эхом над водой, над Невой, над восставшим городом. 25 октября. 9 часов 40 минут вечера. Штурм Зимнего дворца начался.

ЕВДОКИМ ОГНЕВ

„Преданность делу успех решает"

Заколыхалось, задвигалось, покатилось девятым валом людское море.
— Ура!
— Ур-а-а!
Восставшие начали штурм Зимнего дворца.
Николай Рябов — с Выборгской стороны. Он токарь металлического завода. И здесь, на металлическом, как и на других заводах, осенью 1917 года были созданы отряды Красной гвардии. Делились красногвардейские отряды обычно на «сотни» и «десятки». В одной из «сотен» и числился Николай Рябов.
Ростом он невысок. Внешне ничем не приметен. Шапка пирожком на голове. Короткое пальто на плечах. Ремнем перехвачено.
Когда раздавали красногвардейцам оружие, Рябову не хватило винтовки. Вручили ему револьвер. Огорчен был Рябов.
Для настоящего боя не то оружие.

Штурм Зимнего.
Кадр из фильма С. Эйзенштейна
«Октябрь»

— Как не то?! — говорят товарищи.
— Стреляет недалеко, — отвечает Рябов.
— Зато вес небольшой.
— Приклада нет.
— Зато в карман спрячешь.
— А где штык? — задает вопрос Рябов.
Верно, штыка на револьвере нет.
Утешают товарищи:
— Зато ты вроде как командир.
Все в «сотне» с винтовками, он один с револьвером.
Действительно, принимали всюду Рябова за командира.
В день вооруженного восстания отряды красногвардейцев металлического завода были направлены во многие места города. Одни шли захватывать юнкерские училища. Другие — брать, а затем охранять мосты.
«Сотня», в которой состоял Николай Рябов, была

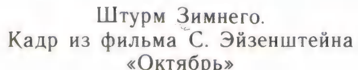
Штурм Зимнего.
Кадр из фильма С. Эйзенштейна
«Октябрь»

командирована к Смольному.
Прибыли красногвардейцы к Смольному.
— Вы командир? — спрашивают Рябова.
— Нет, — засмущался Рябов.
Здесь, у Смольного, посадили красногвардейцев с металлического завода на автомашины. Первому предоставили место Рябову.
— Вы командир?
— Нет, — засмущался Рябов.
«Сотня», в которой состоял Рябов, была включена в состав тех, кому предстояло штурмовать Зимний дворец.
Привезли красногвардейцев к Дворцовой площади.
Посмотрели и здесь на Рябова, на его револьвер.
— Вы командир?
— Нет.
Неудобно Рябову. Хоть прячь револьвер за пазуху.
— Быть тебе командиром, —

смеются товарищи.
Отличился при штурме Рябов.
В первой же атаке он взял в плен трех юнкеров.
Смотрят товарищи:
— Ого. Не в оружии, Рябов, выходит, главное. Всякое в схватке с врагом бывает. Преданность делу успех решает.
И опять о своем:
— Быть тебе командиром. Быть!
Оправдалось пророчество.
После Великой Октябрьской социалистической революции многие бывшие красногвардейцы стали красными командирами.
В их числе и Николай Рябов.
Долго служил он в Советской Армии. Генерал-лейтенантом стал.
Всегда он помнил слова товарищей:
— Всякое в схватке с врагом бывает. Преданность делу успех решает.

„Сосчитаем!“

Революционные войска штурмуют Зимний дворец.
Вместе со всеми бегут Семен Филиппов и Кузьма Захаров.
Филиппов — красногвардеец, рабочий с Путиловского завода.
Захаров — солдат, фронтовик, в Петрограде совсем недавно.
Поражался Захаров, глядя на Филиппова, — все-то тот знает. Вот и про Зимний дворец.
Еще когда стояли, ждали атаки, заговорили они о Зимнем.
— Громада, — произнес Филиппов.
— Не говори, — согласился Захаров. До этого видел он Зимний лишь издали.
— Почти двести метров в длину, — сказал Филиппов.
— Да ну!
— Сто шестьдесят метров в ширину.
— Вот это да!
— Более тысячи комнат в Зимнем, — сообщил Филиппов.
Посмотрел Захаров на Филиппова — все-то он знает.
Спросил:
— Откуда знаешь? Считал?
Смутился Филиппов.
Неожиданным был вопрос.
Но тут же нашелся:
— Вот штурмом возьмем — сосчитаем!
В этот момент как раз и раздался выстрел «Авроры».
— Вперед! — прокричал Филиппов.
Вместе со всеми устремились они в атаку.
Нелегкой была атака.
Не увенчалась поначалу она успехом. Между отрядами восставших и Зимним дворцом пролегла огромная площадь.
На ней были сооружены баррикады из дров. За ними

Штурм Зимнего.
Кадр из фильма С. Эйзенштейна
«Октябрь»

укрылись юнкера. Открыли они ураганный огонь. Грянули залпы. Безумно залаяли пулеметы. Стрельба велась и с крыши, и из окон Зимнего дворца. Пришлось отойти атакующим. Вернулись Филиппов и Захаров к старому месту.

— Кусаются, — сказал Филиппов. И вновь заговорил про Зимний: — В Зимнем только одних дверей тысяча семьсот восемьдесят шесть.

Поражается Захаров огромным цифрам:

— Да, непросто такую махину взять.

Вот снова призыв к атаке.

— Ура!

— Ур-а-а!

Главное — надо было добежать до баррикад. Возьмешь баррикады — путь к Зимнему дворцу будет открыт. Все ближе, ближе подходят восставшие к баррикадам. Вот уже рядом.

Штурм Зимнего.
Кадр из фильма С. Эйзенштейна
«Октябрь»

Рывок. Снова рывок.
— Ур-а-а-а!
Влетели восставшие на баррикады. Опрокинуты юнкера. Но это еще не все. Надо добежать до ворот Зимнего дворца. Надо проникнуть во двор. Надо ворваться в здание Зимнего.
Подбежали красногвардейцы, солдаты и матросы к воротам. Ворота закрыты. Начали люди на них нажимать. Многие стали карабкаться вверх. Ворота не выдержали. Створки их начали медленно расходиться.
Преодолев двор, восставшие ворвались в Зимний дворец. Сразу же оттуда грянули выстрелы.
Вместе со всеми в Зимний дворец вбежали Филиппов и Захаров. Большая мраморная лестница перед ними. Устремились они вперед.
— Во дворце сто семнадцать

лестниц, — кричит Захарову.
— Откуда знаешь? — опять Захаров. — Ты что же ходил, считал?
Улыбнулся Филиппов:
— Не долго ждать. Наш скоро Зимний. Желаешь, вместе с тобой сосчитаем! —
И добавил: — Все сосчитаем, все! И здесь и по всей стране новый хозяин приходит.

Именем революции

Зимний дворец. Малахитовый зал. Лепной потолок. В узорах паркет.
В этом зале заседают члены Временного правительства. Пятнадцать человек сидят за широким столом.
Заседают министры, ожидают помощи.
Все отчетливее доносится сюда, в Малахитовый зал, шум сражения. Где-то под ударами пуль отлетает от стен штукатурка. Со звоном разлетается оконное стекло.
Время от времени министры вздрагивают. Съеживаются.
Это раздаются выстрелы пушек, стреляющих из Петропавловской крепости. Один из снарядов разрывается совсем рядом.
Шарахнулись министры. Но все обошлось. Министры принимают решение перейти в другую комнату. Маленькая она по сравнению с Малахитовым залом. Зато здесь спокойнее и надежнее. Окна выходят не на Неву, не в сторону Петропавловской крепости, а во внутренний двор Зимнего дворца.
Чуть успокоились министры. Начали снова заседать. И вдруг совсем рядом взрыв. Это бомба. Ее бросили откуда-то сверху.
Переглянулись министры.
Каждый понимает: положение безнадежное. И все же заседают члены Временного правительства. Ждут.
Победным шагом идет восстание. Вот уже бои переместились в Зимний дворец. Идут в бесчисленных его комнатах и залах, на лестницах и переходах.
Все ближе и ближе продвигаются революционные отряды к той комнате, в которой заседает Временное правительство.
А вот грозные шаги раздались и вовсе у самого входа в комнату.
Распахнулись с шумом, как под натиском бури, двери.
Повернули министры головы.
Входит член Военно-революционного комитета

Антонов-Овсеенко. Входит член Военно-революционного комитета Чудновский. Входят вооруженные рабочие, солдаты, матросы. Заполнилась быстро комната.

Обращаясь к министрам Временного правительства, Антонов-Овсеенко произносит:

— Объявляю вас арестованными.

— По какому праву?!

— Именем революции.

Арест Временного правительства.
Кадр из фильма С. Эйзенштейна «Октябрь»

№ 208.
Пятница.
27 октября 1917 г.

ИЗВѢСТІЯ

ЦѢНА:
въ Петроградѣ 15 коп.
на ст. жел. д. 18 коп.

Центральнаго Исполнительнаго Комитета
и ПЕТРОГРАДСКАГО СОВѢТА
РАБОЧИХЪ и СОЛДАТСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

Адресъ конторы: Лиговка, Саблинъ пер., д. № 6. Телефонъ № 218-41
Адресъ редакціи: Смольный Институтъ, 2-й этажъ комната № 144. Телефонъ № 38-89

Декретъ о мирѣ,

принятый единогласно на засѣданіи Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ 26 октября 1917 г.

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революціей 24—25 октября и опирающееся на Совѣты Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, предлагаетъ всѣмъ воюющимъ народамъ и ихъ правительствамъ начать немедленно переговоры о справедливомъ демократическомъ мирѣ.

Справедливымъ или демократическимъ миромъ, котораго жаждетъ подавляющее большинство истощенныхъ, измученныхъ и истерзанныхъ войной рабочихъ и трудящихся классовъ всѣхъ воюющихъ странъ—миромъ, котораго самымъ опредѣленнымъ и настойчивымъ образомъ требовали русскіе рабочіе и крестьяне послѣ сверженія царской монархіи,—такимъ миромъ правительство считаетъ немедленный миръ безъ аннексій (т. е. безъ захвата чужихъ земель, безъ насильственнаго присоединенія чужихъ народностей) и безъ контрибуцій.

Такой миръ предлагаетъ Правительство Россіи заключить всѣмъ воюющимъ народамъ немедленно, выражая готовность сдѣлать безъ малѣйшей оттяжки тотчасъ же всѣ рѣшительные шаги впредь до окончательнаго утвержденія всѣхъ условій такого мира полномочными собраніями народныхъ представителей всѣхъ странъ и всѣхъ націй.

Подъ аннексіей или захватомъ чужихъ земель Правительство понимаетъ сообразно правовому сознанію демократіи вообще, и трудящихся классовъ въ особенности, всякое присоединеніе къ большому или сильному государству малой или слабой народности безъ точно, ясно и добровольно выраженнаго согласія и желанія этой народности, независимо отъ того, когда это насильственное присоединеніе совершено, независимо также отъ того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая въ границахъ даннаго государства нація. Независимо, наконецъ, отъ того, въ Европѣ или въ далекихъ заокеанскихъ странахъ эта нація живетъ.

Если какая бы то ни было нація удерживается въ границахъ даннаго государства насиліемъ, если ей, вопреки выраженному съ ея стороны желанію—все равно, выражено ли это желаніе въ печати, въ народныхъ собраніяхъ, въ рѣшеніяхъ партій или возмущеніяхъ и возстаніяхъ противъ національнаго гнета—не предоставляется права свободнымъ голосованіемъ, при полномъ выводѣ войска присоединяющей или вообще болѣе сильной націи, рѣшить безъ малѣйшаго принужденія вопросъ о формахъ государственнаго существованія этой націи, то присоединеніе ея является аннексіей, т. е. захватомъ и насиліемъ.

Продолжать эту войну изъ-за того, какъ раздѣлить между сильными и богатыми націями захваченныя ими слабыя народности, Правительство считаетъ величайшимъ преступленіемъ противъ человѣчества и торжественно заявляетъ свою рѣшимость немедленно подписать условія мира, прекращающаго эту войну на указанныхъ, равно справедливыхъ для всѣхъ безъ изъятія народностей условіяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Правительство заявляетъ, что оно отнюдь не считаетъ вышеуказанныхъ условій мира ультимативными, т. е. соглашается разсмотрѣть и всякія другія условія мира, настаивая лишь на возможно болѣе быстромъ предложеніи ихъ какой бы то ни было воюющей страной и на полнѣйшей ясности, на безусловномъ исключеніи всякой двусмысленности и всякой тайны при предложеніи условій мира.

Тайную дипломатію Правительство отмѣняетъ, со своей стороны выражая твердое намѣреніе вести всѣ переговоры совершенно открыто передъ всѣмъ народомъ, приступая немедленно къ полному опубликованію тайныхъ договоровъ, подтвержденныхъ или заключенныхъ правительствомъ помѣщиковъ и капиталистовъ съ февраля по 25 октября 1917 года. Все содержаніе этихъ тайныхъ договоровъ, поскольку оно направлено, какъ это въ большинствѣ случаевъ бывало, къ доставленію выгодъ и привилегій русскимъ помѣщикамъ и капиталистамъ, къ удержанію или увеличенію аннексій великороссовъ, Правительство объявляетъ безусловно и немедленно отмѣненнымъ.

Обращаясь съ предложеніемъ къ правительствамъ и народамъ всѣхъ странъ начать немедленно открытые переговоры о заключеніи мира, Правительство выражаетъ съ своей стороны готовность вести эти переговоры, какъ посредствомъ письменныхъ сношеній, по телеграфу, такъ и путемъ переговоровъ между представителями разныхъ странъ или на конференціи таковыхъ представителей. Для облегченія такихъ переговоровъ Правительство назначаетъ своего полномочнаго представителя въ нейтральныя страны.

Правительство предлагаетъ всѣмъ правительствамъ и народамъ всѣхъ воюющихъ странъ немедленно заключить перемиріе, причемъ со своей стороны, считаетъ желательнымъ, чтобы это перемиріе было заключено не меньше какъ на 3 мѣсяца, т. е. на такой срокъ, въ теченіе котораго вполнѣ возможно какъ завершеніе переговоровъ о мирѣ съ участіемъ пред-

ставителей всѣхъ безъ изъятія народностей, или націй, втянутыхъ въ войну или вынужденныхъ къ участію въ ней, такъ равно и созывъ полномочныхъ собраній народныхъ представителей всѣхъ странъ для окончательнаго утвержденія условій мира.

Обращаясь съ этимъ предложеніемъ мира къ правительствамъ и народамъ всѣхъ воюющихъ странъ, временное рабочее и крестьянское правительство Россіи обращается также въ особенности къ сознательнымъ рабочимъ трехъ самыхъ передовыхъ націй человѣчества и самыхъ крупныхъ участвующихъ въ настоящей войнѣ государствъ, Англіи, Франціи и Германіи. Рабочіе этихъ странъ оказали наибольшія услуги дѣлу прогресса и соціализма и великіе образцы чартистскаго движенія въ Англіи, рядъ революцій, имѣвшихъ всемірно-историческое значеніе, совершенныхъ французскимъ пролетаріатомъ, наконецъ, въ геройской борьбѣ противъ исключительнаго закона въ Германіи и образцовой для рабочихъ всего міра длительной, упорной дисциплинированной работѣ созданія массовыхъ пролетарскихъ организацій Германіи. Всѣ эти образцы пролетарскаго героизма и историческаго творчества служатъ намъ порукой за то, что рабочіе названныхъ странъ поймутъ лежащія на нихъ теперь задачи освобожденія человѣчества отъ ужасовъ войны и ея послѣдствій, что эти рабочіе всесторонней рѣшительной и беззавѣтно энергичной дѣятельностью своей помогутъ намъ успѣшно довести

№ 209
Суббота.
28 октября 1917 г.

ИЗВѢСТІЯ

ЦѢНА:
въ Петроградѣ 15 коп.
на ст. жел. д. 18 коп

Центральнаго Исполнительнаго Комитета
и ПЕТРОГРАДСКАГО СОВѢТА
РАБОЧИХЪ и СОЛДАТСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

Адресъ конторы: Лиговка, Сайкинъ пер., д. № 6. Телефонъ № 218-41.
Адресъ редакціи: Смольный Институтъ, 2-й этажъ комната № 144. Телефонъ № 38-89.

Въ виду созыва въ теченіи ближайшихъ дней Второго Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ Крестьянскихъ Депутатовъ, крестьянъ-делегатовъ пріѣхавшихъ на Второй Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ просятъ остаться для участія въ работахъ этого съѣзда.

ДЕКРЕТЪ О ЗЕМЛѢ

СЪѢЗДА СОВѢТОВЪ РАБОЧИХЪ и С. Д. (ПРИНЯТЪ НА ЗАС. 26 ОКТ ВЪ 2 Ч. Н.).

1) Помѣщичья собственность на землю отмѣняется немедленно безъ всякаго выкупа.

2) Помѣщичьи имѣнія, равно какъ всѣ земли удѣльныя, монастырскія, церковныя, со всѣмъ ихъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, усадебными постройками и всѣми принадлежностями переходятъ въ распоряженіе волостныхъ земельныхъ Комитетовъ и уѣздныхъ Совѣтовъ Крестьянскихъ Депутатовъ, впредь до Учредительнаго Собранія.

3) Какая бы то ни было порча конфискуемаго имущества принадлежащаго отнынѣ всему народу, объявляется тяжкимъ преступленіемъ, караемымъ революціоннымъ судомъ. Уѣздные Совѣты Крестьянскихъ Депутатовъ принимаютъ всѣ необходимыя мѣры для соблюденія строжайшаго порядка при конфискаціи помѣщичьихъ имѣній, для опредѣленія того, до какого размѣра участки и какіе именно подлежатъ конфискаціи, для составленія точной описи всего конфискуемаго имущества и для строжайшей революціонной охраны всего переходящаго къ народу хозяйства на землѣ со всѣми постройками, орудіями, скотомъ, запасами продуктовъ и проч.

4) Для руководства по осуществленію великихъ земельныхъ преобразованій, впредь до окончательнаго ихъ рѣшенія Учредительнымъ Собраніемъ должен повсюду служить слѣдующій крестьянскій наказъ, составленный на основаніи 242 мѣстныхъ крестьянскихъ наказовъ редакціей «Извѣстій Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ» и опубликованный въ номерѣ 88 этихъ «Извѣстій», (Петроградъ, номеръ 88, 19 авг. 1917 г.)

II. О землѣ

1) Право частной собственности на землю отмѣняется навсегда; земля не можетъ быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема въ аренду либо въ залогъ, ни какимъ либо другимъ способомъ отчуждаема. Вся земля: государственная, удѣльная, кабинетская, монастырская, церковная, посессіонная, майоратная, частновладѣльческая, общественная и крестьянская и т. д., отчуждается безвозмездно, обращается въ всенародное достояніе и переходитъ въ пользованіе всѣхъ трудящихся на ней.

За пострадавшими отъ имущественнаго переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособленія къ новымъ условіямъ существованія.

2) Всѣ нѣдра земли, руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также лѣса и воды, имѣющіе общегосударственное значеніе, переходятъ въ исключительное пользованіе государства. Всѣ мелкіе рѣки, озера, лѣса и проч. переходятъ въ пользованіе общинъ, при условіи завѣдыванія ими мѣстными органами самоуправленія.

3) Земельные участки съ высоко-культурными хозяйствами: сады, плантаціи, разсадники, питомники, оранжереи и т. под. не подлежатъ раздѣлу, а превращаются въ показательные и передаются въ исключительное пользованіе государства или общинъ, въ зависимости отъ размѣра и значенія ихъ.

Усадебная, городская и сельская земля, съ домашними садами и огородами, остается въ пользованіи настоящихъ владѣльцевъ, причемъ размѣръ самихъ участковъ и высота налога за пользованіе ими опредѣляется законодательнымъ порядкомъ.

4) Конскіе заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч., конфискуются, обращаются во всенародное достояніе и переходятъ либо въ исключительное пользованіе государства или общины, въ зависимости отъ величины и значенія ихъ, безъ выкупа.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованныхъ земель, живой и мертвый переходитъ въ исключительное пользованіе государства или общины, въ зависимости отъ величины и значенія ихъ, безъ выкупа.

Конфискація инвентаря не касается малоземельныхъ крестьянъ.

6) Право пользованія землею получаютъ всѣ граждане (безъ различія пола) Россійскаго государства, желающіе обрабатывать ее своимъ трудомъ, при помощи своей семьи, или въ товариществѣ, и только до той поры, пока они въ силахъ ее обрабатывать. Наемный трудъ не допускается.

При случайномъ безсиліи какого либо члена сельскаго общества въ продолженіе 2 лѣтъ, сельское общество обязуется, до возстановленія его трудоспособности на этотъ срокъ, придти къ нему на помощь, путемъ общественной обработки земли.

Земледѣльцы, вслѣдствіе старости или инвалидности, утратившіе навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряютъ право на пользованіе ею, но взамѣнъ того получаютъ отъ государства пенсіонное обезпеченіе.

7) Землепользованіе должно быть уравнительнымъ, т. е. земля распредѣляется между трудящимися, смотря по мѣстнымъ условіямъ, по трудовой или потребительной нормѣ.

Формы пользованія землею должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, какъ рѣшено будетъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ и поселкахъ.

8) Вся земля, по ея отчужденіи, поступаетъ въ общенародный земельный фондъ. Распредѣленіемъ ея между трудящимися завѣдуютъ мѣстныя и центральныя самоуправленія, начиная отъ демократическимъ передѣламъ въ зависимости отъ прироста населенія и поднятія производительности и культуры сельскаго хозяйства.

При измѣненіи границъ надѣловъ первоначальное ядро надѣла должно остаться неприкосновеннымъ.

Земля выбывающихъ членовъ поступаетъ обратно въ земельный фондъ, причемъ преимущественное право на полученіе участковъ выбывшихъ членовъ получаютъ ближайшіе родственники ихъ и лица по указанію выбывшихъ.

Вложенная въ землю стоимость удобренія и мелioрація (коренныя улучшенія), поскольку они не использованы при сдачѣ надѣла обратно въ земельный фондъ, должны быть оплачены.

Если въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ наличный земельный фондъ окажется недостаточнымъ для удовлетворенія всего мѣстнаго населенія, то избытокъ населенія подлежитъ переселенію.

Организацію переселенія, равно какъ и расходы по переселенію и снабженію инвентаремъ и проч. должно взять на себя государство.

Переселеніе производится въ слѣдующемъ порядкѣ: желающіе безземельные крестьяне, затѣмъ порочные члены общины, дезертиры и проч., и, наконецъ, по жребію, либо по соглашенію.

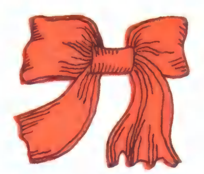
Все содержащееся въ этомъ наказѣ, какъ выраженіе безусловной воли огромнаго большинства сознательныхъ крестьянъ всей Россіи, объявляется временнымъ закономъ, который впредь до Учредительнаго Собранія проводится въ жизнь по возможности немедленно, а въ извѣстныхъ своихъ частяхъ съ той необходимой постепенностью, которая должна опредѣляться уѣздными Совѣтами Крестьянскихъ Депутатовъ.

Провозглашение Советской власти

Смольный. 25 октября. 10 часов 40 минут вечера.
На Дворцовой площади еще шли бои. Красногвардейцы, революционные солдаты и матросы шли на штурм Зимнего дворца. А в Смольном уже начал работать II съезд Советов.
Из разных концов страны прислали избиратели своих делегатов.
I съезд Советов состоялся в Петрограде летом 1917 года. Именно на этом съезде, когда кое-кто из делегатов заявил, что в России нет такой партии, которая смогла бы взять власть в свои руки, Владимир Ильич Ленин бросил свои знаменитые слова: «Есть такая партия». Это партия большевиков.
Теперь собрался II съезд Советов. Рабочие, крестьяне, солдаты, матросы заполнили белый высокий зал Смольного. Настроение у всех возвышенное, приподнятое.
Идет историческое заседание в Смольном. Все с нетерпением ждут известий с Дворцовой площади.
И вот в Смольный из Петропавловской крепости от председателя Военно-революционного комитета Подвойского мчит самокатчик. Походная сумка через плечо. В сумке — важное донесение. Донесение адресовано Ленину.
Прибыл самокатчик в Смольный:
— К товарищу Ленину! Срочно!
Пропустили его к Владимиру Ильичу.
Развернул Владимир Ильич бумагу, читает донесение от Подвойского: «Зимний дворец взят. Временное правительство арестовано».
Восторженно встретили делегаты съезда известие о взятии Зимнего дворца. Долго продолжалось общее ликование.
В нашей стране была провозглашена Советская власть.
II съезд Советов принял первые законы Советской власти. Это были знаменитые Декрет о мире и Декрет о земле.
Советская Россия заявляла о своем выходе из войны и обращалась с призывом ко всем народам и странам заключить справедливый мир.
Землю отбирали у помещиков и передавали тем, кто ее обрабатывал, — крестьянам.
И еще одно важное решение было принято на съезде. Было

утверждено первое рабоче-крестьянское правительство России — Совет Народных Комиссаров. Председателем Совнаркома, так сокращенно назвали Совет Народных Комиссаров, был избран Владимир Ильич Ленин. Октябрьская социалистическая революция в Петрограде завершилась полной победой трудового народа. Вскоре она победила и во всей нашей стране.

Это была воистину народная, воистину великая революция. Так и назвали ее в истории — Великая Октябрьская социалистическая революция.

II Всероссийский съезд Советов.
Кадр из фильма С. Васильева «В дни Октября»

Незабываемые образы

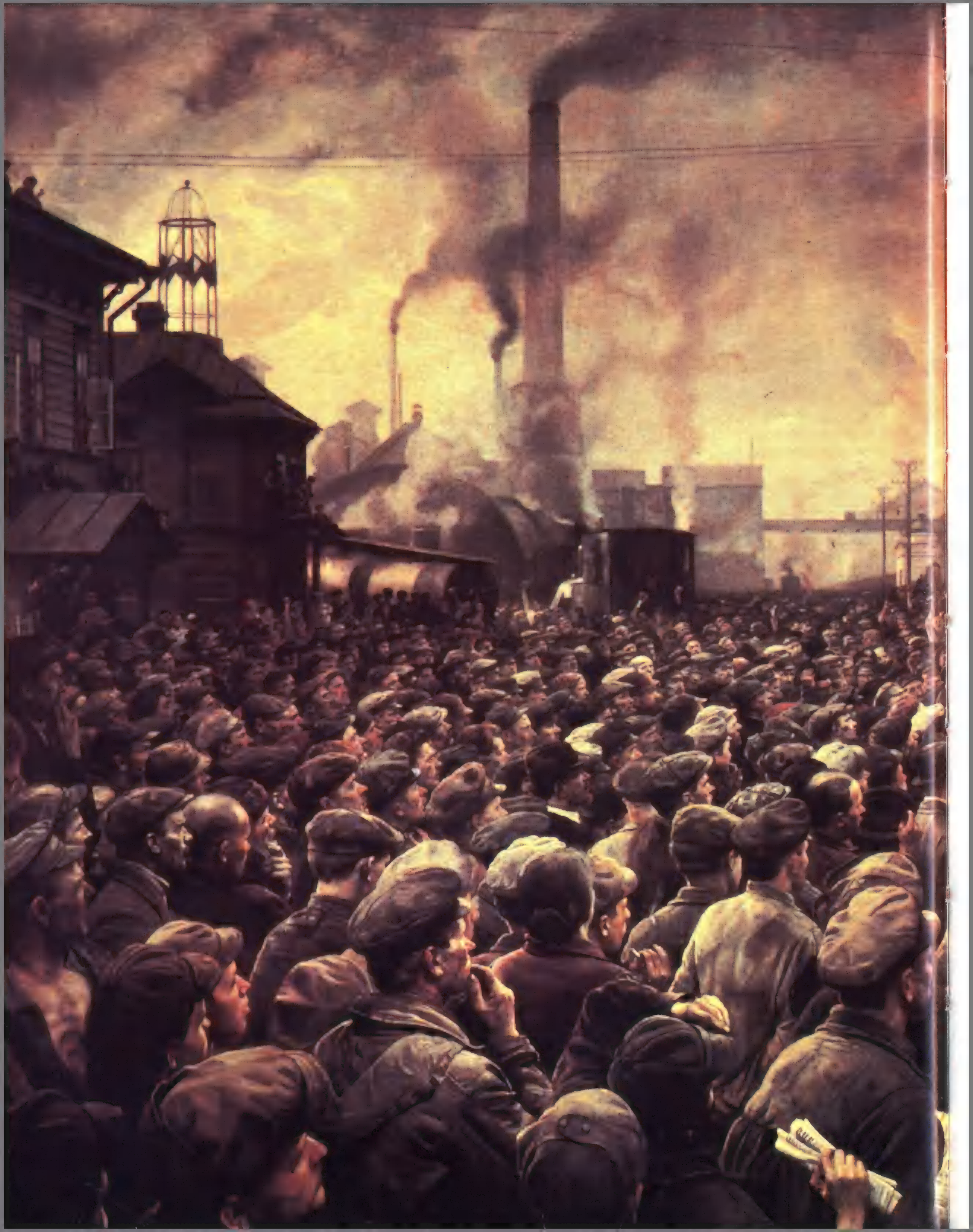

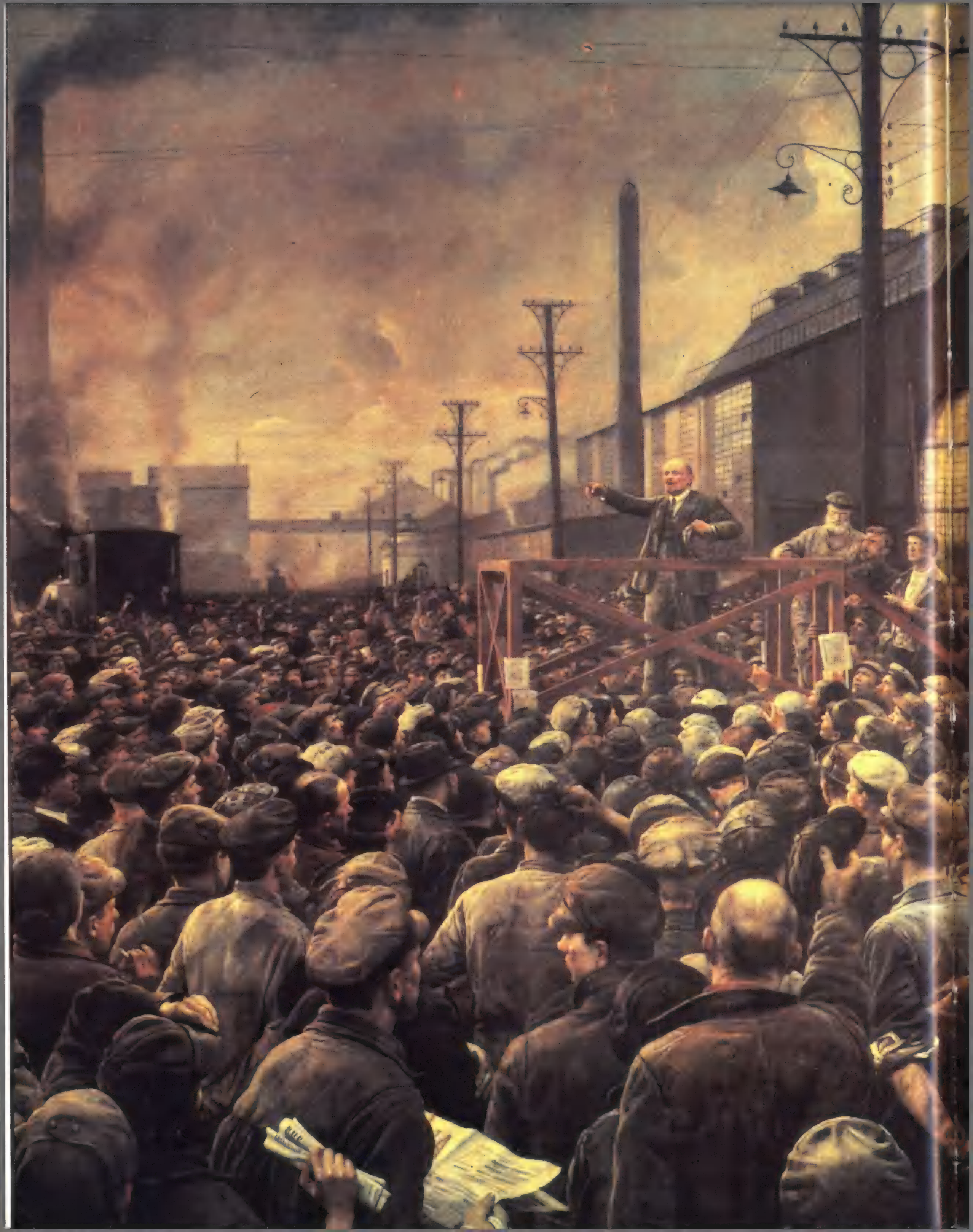
И снова
ветер
свежий, крепкий
валы
революции
поднял в пене.
Литейный
залили
блузы и кепки:
«Ленин с нами!
Да здравствует Ленин!»

В. Маяковский

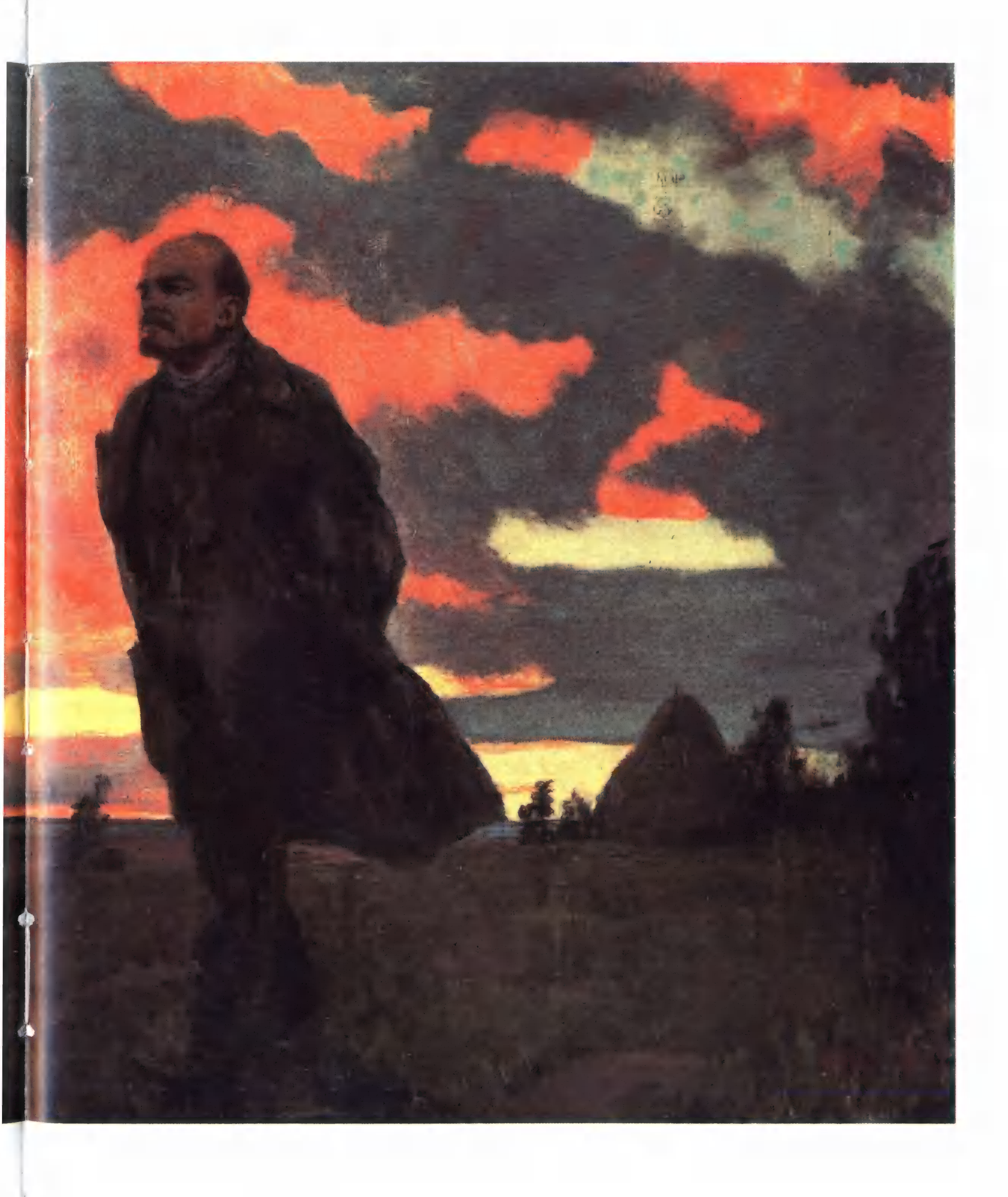

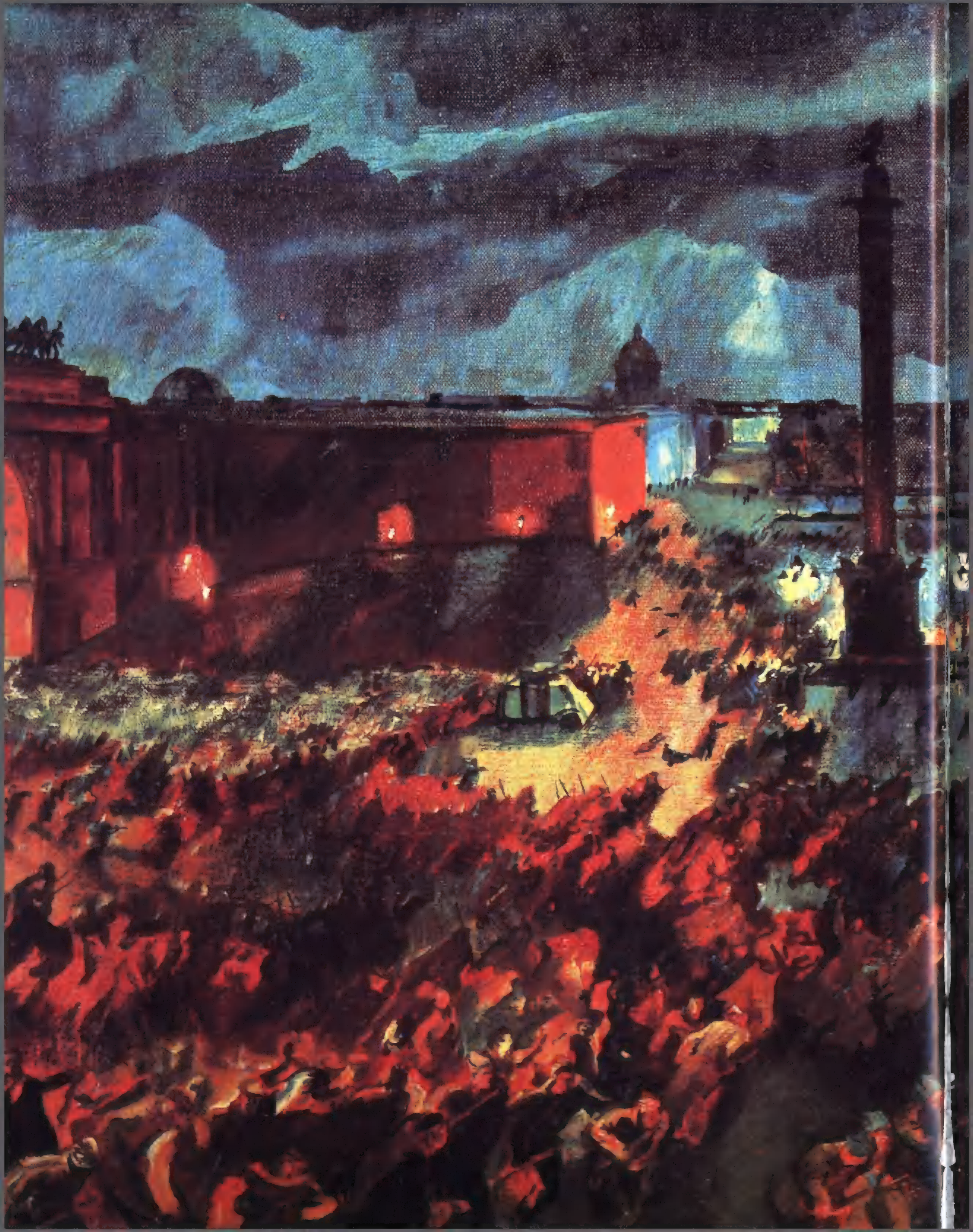
И когда
осталось
на баррикады выйти,
день
наметив
в ряду недель,
Ленин
сам
явился в Питер:
— Товарищи, довольно тянуть канитель!

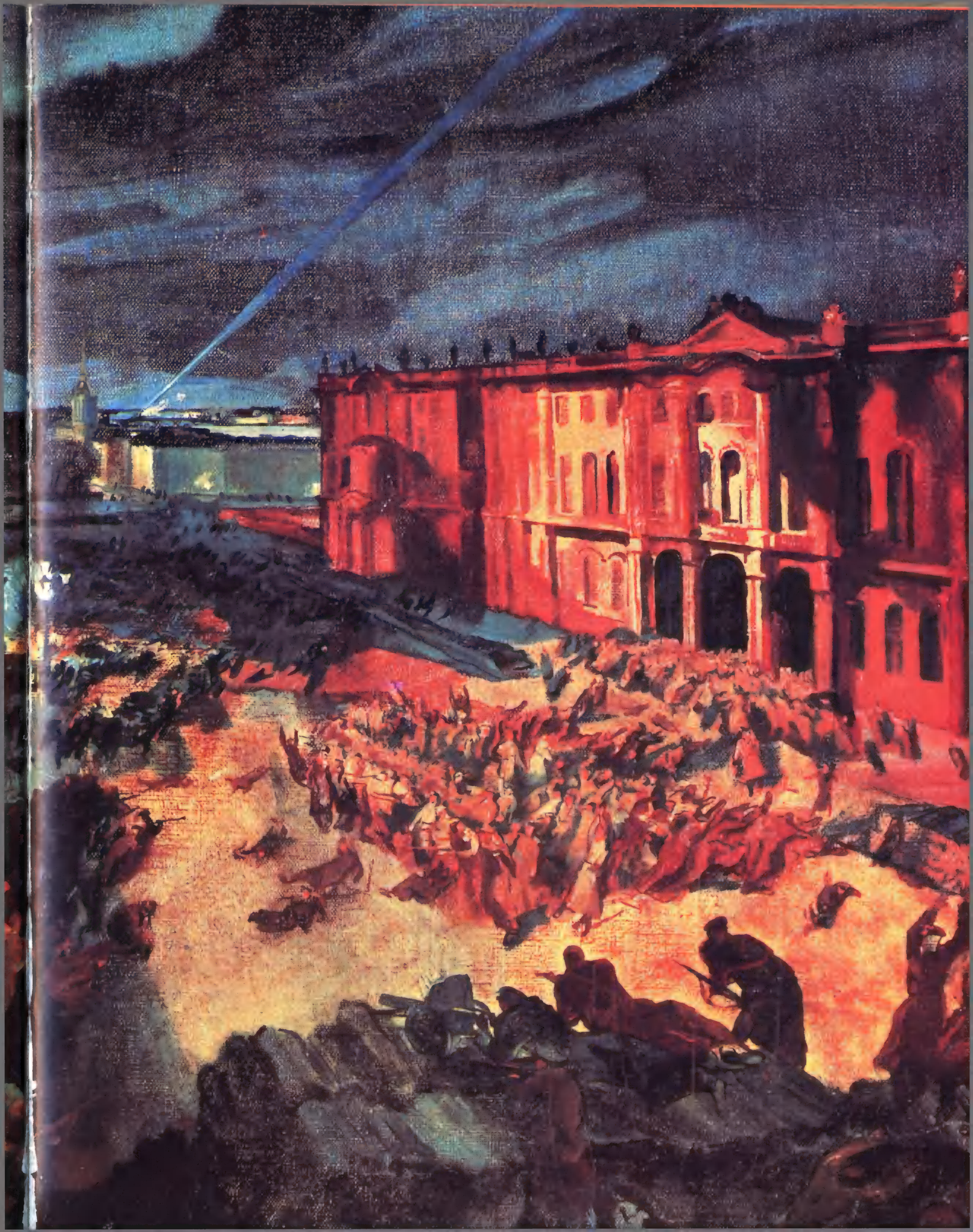
В. Маяковский

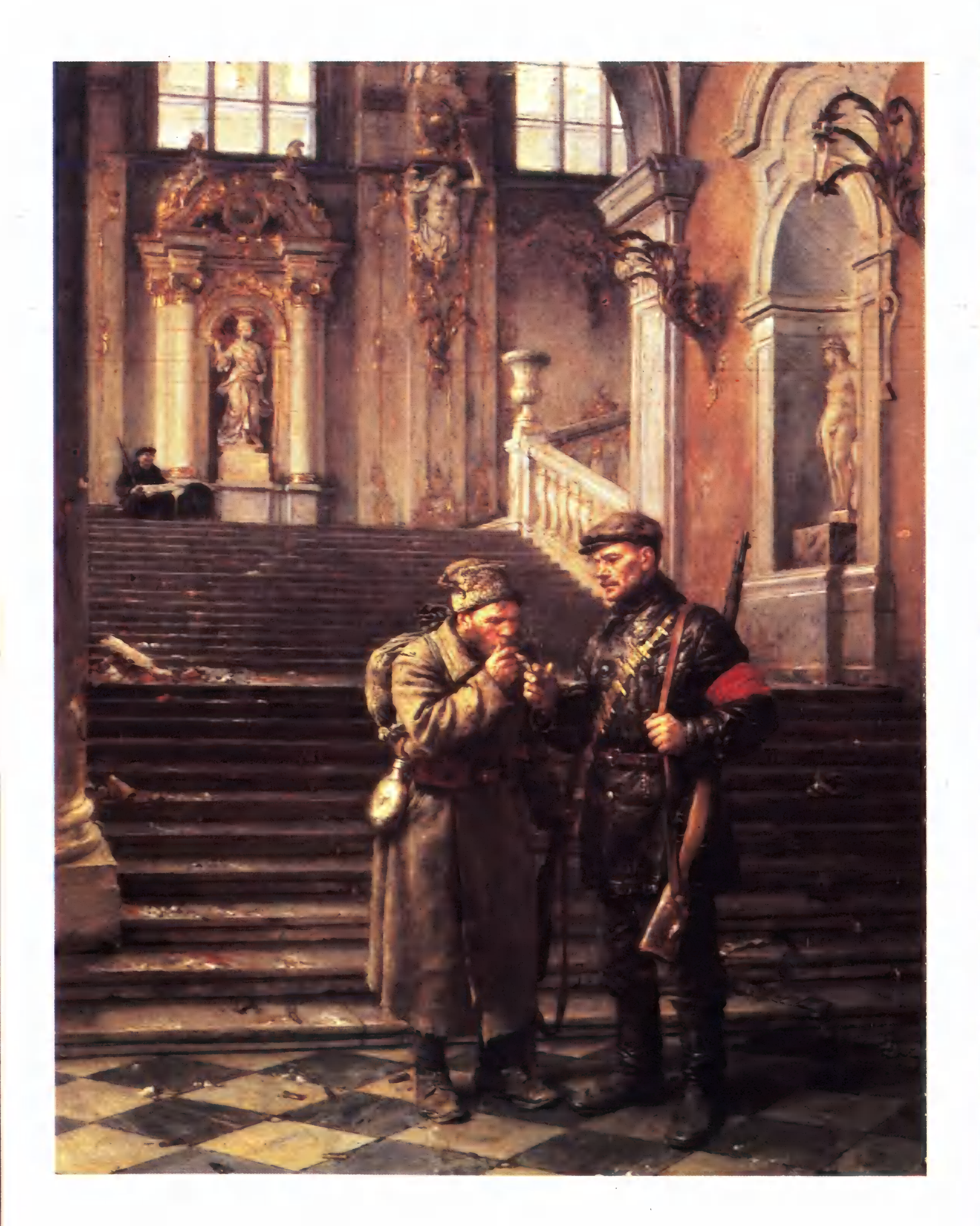

— Всем!
Всем!
Всем это —
фронтам,
кровью пьяным,
рабам
всякого рода,
в рабство
богатым отданным. —
Власть Советам!
Земля крестьянам!
Мир народам!
Хлеб голодным!

В. Маяковский

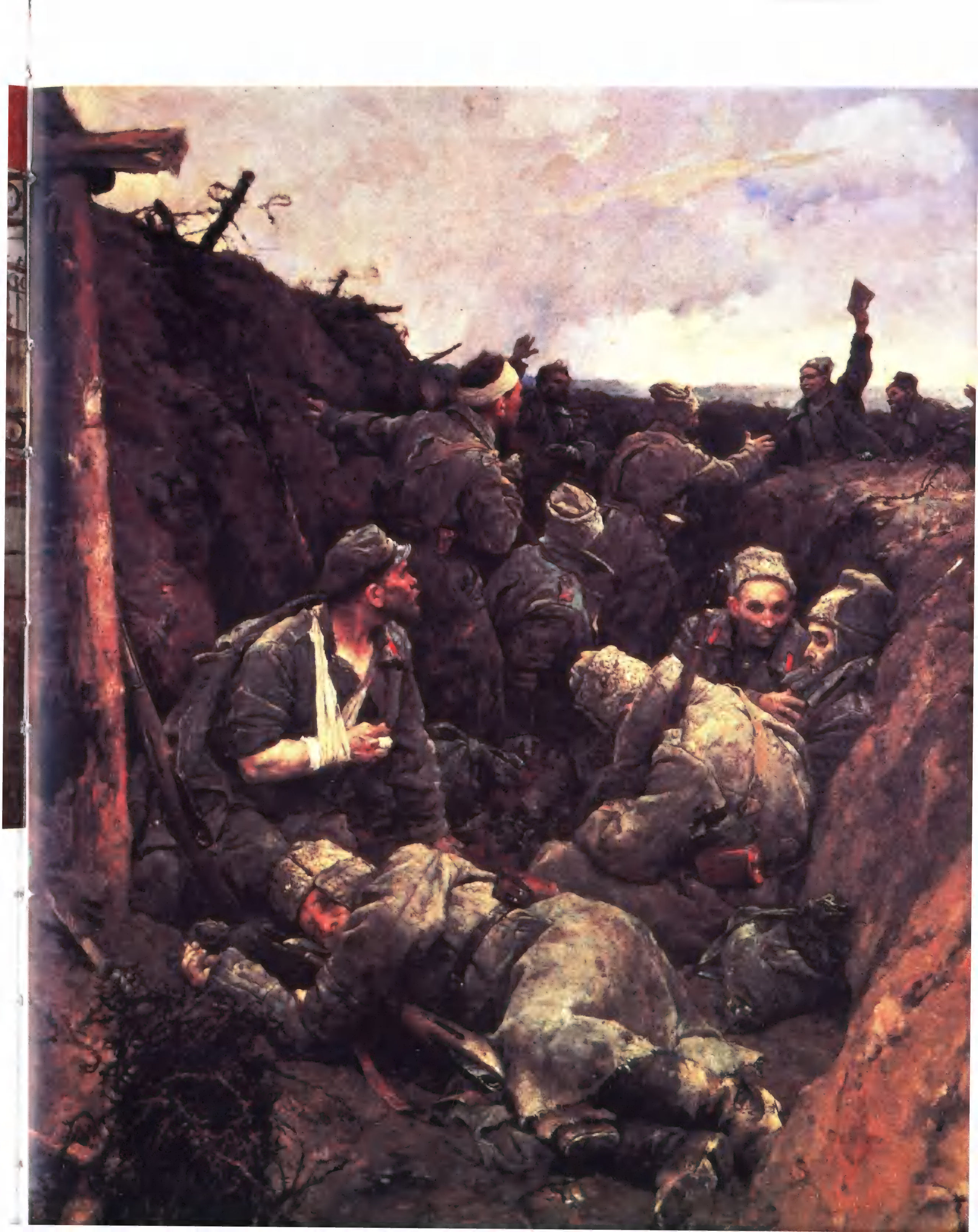

Переходило
от близких к ближним,
от ближних
дальним взрывало сердца:
«Мир хижинам,
война,
война,
война дворцам!»

В. Маяковский

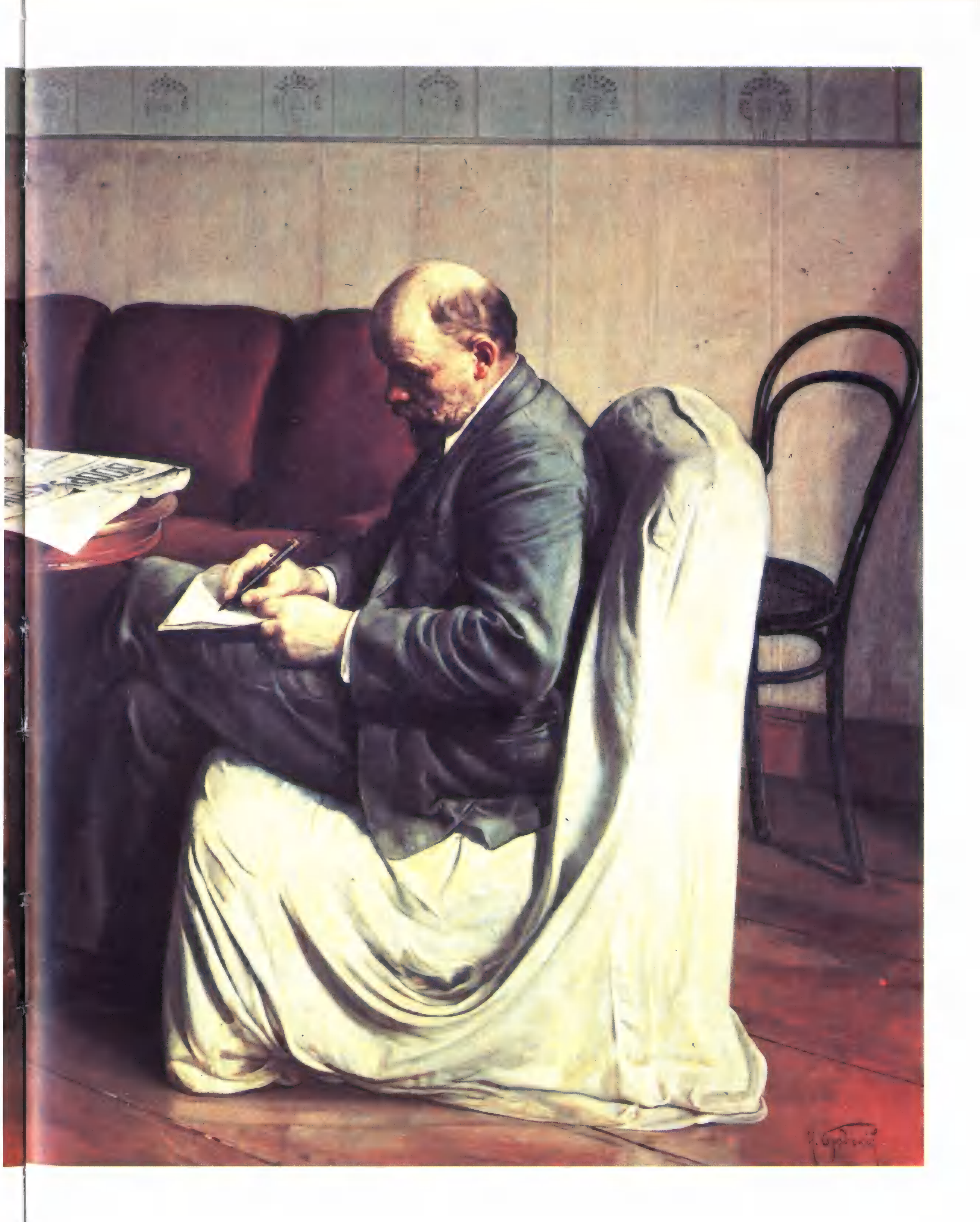

Теперь,
если пьете
и если едите,
на общий завод ли
идем
с обеда,
мы знаем —
пролетариат — победитель,
и Ленин —
организатор победы.

В. Маяковский

Старое и новое

ЖЕНЩИНА!
УЧИСЬ ГРАМОТЕ!
ЕК 23
ЭХ, МАМАНЯ! БЫЛА
БЫ ТЫ ГРАМОТНОЙ,
ПОМОГЛА БЫ МНЕ!

Гражданин Российской республики

Жил Данилка в подвале высокого дома в Питере, на Литейном. Здесь Данилка родился, вырос и всех жильцов знал наперечет и в лицо. Первый этаж занимала графиня Щербацкая. На втором были комнаты князя Пирогова-Пищаева. Этажом выше жил тайный советник Горохов. А на самом верху — статский советник Ардатов. Жильцы все именитые, важных чинов и званий.

Много разного было за последние дни, с той поры как произошла революция. Данилка даже устал удивляться. Но в этот день... Принес Данилкин отец газету, развернул, глянул на сына.

— Ну, — сказал, — отныне ты гражданин Российской республики. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал.

Не верится как-то Данилке, да и что такое гражданин Российской республики, не совсем ясно.

— А это важнее, чем статский советник?

— Важнее, — улыбнулся отец.

— И важнее, чем тайный?

— Важнее, чем тайный.

— И больше, чем граф?

— Больше.

— И выше, чем князь?

— Выше, выше, — смеется отец.

Бросился Данилка на улицу, побежал к дружкам своим и приятелям.

Встретил Ванюшку Дозорова.

— А у меня звание высокое-высокое, важное-важное, важнее, чем статский советник, важнее, чем тайный, больше, чем граф, выше, чем князь! Я — гражданин Российской республики! В газетах про это написано. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал!

Побежал Данилка дальше, встретил Любу Козулину.

— А у меня звание высокое-высокое, важное-важное...

Многих повстречал в этот день Данилка и всем про одно и то же.

Наконец утомился, сел возле дома. Сидит, думает: и откуда

это Ульянов-Ленин узнал про него — Данилку? Кто бы это мог Ленину рассказать?! Думает и вдруг видит: мчит к нему рыжий Кирюха. Подлетел Кирюха, перевел дыхание и сразу же:
— Знаешь, кто я?! Гражданин Российской республики!
Данилка даже икнул от неожиданности.
— Какой же ты гражданин? — произнес он с насмешкой. — Это я гражданин. Это про меня в газетах написано.
— Про тебя! — присвистнул Кирюха. — Станут на тебя изводить бумагу.
Сжались от обиды в кулаки Данилкины руки. Подступил он к Кирюхе. Выбрал момент и в переносицу — раз!
Началась драка.
— Я гражданин... — пытается перекричать Данилка Кирюху.
— Нет, я гражданин... — вопит на всю улицу рыжий Кирюха.
Проходил в это время по улице рабочий парень. Он и разнял ребят. Те долго молчали, не говорили, в чем дело. А потом рассказали. Усмехнулся парень, полез в карман, вынул газету. Стали ребята по складам разбирать.
«Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов», — прочли они заголовок. Далее говорилось о том, что всякие важные звания, чины и титулы отныне и навсегда отменяются. Не будет больше ни дворян, ни купцов, ни тайных советников, ни статских, ни князей, ни графов.
«Устанавливается одно, общее для всякого населения России название — Гражданин Российской республики», — сообщалось в декрете.
Внизу была подпись:
«Председатель Совета Народных Комиссаров
Вл. Ульянов (Ленин)».
— Так что, выходит, оба вы правы, — заявил парень. — И ты гражданин Российской республики, — показал он на Данилку, — и ты, — показал на Кирюху, — и я. Все теперь граждане Российской республики. Для всех простых людей Владимир Ильич Ленин написал этот декрет.
Поначалу, конечно, Данилке было обидно, что декрет написан для всех, а не только для него одного. Однако вскоре он понял, что так даже лучше. Получается, что Владимир Ульянов-Ленин никого не забыл: ни Данилкиного отца, ни Данилкину мать, ни дружков его, ни приятелей — всех вспомнил. Правильно Ленин сделал!
Зато, что касается графини Щербацкой, князя Пирогова-Пищаева, тайного советника

Горохова и статского советника Ардатова, то, видимо, ленинский декрет им не понравился. Сбежали они за границу. Ну и хорошо! Ну и скатертью дорога! Поселились в высоком доме на Литейном новые люди, такие же простые, как Данилкины мать и отец, — рабочие люди. Они стали не только гражданами, но и хозяевами всей страны.

Мир. Всем народам и странам мир!

Заждался отца Васятка. Далеко у Васятки отец — на войне, на германском фронте.
— Мам, а мам, — пристает мальчик к матери. — А что он там делает?
— Воюет, Васятка, — ответит мать.
Что же ответить сыну? Мал, глуп ведь еще Васятка. Разве поймет, что это капиталисты и помещики погнали отца на войну. Хотят захватить они новые земли. Вот и воюет для них отец.
Ждет не дождется отца Васятка.
И тот все время о сыне думает. О доме своем, о жене, о далекой родной Ракитовке.
Четвертый год, как идет война. Большая война. Мировой называется. Сражаются русские, немцы, французы. Другие народы бьются. Льется потоком солдатская кровь. Капиталисты и помещики русские гонят русских солдат на немцев. Богатеи немецкие гонят немецких солдат на русских. Идут друг на друга англичане, австрийцы, венгры, французы.
Солнце палит, грязь, непогода.
— В атаку! В атаку! В атаку!
Нет надежды на мир солдату.
Окопы, окопы, окопы. Горы убитых. Все больше и больше на свете сирот.
Герасим Ракитов, отец Васятки, четырежды ранен, дважды контужен, шрам от штыка на лице. Нелегкая участь солдата.
Вздыхают в окопах солдаты:
— Увидим ли дом родной?!
«Доживу ли, увижу ль Васятку?» — думает с болью отец.
И вдруг как вспых среди ночи:
— В Питере власть у рабочих!
— Штурмом захвачен Зимний дворец!
— Мир. Мир. Всем народам

и землям мир!
Это принят Советской властью знаменитый Декрет о мире.
Катит, катит, бежит эшелон. Паровоз то гуднет, то утихнет, то сажей задышит, то паром отплюнется. Колеса на рельсах стук-перестук. Вагоны — гуськом, вперевалку.
Едет, едет солдат Ракитов с фронта домой, едет в деревню свою, в Ракитовку.
Вот и родимый край. Вышел солдат из вагона.
Идет он от станции к дому. Дорога то вверх, то вниз, то балкой, то кручей, то ровным полем.
Поклонился солдат земле:
— Здравствуй, родимое поле!
Вот лес вековой на пути. Застыли сосны и ели. В богатырский обхват дубы.
— Здравствуй, батюшка лес!
Вот речка бежит Песчанка. Гладит берег прозрачной водой.
— Здравствуй, поилица-речка!
А вот и деревня сама Ракитовка.
— Здравствуй, Ракитовка! — скинул шапку свою солдат.
Пас Васятка козу у крайних домов за околицей. Видит, идет человек. «Кто бы такой?» — подумал.
— Васятка! Васятка! — кричит солдат.
Всмотрелся мальчонка зорчее.
— Тятька, тятенька!.. — заголосил.
Помчался Васятка к отцу навстречу.
— Признал, признал... — Слез не сдержал Ракитов.
Идет он по отчему краю. По родимой своей Ракитовке.
На руках Васятку несет.
И солнце светит ему. И небо ему улыбается. Все для него: и мир, и земля, и Советская власть.
— Здравствуй, здравствуй, родимый край!
— Здравствуй, солдат Ракитов!

Чья же это земля?

Земли у Саврасовых было мало-мало. Одну ногу поставишь, а второй и ступить некуда. Зато едоков у Саврасовых — десять: Микишка Саврасов, мать и отец, трое братьев, трое сестер и старый-престарый дед Степан Тимофеевич.
Да не только так у одних у Саврасовых. Деревня Копытовка бедной была пребедной.
Зато рядом... Выйди на холм. Посмотри налево, направо. Повернись на четыре стороны. Лежит она, вековая кормилица.

Смотрит вздыбленной зябью.
Дышит привольным паром.
Чья же это земля?
Это земля помещика Перегудова.
Один человек всей землей владеет.
Собрались мальчишки — Микишка Саврасов, Петька Неелов, Симка Непитов. Вышли на луг за околицу. В игры решили свои играть.
Из мальчишек Микишка самый в селе лобастый. В играх он — первый. В выдумках — первый.
Вот и сегодня небывалое что-то придумал Микишка. Посмотрел на ребят.
— Давайте так: Перегудова больше нет. Петьке земля досталась.
И дальше — приятелю в лоб вопрос: что бы он, Петька, с землей сделал?
Вылупил Петька глаза на друга. «Что бы он сделал?»
— Пахал! — важно ответил Петька.
Рассмеялся Микишка:
— Разве один прорву такую вспашешь! Жизни твоей не хватит.
Повернулся Микишка к Симке. И к этому с тем же вопросом.
Был Симка умнее Петьки.
— Я бы ее продал. — Потом добавил: — Свистульку себе купил. А деду — медовых пряников.
— «Свистульку»! — передразнил Микишка. — Это ж земля!
Смутился Симка. Виновато глаза потупил.
Притихли ребята. Ждут: что же Микишка скажет? Что бы сам он с землей сделал?
Посмотрел на друзей Микишка:
— Что? Я бы ее мужикам раздал.
Раскрыли Симка и Петька рты.
— Бесплатно?
— Бесплатно.
— Всем без обид?
— Без обид.
— Вот это да! — не сдержался Петька Неелов.
— Верно, верно! — кричал Симка Непитов.
Умно порешил Микишка.
Уселись друзья на лугу, делят господскую землю. Называют крестьян по дворам — не забыть бы кого случайно.
Всем досталась по разделу земля. Нет в Копытовке ни бедных теперь, ни богатых. Все равны. Хорошо!
Кончили мальчишки игру.
— Э-эх, — вздохнул Симка.
— Э-эх, — вздохнул Петька.
— Если б такое на самом деле.
И вдруг...
— Революция! Революция! Революция! Скинули в Питере власть богатеев...
— Рабоче-крестьянская, новая власть!
— Декрет о земле!
Всколыхнулась деревня

Копытовка. Гудит что улей
в час медоноса.
От светлой радости бабы ревут
навзрыд:
— Земелька, землица...
— Земелька, землица...
— Неужто декрет?..
Приехал в село агитатор.
— Товарищи! Граждане! —
поднял в руке бумагу. — Вот он,
земельный декрет. Принят
на съезде солдат и рабочих.
По докладу Ульянова-Ленина.
В два часа ночи, 26 сего октября.
Землю — крестьянам, —
громыхает оратор. — Конец
Перегудовым. Да здравствует
наша Советская власть!
— Ура! — кричат мужики, веря
и не веря в свершившееся чудо.
Выйди на холм. Посмотри
налево, направо. Повернись на
все четыре стороны. Лежит
вековая кормилица. Смотрит
вздыбленной зябью. Дышит
привольным паром.
Чья же это земля?
Это — Саврасовых, это —
Нееловых, это — Непитовых.
А это — Оглоблиных, Кожиных,
Вяловых. А там, за бугром, —
Горевых, Стоновых, Сажиных,
Зоревых... По всей необъятной
России стала в народных руках
земля.

Шкурин и Хапурин

Жили-были Шкурин и Хапурин.
У каждого по заводу.
У Шкурина — гвоздильный.
У Хапурина — мыловаренный.
Друзьями они считались,
приятелями. Оба богатые.
Оба жадные. Оба на чужое добро
завидущие.
Вот и казалось все время
Шкурину, что доход у Хапурина
с мыла куда больше, чем у него,
у Шкурина, с гвоздей.
А Хапурину казалось, что доход
больше у Шкурина.
— Эх, кабы мне да шкуринские
гвозди... — вздыхал Хапурин.
— Эх, если бы мне
да хапуринское мыло... —
мечтал Шкурин.
Встретятся они, заведут
разговор.
— К тебе, Сил Силыч, — начнет
Шкурин, — денежки с мыла
золотым дождем сыплются.
— Не говори, не говори, —
ответит Хапурин. — Это у тебя,
Тит Титыч, от гвоздей мошна
раздувается.
Разъедает их зависть друг
к другу, хоть бери и меняйся
заводами. Начнут они говорить
про обмен. На словах — да,

на деле — пугаются!
А вдруг прогадаешь!
Пока они думали и решали, наступил 1917 год.
Стали земля, фабрики и заводы переходить в руки трудового народа.
Забегали Шкурин и Хапурин:
— Ох, ох!
— Ах, ах!
Чувствуют, что скоро очередь и до них дойдет. Только вот не знают, какой завод будут раньше национализировать. Хапурину кажется, что его — мыловаренный. Шкурину, что его — гвоздильный.
Сидят они, мучаются, гадают. И снова мысль об обмене приходит в голову и одному, и другому. И снова боязно, страшно:
— Ой, обманет меня Хапурин!
— Перехитрит, разорит меня Шкурин!

Прошло какое-то время, и вот приносят Шкурину пакет из губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Распечатал Шкурин пакет, вынул бумагу — в глазах потемнело. Так и есть: черным по белому значится — национализировать гвоздильный завод.
— Матушка, царица небесная, пресвятая богородица! — взмолился Шкурин. — За что? За какие грехи?! За что же меня? Почему не Хапурина?!
Бьет он перед образами земные поклоны, а сам думает: «А что, если немедля бежать к Хапурину и, пока тот ничего не знает, уговорить на обмен».
Однако и Хапурин в тот день получил точь-в-точь такую бумагу. И он стал отбивать земные поклоны царице небесной. Отбивает, а сам

думает: «А что если скорее к Шкурину...»
Помчались они друг к другу. Повстречались на полпути. Второпях чуть не сбили один другого. Остановились, тяжело дышат.
— А я к тебе, милейший Сил Силыч, — наконец произнес Шкурин.
— А я к тебе, дорогой Тит Титыч, — проговорил Хапурин.
— Давай меняться заводами.
— Давай.
Поменялись они заводами. Довольны.
«Здорово я его, — рассуждает Шкурин. — Хе-хе».
Идут они важно по городу. Каждый умным себя считает.
Вошли в заводские конторы. А там уже новый, законный хозяин — рабочий класс.
— Привет вам, Шкурин! Привет вам, Хапурин! Приехали — слазьте. Кончилась ваша власть!

Перец-Изюмов

Вот так фамилия — Перец-Изюмов! Перец-Изюмов — чиновник царский. Не простой он чиновник, не мелкий, а очень важный.
Стол у него в кабинете дубовый. Мягкие кресла. Чернильный большой прибор. Выбрит чиновник, напомажен, напудрен.
Утро. Начинает Перец-Изюмов служебный прием. Приходят к нему посетители.
Приехал помещик.
— Прошу вас, садитесь.
Сладкие речи ведет с ним Изюмов: как, мол, живете, как, мол, доехали, как, мол, детишки? Возможно, вам помощь моя нужна?
Излагает помещик просьбу.
— Конечно, конечно, — кивает Изюмов. — Будьте уверены. Считайте исполнено. Тотчас отдам приказ.
Но вот в кабинете — простой рабочий. И тут-то Изюмов совсем не Изюмов. И даже не Перец-Изюмов, а просто без всякого Перец. Насупился грозно: зачем, мол, явился, тебя же не звали? В чем твоя просьба? Подай бумагу.
Принял бумагу. Даже не глянул. Сунул куда-то в стол.
Фабрикант на прием явился. Бухнулся в кресло, раскинулся важно.
— Рад вас видеть, — щебечет Изюмов. — Просите любое. Честью для себя почту. —
Вскочил по-солдатски. Склонился почтительно. Даже пылинку с плеча фабриканта снял.
Уехал заводчик. И снова Изюмов

совсем не Изюмов. Перец ведет прием.
Сообщает помощник:
— Пришли крестьяне.
— Занят, занят! — кричит Изюмов. — Тьфу! Быдло любое прет...
Вот какие чиновники царские!
Велика, необъятна страна Россия. В Туле, в Ростове, в Иркутске, в Тамбове, в городе крупном, в городе мелком — всюду были такие чиновники. На них и держалась царская власть.
Скинули эту власть!

Купеческий сын Меркурий

Древние греки придумали много различных богов: бог солнца, бог моря, бог ветра. Был бог-покровитель у охотников, у хлебопашцев, у пастухов. Придумали греки и бога торговли. Назвали его Меркурием. Решили: раз будет бог, будет успешно идти торговля.
Когда у купца Сундукова родился сын, назвал он его Меркурием.
— Я стал богатым. А сын мой, при имени том, богатства еще приумножит, — хвастал отец Сундуков. — Мы, Сундуковы, любого в торговых делах зажмем.
Рос Меркурий не по дням, а по часам. Рос в высоту, рос в ширину, набирался он крепости, силы.
Вырос купеческий сын Меркурий. Скоро станет и сам купцом. Стал наконец купцом. Открыл свою лавку. Вывеску к ней приладил: «Товары. М. Е. Сундуков».
Бойко идет торговля. Богатеет купец Меркурий: того обманет, того обвесит, тому недодаст, недольет, при сдаче копейку с кого зажмет, тухлое вместо свежего сунет.
Негодуют во всем поселке. Недобрым словом купца клянут. Да что же тут делать? Нет лавки другой в поселке. Меркурий и вправду торговый бог.
Толстеет, толстеет купец Меркурий, раздается все больше и больше вширь. Перешивают портные ему наряды, конечно, не в меньшую, а в большую сторону, из рубах выпускают запас. Настолько раздался М. Е. Сундуков, что в двери лавки своей едва пролезает. Не может долго стоять на ногах. Сидеть неудобно, спать неудобно. Даже дышать не хватает сил.

Но вот все изменилось. Открыли в поселке советский большой магазин. Перестали рабочие в лавку ходить к Сундукову. Худеет, худеет купец Меркурий. Перешивают портные ему наряды, конечно, не в большую, а в меньшую сторону, из рубах убирают лишнее. Совсем исхудал несчастный. Тонким, как листик бумажный, стал. Ветром его качает. Пожил, поохал купец Меркурий, а вскоре и вовсе помер.

Школа

У Кирилла отец — помещик. У Павла — важный царский чиновник. Генерал — у Наталии, фабрикант — у Розалии. У тупицы Модеста отец — жандарм.
А вот и Сорокин Петя. Нелегкая жизнь у мальчика. Прачкой работает Петина мать. В гимназию Петя не ходит. Учение дорого стоит. Нет таких денег у Петиной мамы. За работу она получает гроши.
С утра и до вечера мать стоит у корыта. Стирает, стирает, стирает. Руки до крови трет. Стирает она для Наталии, стирает она для Розалии. Для Кирилла и Павла, для Модеста и всех городских богатеев спину до боли гнет. Сын помогает матери. Воду приносит. Колет дрова. Вечером мальчик спешит к клиентам, доставляет белье заказчикам. Бежит к фабриканту, бежит к генералу, к жандарму, к помещику, в другие дома несется.
Презирают Петю богатые дети.
— Хи-хи, — завидя Петю, хихикает Наталия.
— Хи-хи, — поддержит ее Розалия.
— Хо-хо, — рожи строят Кирилл и Павел.
— Прачка, смотрите, прачка идет! — тупица Модест зальется.
Не сдержался однажды Петя. Больно побил Модеста. Правильно Петя сделал.

Не испугался того, что у Модеста отец — жандарм.
Очень хочется Пете пойти учиться. Да где же ему учиться?
Прачка у Пети мать.
Так бы и остался Петя, как много других, безграмотным.
Но тут...
Идет, наступает время.
Стучится в двери Семнадцатый год.
И вот нет уже в городе больше Наталии, нет уже больше Розалии. Кирилла и Павла нет.
И где тупица Модест, никому не известно.
Все изменилось. Закрыли гимназию. Вместо гимназии нынче школа. Вышел специальный о том декрет.
Новые дети идут на урок.
У Васи Потапова папа — рабочий. У Толи — советский служащий. Дворник — у Оли, грузчик — у Поли. У Гриши отец — кочегар.
А вот и Сорокин Петя. Вместе со всеми он в школу сегодня идет.
В новую школу, в бесплатную школу, в советскую школу дети идут гурьбой.

Красный орел

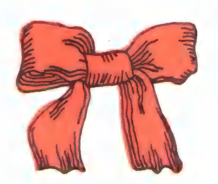
Шагает. Шагает. Шагает.
Не остановишь Советскую власть.
В горном высоком ауле жил у Расула дед. Здесь только орлы летают. Здесь ветры свирепые бродят. Тут горы забрались под самое солнце.
Далеко отсюда сакля Расула. Внизу, в плодородной долине.
Примчались в долину красные конники, принесли весть о Советской власти. Слушал, слушал рассказы Расул: про землю, про мир, про товарища Ленина. Очень ясно молодой командир про новую жизнь

Дагестанские мальчики

рассказывал.
Целый день ходил по пятам за джигитом Расул, об одном и том же по нескольку раз расспрашивал.
— Значит, больше царя не будет?
— Нет, — отвечал джигит.
— И богатых князей прогонят?
— Сами они сбегут.
Подружился Расул с джигитом. Кинжал самодельный ему показал, про деда ему рассказал.
Утром простились гонцы с крестьянами, помчались джигиты дальше.
О многом узнал Расул. А как же там дед? Он высоко в горах. Кто же ему обо всем расскажет? Рассказал бы Расул. Только маленький очень еще Расул. Не добраться мальчику в горы. И вдруг вспомнил Расул: дед у него следопыт, дед у него охотник. Он с птицами с детства дружит, орлиную речь понимает. Орел — вот кто расскажет про все старику, вот кто в горы в момент слетает.
Вышел Расул из аула к реке. Видит, сидит на скале у реки непокорный небесный житель. Бросился мальчик к скале.
—Эй! — закричал богатырской птице.
Глянул орел на Расула. Объясняет Расул орлу про землю, про мир, про товарища Ленина. Просит: лети побыстрее в горы — к деду, Абдулкеримом, мол, деда звать, расскажи ему важную новость.
Переступил орел с лапы на лапу, кивнул головой, расправил могучие крылья.
— Не напутай! — кричит Расул. — Передай ему слово в слово.
Взмыл орел в поднебесье. Прошло три дня, и вот спустился в долину старый Абдулкерим.
Глянул Расул на деда: в бурке тот новой, в черкеске новой, улыбается внуку дед.
Ясно Расулу: выполнил просьбу его орел. Бросился мальчик к деду:
— Это я ведь орла послал!
— Ты?
— Я, я, — не умолкал Расул. — Рассказал он про землю?

— Рассказал.
— А про мир?
— И про мир.
— А про товарища Ленина?
— И про товарища Ленина.
— Это все я, — торжествует Расул. — Правда, орел хороший?
— Правда, — ответил дед. — Хороший. И конь у него хороший.
Доволен Расул ответом. Однако подумал: «При чем же здесь конь? Эх, подпутал что-то старый Абдулкерим».
— Настоящий орел, — повторил старик, даже грудь старую выпятил, подмигнул по-мальчишечьи внуку: — Красный орел.
Вовсе сбился с толку теперь Расул.
— Красный орел? Разве бывают красные?
— Бывают, — ответил дед.
Сокрушался потом Расул, как же он тогда у реки сам того не заметил. Может, солнце не так светило.
Стояла весна в Дагестане. Разносили джигиты великую весть.

Если по речке плыть

Мальчик Янка, мальчик Петрусь — два неразлучных друга. Ростом схожи, носами схожи. Даже лицами чем-то схожи. Разница только в том: у Янки штаны с помочами, Петрусь подпоясан веревочкой. Живут они в белорусском глухом Полесье, среди непролазных болот и топей.
Крутились Петрусь и Янка у болотистой малой речки. Любят ребята спокойную речку. Если по речке плыть, можно добраться до Припяти. Припять впадает в Днепр. А Днепр — в далекое Черное море.
В глухой деревеньке великая новость: пришла к ним в Полесье Советская власть.
Вот рассказать бы про эту власть тем, кто живет на Припяти, тем, кто живет на Днепре, тем, кто живет на Черном далеком море.
Решили друзья отправиться в дальний путь. Соорудили поспешно плот, собрали еду на дорогу, оттолкнулись шестами от берега.
Плывут они речкой своей болотной. Петляет, как зайца след, среди камышей и осоки

Одежда и утварь белорусов

речка. Тянется низкий и топкий берег. Плывут на бревнах Петрусь и Янка, великую весть везут.
Повстречалась в пути деревня. Большая-большая. Не их деревеньке лесной чета. Сбегают к речке избы ровнехоньким рядом. Глянешь издали — словно не избы, а гуси идут к воде.
У речки толпятся гурьбой мальчишки. Видят мальчишек Петрусь и Янка, к берегу правят плот. Причалили. Ступили на землю.
Окружили пришельцев ребята: мол, откуда и что за народ? Стоят, торжествуют Петрусь и Янка. Сверхсерьезный у каждого вид.
— У нас, — важно сказал Петрусь, — Советская стала власть.
— Уже неделю, — добавил Янка.
И тут же оба про власть рассказывать. Про то, какая хорошая эта власть.
Рассмеялись мальчишки:
— Э-э, расхвастались! Подумаешь — только неделю. У нас две недели Советская власть!
Смутились, конечно, Петрусь и Янка. Да что же делать, поплыли дальше. Вот уже Припять, смотри, видна. Плывут мальчишки по спокойной ленивой Припяти, видят — стоит деревня. Десяток, не больше изб. Заторопились приятели к берегу. Вот где новость они расскажут.
Вышли на берег Петрусь и Янка.
— А у нас Советская власть, — важно сказал Петрусь.
— Уже неделю, — добавил Янка
Рассмеялись мальчишки:
— Подумаешь! У нас уже месяц Советская власть.
Переглянулись Петрусь и Янка: снова поплыли дальше.
Кончились земли родной Белоруссии, Украины земля пошла.

Потирают ребята руки. Вот мальчишки куда заплыли. Пусть завидуют на Украине тому, что свершилось у них в Белоруссии. Вот где ребята про все расскажут.
Смотрят Петрусь и Янка — лодка плывет навстречу. Два мальчика веслами дружно гребут.
Поравнялись лодка и плот.
— Кто вы такие? — из лодки кричат ребята.
— Янка.
— Петрусь.
— А вы кто такие?
— Марко.
— Пилипко.
— Куда вы, откуда?
— Из Белоруссии на Украину. А вы?
— С Украины к вам в Белоруссию.
Довольны встречей Петрусь и Янка. Только раскрыли рты, про Советскую власть рассказать хотели, как вдруг:
— А у нас Советская власть! — закричали Пилипко и Марко. И сразу про власть докладывать.

В украинской деревне

Обомлели Петрусь и Янка. Смотрит Петрусь на Янку. На Петруся глазеет Янка. А Пилипко и Марко снова свое, про свою Украину, про новую власть и жизнь.

— Мы с Украины не просто так, — не утихают Пилипко и Марко. — В Белоруссию весть мы везем великую.

Вот это да! Вот так дела! Вот ведь встреча в пути какая!

Волшебные силы

Маленький Тайво родился в лесах Карелии.

Сосны здесь подпирают небо. Если глянуть на их верхушки, привязывай шапку к ушам веревкой, шапка слетит с головы. Вот какие высокие сосны.

Озер здесь тысячи. Даже десятки тысяч. Если глянуть в любое из этих озер, можно землю насквозь увидеть. Потому что озера здесь очень глубокие, и чиста, как слеза, в этих озерах вода.

Лес и озера — богатство Карелии.

Маленький Тайво — сын лесоруба. В том месте, где Тайво живет, все — лесорубы. Владеет здесь лесом богатый барон. Барон хоть и немец, а лесом владеет русским.

Трудно живется в лесах лесорубам. Этот проклятый барон обдирает рабочих, как заяц липку.

Не раз поднимались против барона люди. Но это только плохим кончалось. Приходили на помощь барону жандармы. Увозили с собой непокорных. Увезли однажды они и отца Тайво.

Осиротел у мальчика дом. Мать угрюмая стала, угрюмая. Сестренка Хильда и так плакса. Теперь же с нею сладу и вовсе нет.

Утешает Тайво сестренку. Старается маме в делах помочь. Только не очень большая от мальчика польза. Маленький Тайво. Даже ведро с водой для него непосильная ноша. Да и Хильда при виде брата еще больше ревет и хнычет.

Другое дело, если бы снова вернулся домой отец. Целыми днями Тайво об этом думает.

Кто же поможет мальчику? Есть ли такие силы?

Просит Тайво у солнца:

— Солнце, солнце, сделай так, чтобы папка домой вернулся.

Бегает Тайво к лесному озеру. Просит мальчик у озера:

— Озеро, озеро, сделай так, чтобы папка домой вернулся.

Обращается мальчик к ветру, к высоким карельским соснам:
— Помогите, волшебные силы!
И вдруг вернулся домой отец. Смотрит Тайво — дверь в их избу широко раскрыта. Толпятся у дома соседи. Стоит на пороге отец. Рассказывает что-то людям. Долетают до Тайво слова: «Революция», «Советская власть», «Мир всем народам», «Товарищ Ленин»...
— Папка! — бросился Тайво к отцу. — Папка!
Обнял сына отец. Прижал к себе крепко-крепко.
Долго в этот вечер не мог заснуть Тайво. Лежал, все о силах волшебных думал. Вот что озадачило мальчика. Вместе с отцом вернулся и их сосед, вечно угрюмый Антти. Его тоже арестовали жандармы.
Почему же вернулся Антти? Об Антти мальчик совсем не просил. Конечно, рад Тайво, что Антти тоже домой вернулся. Просто Тайво забыл попросить об Антти.
«Волшебные силы добрые-добрые. Сами догадались они, наверно», — засыпая, подумал Тайво.

Скрипка

Гургéн не умеет играть на скрипке, зато он имеет скрипку. Сурéн умеет играть на скрипке, но он не имеет скрипки.
Живут они в городе Эривани, рядом с армянским крутым нагорьем. У Гургена отец — армянский богач. У Сурена папа — каменотес. Строит папа Сурена для богатых дома из камня, а сам в глинобитной ютится лачуге. Тот дом, в котором живет Гурген, тоже построил отец Сурена.
Проходят прохожие, смотрят на дом.
— Вот ведь прекрасный дом! Это богач Вартанян (то есть отец Гургена) прекрасный построил дом.
А дом ведь строил отец Сурена.
Мать у Сурена портниха. Золотые руки у мамы Сурена. Шьет для богатых она наряды, а сама в каких-то тряпицах ходит. Мама Сурена и для мамы Гургена нарядные платья шьет.
Идет по улице мама Гургена. Смотрит народ на ее наряды:
— Вот какие прекрасные плáтья жена Вартаняна шьет!
А шьет-то наряды мама Сурена.
Пригласил Гурген Сурена однажды к себе домой, разрешил поиграть на скрипке.

Проходят люди, слышат — играет скрипка.
— У этого богача Вартаняна очень талантливый мальчик, — рассуждают прохожие.
Играет Сурен — вся слава идет Гургену.
Вот ведь какое странное дело! Достается слава совсем не тем.
Но и сюда, в Закавказье, пришла Советская власть.
Прогнали люди богачей.
В том числе и отца Гургена. Новая жизнь в Закавказье.
Новая жизнь у всех. Не строит папа Сурена больше дома для богатых. Растут в Эривани новые здания: то больница, то школа, то детский сад.
Проходят люди, смотрят на здания:
— Это построил Сурена отец. Вот кто прекрасный мастер!
У мамы Сурена много теперь заказчиц. Работает мама в большой мастерской. Ходят женщины в новых красивых платьях:
— Это сшила Сурена мать! Это ей за наряды спасибо.
Принят Сурен в музыкальную школу. Проходят прохожие, слышат — играет скрипка.
Остановятся люди, слушают скрипку:
— Это Сурен играет!
Новое нынче в жизни: кто своими руками трудится, слава за тем идет.

Мальчик Акуто

Где-то на Севере, на Крайнем далеком Севере, у ледовитого грозного моря, мальчик Акуто жил.
Пас он оленей. Огромное стадо. Тысяча с лишним голов. Только не мальчика это стадо, не отца его и не деда. Это шамана старого стадо. Акуто и трое других бедняков выпасают чужих оленей. Боится Акуто шамана. Боятся другие шамана. Он — главный у них богатей.
Слышал Акуто, что где-то за тундрой, за горами, покрытыми лесом, в том краю, что зовется Россией, скинули люди своих шаманов. Не шаманы, не богатеи, а люди простые стоят у власти.
«Вот бы такое и в тундре», — думает мальчик. Не пас бы Акуто стада шамана. Да и стадо тогда не шамана бы было. Разделили б оленей среди таких, как дед и отец Акуто, — бедных простых людей.
Мечтает о том Акуто. А между тем Советская власть уже подходила к тундре.
Оставил мальчик на день оленей. Побывал он в родительском чуме. Повидал и родных, и соседей. Разговоры везде об одном: у шамана отнимут стадо,

Якутская семья

скоро будут делить оленей.
И правда — прибыл к стаду старый шаман. А вместе с ним и два его младших брата. Зло посмотрел на Акуто шаман, приказал поднимать оленей. Замер от счастья Акуто. Значит, стадо погонят к чумам, значит, будут делить оленей. И вдруг не к чумам — от чумов погнали стадо. Понял Акуто: богатеи решили угнать оленей. Значит, не будут делить оленей. Значит, пропало огромное стадо.
Весь день уходили погонщики все дальше и дальше в тундру. Ночью хозяин дал людям отдых. Длинны на Севере зимние ночи. Заснули на нартах в теплых мешках богатеи. Не может заснуть Акуто. Плакать готов Акуто. Но вот улыбка прошла по лицу мальчика. Озорством заблестели глаза. Что-то придумал, видать, Акуто.
...Утро. Проснулся шаман. Проснулись два брата.
«Что такое? — не может понять шаман. — Где же стадо? Где же олени? И где же Акуто?!»

Смотрит волчьим взглядом шаман вокруг. Старым глазам не верит.
Ясно шаману: угнал мальчишка оленье стадо. К чумам назад повел.
Вскочили два брата, вскочил шаман. Бросились с криком они в погоню.
Мчится Акуто.
Мчат богатеи.
Вот все ближе, и ближе, и ближе, почти настигает мальчишку шаман. Не уйти от расправы Акуто. С кем ты тягаться решил, Акуто?
— Олешки, олешки! — кричит Акуто. — Олешки, олешки, быстрей!..
Мчится Акуто.
Мчат богатеи.
Нет, не уйти от шамана Акуто. Не увидеть родимого чума. Не спасти для людей оленей.
Вот уже рядом совсем шаман.
И вдруг... Что это там заклубилось над тундрой? Что подняло над тундрой снег?
Смотрит вперед Акуто. «Не сон ли мне снится?» — думает Акуто. С той стороны, оттуда, где остались родные чумы, мчатся навстречу люди. Верхом на оленях, в оленьих упряжках. Это идет спасение.
Видит Акуто отца и деда, видит других людей. Заметил людей и шаман. Прекратил он свою погоню. Развернул упряжку. Бросился ветром прочь.
Солнце поднялось над тундрой. Искрится под солнцем снег.
Возвращаются к чумам люди. Стадо бежит по тундре.
— Олешки, олешки! — кричит Акуто. — А ну поживей!..
Едет верхом на олене Акуто.
Счастья тебе, Акуто — маленький славный герой!

Хозяин большого арыка

Пришла Советская власть в Бухару. Далеко Бухара, за тысячи верст от центральной России, в Средней Азии, под знойным, палящим солнцем.
Редко идут тут дожди, не хватает земле воды. Вода здесь дороже жизни. Чтобы землю поить водой, роют в степях каналы. Называют их здесь арыками.
У богатых баев в руках вода.
У богатых баев в руках арыки.
И вдруг... Получите воду, простые люди! Побежала вода на поля крестьян, напоила иссохшие земли.
Богатый бай Султан Алимкулов, хозяин большого арыка, лишился теперь арыка.
Проклинает бай Алимкулов Советскую власть. Его вода —

Обработка земли в Средней Азии

на крестьянские земли!
Как же воду отнять у крестьян?
Выпить, что ли, ее из арыка?
Выпил бы жадный бай, да невозможно такое сделать.
Другое придумал бай...
Мальчишка Сабир Рахматов как-то вечером забрался к баю в абрикосовый сад. С кулак висят абрикосы. Такие большие только в этих краях родятся. И вдруг слышит Сабир шаги. Прижался к земле. Видит, идет хозяин. Шепчется с кем-то Султан Алимкулов. Различает Сабир слова. Речь об арыке, речь о плотине, о том, чтобы воду не дать крестьянам.
Ах ты, проклятый бай! Ясно Сабиру, в чем дело. Испортить плотину решил богач. Про абрикосы Сабир забыл, быстрее помчался к дому.
Отец у Сабира, Рахмат, — бедный дехканин, так в тех местах называют крестьян. И отец у отца, то есть Сабира дед, старый Куддус, — тоже дехканин. И старший брат у Сабира, Гуфур, тоже делом

крестьянским занят. Вырастет мальчик Сабир, и он бухарские земли возделывать будет.
Понимает Сабир беду: уйдет из арыка вода — погибнут поля крестьян.
Всполошил мальчишка деда, отца и брата. Те разбудили своих соседей. Собрались крестьяне, побежали к плотине. Просидели там целую ночь. Однако бай Алимкулов не появился.
— Придумал мальчишка, — решили дехкане.
— Я слышал, я слышал! — твердит Сабир.
Только не очень Сабиру верят. Поверил лишь дед Куддус.
Новый спустился вечер. Снова дед с внуком пошли к плотине. Просидели вдвоем до утра. Зорче филина вдаль глядели. Шорох любой ловили.
Алимкулова нет и нет.
Покачал головой Куддус. Да, ошибся Сабир, наверно.
— Я слышал, я слышал, — твердит Сабир. Смотрит на деда. Ясно, не верит дед.
Рассказал про бая Сабир мальчишкам. Разгорелись глаза у ребят. Каждый героем себя считает. Каждому верится в то, что бая они поймают. Едва дождались ребята вечера.
Улеглись у плотины мальчишки. Замерли. Ждут.
Ждали ребята, ждали. Животы и бока отлежали. Не появился проклятый бай.
Три ночи ходили к плотине мальчишки. Три дня возвращались они ни с чем.
Обозлились ребята:
— Это Сабир придумал!
Чуть не побили друзья Сабира.
Не верит ему никто.
Поверила лишь Халида. Правда, девчонка — плохая помощь.
Однако что же Сабиру делать, если только одна Халида во всем поселке Сабиру верит?
Снова спустился вечер.
Отправились вместе они к плотине. Просидели вдвоем до утра. Зорче филина вдаль глядели. Шорох любой ловили.
Алимкулова нет и нет.
Теперь и Сабира взяло сомнение. И если сказать по правде, не будь при Сабире тогда девчонки, неизвестно, чем бы история эта кончилась.
А так — поймали они злодея. Вернее, его спугнули. Едва появился бай, такого наделали шуму — прежде всего Халида, что дехкане, хотя и спали они за версту, немедля вскочили на ноги.
Схватили крестьяне бая.
Прогнали крестьяне бая.
Струится вода в арыке. Поит крестьянские земли. Ходит мальчик Рахматов Сабир по селу. Хозяин бухарской земли, хозяин арыка ходит.

Артель

Самая дальняя даль России — берег Охотского моря. Тихий, или Великий, бушует за ним океан. На берегу рыбацкий стоит поселок. Налево сто верст скачи, направо сто верст скачи — не встретишь селения.

В поселке тридцать рыбацких семей. Тридцать бревенчатых домиков. У причала четыре стоят баркаса. Ходят люди в бурное море. Рыбу сетями ловят. Не скупится Охотское море.

Возвращаются с лова баркасы домой, чуть не тонут от груза. Солят люди рыбу на берегу. В бочки ее укладывают.

Говорят: в поселке живет артель. Однако бочки, баркасы и весь улов — это богатство хозяина. Платит он рыбакам копейки, наживает себе рубли. Хозяина сразу два: купец и промышленник Федор Проворов и батюшка местный отец Мефодий. Они все доходы делят.

Вот так артель! Одни ловят, другие доходы делят.

Федор Проворов и вправду не промах. Он хоть и выдаст рабочим за труд копейки, но тут же снова себе вернет. Открыл магазин в поселке. Тащат люди туда копейки.

Да и священник отец Мефодий тоже не лыком шит. Бога на помощь себе зовет. Берет за крестины, за память усопших, на ремонт, мол, для храма, для новой иконы...

Вот так и живут в поселке. Проворов торгует. Мефодий кадилом машет. Рыбаки в бурное ходят море. Доходы — богатым. Гроши — рабочим. Это и есть артель.

Размечтались мальчишки Димка и Фимка. А если бы так: доходы тому, кто ходит за рыбой в Охотское море.

Засмеяли ребят приятели. Где это видано, где это слыхано? Да разве может такое быть?

Понимает Димка:

— Конечно, не может.

— Не может, конечно, — соглашается Фимка.

А все же почему бы о том не мечтать!

Любят мечтать мальчишки. Представляют Димка и Фимка себя на борту баркаса. Тянут мальчишки тяжелые сети. Рыбы в сетях полно. А рядом другие идут баркасы. Светятся радостью лица у рыбаков.

Чьи же баркасы гуляют в море? Не купца, не попа, не других богатеев. Артельные это идут баркасы.

Да разве может такое быть?

Понимает Димка:

— Конечно, не может.

— Не может, конечно, — соглашается Фимка.
А все же почему бы о том не мечтать!
Мечтают мальчишки о сказочном времени. Не знают пока того, что вот-вот их мечты обернутся былью.
И вот изменились порядки и здесь — на самом дальнем конце России. Лишились Федор Проворов и батюшка местный отец Мефодий бочек, баркасов, своих доходов.
Настоящая стала в поселке теперь артель. Кто ловит рыбу в Охотском море, тот и доходы делит.

Чичико и Нина

Сдружились они — Чичико и русская девочка Нина.
Бегут они берегом моря.
— Чичико! Чичико! Чичико! — догоняет приятеля Нина. Голос долго звенит над морем.
Поднимутся дети в горы.
— Нино! Нино! Нино! — Чичико окликает Нину.
Спустятся в темное дети ущелье.
— Нино!.. Чичико!.. Нино!.. Чичико!.. Нино!.. Чичико!.. — отдается эхом сто раз ущелье.
Уже год, как мальчик и девочка дружат. Если увидишь, идет Чичико, — обязательно рядом Нина. Если заметишь Нину, можешь глаза закрыть и то Чичико увидишь. Дружат они — Чичико и русская девочка Нина.
А раньше? Даже смешно сказать. Раньше было совсем другое. Боялась Нина тогда Чичико. И Чичико сторонился Нины. Жили дети в одном поселке, а вроде бы в странах различных жили.
Да только ли дети?
Маленький горный поток делил поселок на две половины. В одной половине живут грузины, в другой поселились русские. Над русскими старший дворянчик русский. На той половине командует всеми какой-то грузинский князек. А самый главный над всем поселком — мордастый, пузастый урядник царский.
На Кавказе много различных народов: осетины, абхазцы, аджарцы, грузины, армяне, азербайджанцы, ингуши, кабардинцы, русские. Это еще не все. Не хотят богачи, чтобы жили люди простые в дружбе. Если в ссоре живут народы, легче командовать ими. Проще их угнетать. Легче с бедных три шкуры драть.
Пусть в ссоре живут народы.
Пусть ненавидят один другого.
Пугают богатые бедных.
Наводят на бедных страх.

Так и тут, в этом маленьком горном поселке. Пугают грузин русскими, пугают русских грузинами. А сами? Сами мирно себе живут. Ходит дворянин русский в гости к князю грузинскому. Ходит грузинский князь в гости к дворянину русскому. А мордастый, пузастый урядник царский — почетная личность и там и тут. Все это было. Все это кончилось. В Москве, в Петрограде, в Ереване, в Тбилиси — всюду стала Советская власть.
Изменился и горный теперь поселок. Бежал куда-то дворянин русский, сброшен навеки грузинский князь. А мордастый, носастый, пузастый урядник царский, где он? В помине такого нет.
Дружат нынче в поселке люди. Не разделяет их больше горный поток. Нет ни этой, ни той половины. Ни этой, ни той стороны. Не боится Нина теперь Чичико. Чичико не пугается Нины. Неразлучны теперь Чичико и русская девочка Нина. Если увидишь, идет Чичико, — обязательно рядом Нина. Если заметишь Нину, можешь глаза закрыть и то Чичико увидишь.
— Нино!.. Чичико!.. Нино!.. Чичико!.. Нино!.. Чичико!.. — звенят голоса в поселке.
Дружат они — Чичико и русская девочка Нина.

Первая книжка

Кто из вас бывал на Камчатке? На настоящей земле камчатской. А кто побывал на Чукотке? Это дальше еще Камчатки. Самая дальняя точка на нашей карте. Тут кончается наша земля. Дальше идет Америка.
Так кто же бывал на Чукотке? А вот маленький чукча Рытхэу не только бывал, но родился на этой Чукотке.
Чукчи — смелый и добрый народ. Поезжайте, проверьте сами. Чукчи сейчас инженеры, чукчи сейчас врачи. А раньше? Даже поверить трудно. Никто из всего народа не умел ни читать, ни писать. За людей не считали чукчей. Маленький мальчик Рытхэу в жизни не видел книжки. Так бы и состарился, ни разу не видя книжки. Но пришла на Чукотку Советская власть.
И вот однажды по каким-то делам заехал сюда молодой и веселый парень. Книжку с собой привез. Смотрит Рытхэу на книжку, смотрят другие на книжку: что такое, не могут никак понять. Открывают страницу первую, открывают страницу последнюю. Любопытно, есть даже картинки. Вот так чудо у них в руках!

Чукчи

Объясняет хозяин книжки: это, мол, книжка, а это, мол, буквы, а это, мол, строчки. Из букв создаются слова, из слов составляются фразы. Читая книги, многое можно узнать, многому книги учат. Но прежде нужно запомнить буквы.
Называется это грамотой. Зная грамоту, можно не только читать, можно, взяв карандаш или ручку в руку, самому любые слова писать.
Поразился такому Рытхэу. Глаз не спускал с приехавшего.

Объяснил тот мальчику, как пишется «а», как пишется «б».
Потом рассказал про «р», про «ы»
Дал карандаш и бумагу:
— А ну-ка пиши!
Пишет Рытхэу «Р», потом «ы».
Рассказал гость про «т», про «х», про «э» и про «у».
Пишет мальчик и эти буквы.
— Ну-ка теперь читай!
Читает Рытхэу, диву дается Рытхэу, получается слово «Рытхэу».
Смеется чукотский мальчик: так этим же словом Рытхэу звать!

Уезжая, парень сказал, что скоро на Чукотке откроют школы. Не очень Рытхэу тогда поверил. Но все-таки ждал. И дождался.
В первый же день поразил всех Рытхэу. Написал на доске он и «а», и «б».
Смутился учитель: мальчик Рытхэу, чукча Рытхэу — откуда он знает про «а» и «б»?!
— А я и про «Р» и про «ы» умею, — хвастает мальчик.
Снова схватил мелок. Написал без запинки «Ры», затем улыбнулся и полностью вывел «Рытхэу».
Совсем обомлел учитель. Пришлось рассказать Рытхэу, откуда он буквы знает.
Прилежно учился в школе Рытхэу. Любил и читать, и писать.
«Вот вырастет мальчик, — думал учитель, — возможно, книжку и сам напишет». И написал.
Сейчас Рытхэу — известный в стране писатель.

Его Величество

«Ваше Величество» — так называли царя. Величество — значит главный. Главнее не может быть.
Не стало теперь Величества. Свергли царя. Свергли Его Величество.
И вдруг...
К отцу Пети Петрова — Ивану Петрову явились его приятели, такие же, как и отец, рабочие-металлисты. Вошли они шумной группой.
— А мы за тобой, Ваше Величество, — обратились, смеясь, к отцу.
— Иду, — отозвался отец. Ушел он вместе с рабочими.
Петя стоял, как сраженный громом. «Вот кто, значит, теперь Величество. Хитрый отец — молчал!»
Побежал он на улицу. Встретил Катю Орлову. Шепчет Петя Кате на ухо: мол, знаешь, какое дело — отец у меня Величество.
Обидно Кате, что отец у Пети — Величество, а у Кати — простой рабочий.
Возвращается Катя домой.
И вдруг...
Встречает Катя слесаря Громова. Остановился Громов и говорит:
— Поклон от меня отцу. Как там Его Величество?
Замерла Катя: ослышалась, видимо, Катя. Не может такого быть! А Громов опять свое:
— Смотри не забудь. Привет от меня Величеству.
Свернула Катя с дороги, помчалась к лучшей подружке — Наде Сизовой. Шепчет Катя на

Мальчик на царском троне.
Кадр из фильма С. Эйзенштейна
«Октябрь»

ухо Наде: знаешь, какое дело — отец у меня Величество!
Умчалась от Нади Катя.
Обидно Наде, что отец у Кати — Величество, а у Нади — простой рабочий.
И вдруг...
Кто-то стучится в дверь.
Бросилась Надя к двери. У порога стоит почтальон, протягивает Наде письмо.
— На, — говорит, — передай-ка Его Величеству.
— Кому?! — поразилась Надя.
— Отцу! — говорит почтальон.
Схватила Надя письмо. Не сидится Наде Сизовой дома. Вышла она на улицу. Побежала к Васе Козлову. Подлетела к знакомому дому. Что такое? Стоят у дома мальчишки, стоят у дома девчонки. Объясняет с крылечка Вася Козлов:
— Отец у меня — Величество.
Смутилась Надя. Сколько же разных кругом Величеств? У

Пети, у Кати, у этого Васи...
В это время на заводе окончилась смена.
Возвращались отцы домой. Идут они по своей, по рабочей улице.
Шире, шире раздвинься, улица!
Видишь народ трудовой идет.
Дорогу ему, дорогу! Дорогу Его Величеству!

Новый учитель

В деревню Малые Кочки приехал новый учитель. Матрос, балтиец, авроровец. Учитель он, правда, временный: до той поры, пока настоящий не прибудет.
Старый сбежал, вот и понадобилась срочно замена.
Явился учитель в класс.
Притихли ребята, ждут, когда тот начнет им про буквы и цифры рассказывать.
А матрос им — про «Аврору».
На следующий день — про штурм и про взятие Зимнего.
Потом про партию большевиков, про Советскую власть и про товарища Ленина.
Интересно ребятам. Уставят глаза на матроса, сидят, слушают.
Прошло несколько дней, стал матрос у ребят проверять, что те поняли и чего недопоняли.
Спросил про «Аврору» и про взятие Зимнего.
— А что такое партия большевиков?
— Это та, что самая лучшая, — торопятся ответить ребята. — Партия большевиков за то, чтобы землю — крестьянам, заводы — рабочим, мир — всем народам.
— Верно, — кивает матрос годовой. — Ну, а что такое Советская власть?
— Это когда правят страной не царь, не буржуи, а трудовой народ.
Доволен матрос. Смотри, какие умные стали ребята! Начал матрос объяснять, как буква «а» пишется, как буква «б».
Сколько будет один и один, сколько два и два. Дальше матрос не успел. Отозвали матроса.
Вскоре приехал настоящий учитель. Девушка-большевичка. Зоя.
— Ну, что вы здесь изучали?
— Про «а» и про «б».
— Про один и один, про два и два.
— Ну а еще?
Жмутся ребята.
— Не много вы изучили, — говорит Зоя. — Видать, не очень прилежные.
Обидно слышать такое ребятам.
Поднялся Еремей Торопыгин:
— Зато мы про Ленина знаем.
— Верно, верно! — закричали

ребята.
— И про Советскую власть.
— И про партию большевиков.
— И про штурм, и про взятие Зимнего.
Улыбнулась Зоя.
— Кто же вам рассказал?
— Он, он, балтиец, авроровец!
Задумалась Зоя: «Молодец балтиец, с главного начал». Жалко ей, что не застала она матроса. И ребятам жаль, что матрос уехал. Так ведь матрос не учитель. У матроса свои, другие дела.

Дебет-кредит

Завод фабриканта Петрова-Водичкина перешел в руки Советской власти. Для управления заводом был избран заводской комитет во главе с токарем большевиком Никитиным. Попал в комитет и молодой рабочий Илья Трошин. Выпало ему наблюдать за работой бухгалтерской части.
— Помилуйте... — взмолился Трошин. — Я не то что цифрам, но и грамоте как следует не обучен.
— Ничего, ничего, — заявил Никитин. — Ты самый молодой. Присмотришься, научишься.
— Правильно, — поддержали другие. — Молодой. Сдюжит.
Явился Трошин в бухгалтерию, представился. В комнате человек десять. В углу за большим дубовым столом — главный бухгалтер. Вокруг за другими столами — дамочки и девицы. Сидят, на счетах щелкают, на листы бумаги разные цифры выписывают. Стал Трошин знакомиться с бухгалтерскими книгами и названиями: дебет, кредит, сальдо... Слова мудреные. От слов и цифр — голова кру́гом. Прошла неделя. Что к чему, так и не может понять Трошин. Пытался он расспросить у главного бухгалтера.
— Э, молодой человек, — ответил главный бухгалтер, — для этого университет кончать надо. Это вам не рашпилем по железу драть.
— Хи-хи, — хихикнули дамочки и девицы.
Явился Трошин к Никитину, просит:
— Увольте. У меня от цифр голова болит. Тут университет кончать надо.
— Эх ты, — произнес Никитин. — «Университет... Голова болит...» И не стыдно тебе, рабочему человеку, так говорить? Возьми учебную книгу по бухгалтерскому делу и изучай. Вот и будет тебе наш, пролетарский, революционный,

жизнью указанный университет. Достал Трошин учебную книгу. Стал изучать: дебет — приход, кредит — расход, сальдо — остаток. Если от дебета, то есть прихода, отнять кредит, то есть расход, то, что останется, и будет сальдо. Заинтересовался Трошин. Пыхтел, мучился — изучил мудреную книгу.
Потом взялся за счеты. Один ряд — это копейки, второй — десятки копеек, третий — рубли, потом десятки рублей, сотни и тысячи. Смотрит — все тут понятное. Сиди, прикидывай косточку к косточке, записывай результат.
Доволен Трошин. Сам не заметил, как увлекся бухгалтерским делом.
Прошло около месяца. Инженеры и другие заводские служащие объявили бойкот Советской власти. Отказался работать и главный бухгалтер. А вместе с ним и все его дамочки и девицы.
— Вот узнают, как работать без нас, — злорадствовал главный бухгалтер.
— Они еще нас на руках понесут к нашим цифрам и бухгалтерским книгам, — хихикали дамочки и девицы.
Сидят они дома. Неделю, вторую, третью. Ждут. Только что-то за ними никто не идет. Решил тогда главный бухгалтер сам сходить на завод. Не поймет он, как же без них, без людей опытных, завод управляется. Приоткрыл дверь в бухгалтерию. За большим дубовым столом — Илья Трошин. За другими — заводские девчата. Сидят, на счетах щелкают, на листы бумаги разные цифры выписывают.
Вошел бухгалтер в комнату, направился к дубовому столу, взял в руки бухгалтерскую книгу, глянул — все верно: и дебет, и кредит, и сальдо.
Поразился бухгалтер:
— Для этого же университет кончать надо!
— А мы его и кончили, — улыбается Трошин. — Наш, пролетарский, революционный, жизнью указанный университет. Как там по бухгалтерским книгам: одни — в расход, другие — в приход, — показал на себя и сидящих рядом девчат. — Дебет — кредит. Все по науке!

Дурное слово

— И чего ты царя поминаешь! — кричала тетка Марья на дядю Ипата. — Что он тебе, царь, — отец родной? Что ты его позабыть не можешь?!

— Отец не отец, а вроде как оно при царе лучше было, — отбивался дядя Ипат.
Вот уже больше месяца, с той поры как сгорело село Выселки, тетка Марья вместе с Ленькой живет в Москве у дяди Ипата. Живут они в Марьиной роще, на одной из московских окраин. Здесь в полуподвале старого, покосившегося дома у дяди Ипата маленькая, с непроходящей сыростью на стенах комната.
Удивительный был этот месяц. Помнит Ленька, как встречал их дядя Ипат, большой, грузный, с белой бородой, что козьими рогами торчала в разные стороны. Он расцеловался с теткой Марьей, потом посмотрел на Леньку, сказал:
— Ленька, значит. Вот оно как. Ростом не вышел, да как-нибудь...
Дядя Ипат работал швейцаром на Тверской при ресторане. Думал в помощь к судомойке пристроить Леньку. Не получилось. Ресторан закрыли. Дядя Ипат остался и сам без места.
— Вот они, нонешние порядки, — ворчал старик. — Да, было времечко. Иные нынче пошли времена...
Ворчал старик к месту, не к месту, дома, на улице, в бане, едучи в конке, толкаясь за хлебом в очереди. Был он однажды с Ленькой на Сухаревском рынке, и тут опять за свое:
— А при царе оно лучше было. Вестимо, лучше.
Дорого обошлись ему эти слова.
Рядом находился вооруженный патруль. Матрос с маузером и задержал дядю Ипата.
— Ты что же это? — грозно спросил матрос. — Чем же тебе Советская власть не угодила?
Старик смутился, заморгал глазами, взялся рукой за бороду, отпустил, опять взялся.
— Да она ничего. Она угодила, — наконец ответил дядя Ипат. — Только как же оно без царя? Оно вроде бы и несерьезно.
— Несерьезно?! Ишь ты, — усмехнулся матрос.
В это время матроса кто-то окликнул.
— Стойте здесь, — сказал он дяде Ипату и Леньке.
Но только матрос отошел, старик схватил мальчика за руку и поспешно шмыгнул в подворотню.
Потом они лезли через какой-то забор, и Ленька едва поспевал за дядей Ипатом.
С того дня, как убежали они от матроса, старик жил в постоянной тревоге. Все ждал, что за ним придут, арестуют.

И вот наконец на пятый день в дверь постучали. Ленька было побежал открывать, но дядя Ипат крикнул:
— Куды? Стой, сиди на месте!
В дверь опять постучали. Потом было слышно, как шаги удалились. Старик перевел дыхание.
И вдруг снова раздались шаги. За дверью послышались голоса. Говорила тетка Марья:
— А чего ему быть не дома? Дома. Заходите.
Дядя Ипат побледнел. Быстренько стал за занавеску, дернул за собой Леньку.
Дверь открылась, и в комнату вошли двое. Мальчик приложил глаз к дырке и все увидел. Один высокий, с портфелем в руке. Другой... с маузером на боку матрос, знакомый по Сухаревскому рынку. Вошедшие осмотрели комнату, матрос поднял глаза к потолку.
И Ленька поднял. Там, в правом углу, проступало мокрое пятно. Посмотрел себе под ноги. Прогнившие доски образовали широкие щели, и из них несло сыростью.
— Так, значит, Ипат Игнатьевич Дрёмов, — проговорил человек с портфелем.
— Он самый, — ответила тетка Марья.
— А вы ему родная сестра?
— Сестра.
— Мальчик еще, говорите?
— Ленька. Сирота. Нашей сестры Варвары, стало быть, сын.
— Так, так, — проговорил высокий. — А мы к вам из районного Совета рабочих и солдатских депутатов.
— По важнейшему делу, — добавил матрос.
Ленька посмотрел на дядю Ипата. Старик замер и, казалось, не дышал.
И вдруг Ленька задел ведро. Оно громыхнуло. Дядя Ипат вздрогнул. Пришедшие повернулись в их сторону. Матрос схватился за маузер.
— Кто там?
Дядя Ипат молча и быстро, по-старушечьи крестился.
Подошла тетка Марья, отвернула занавеску.
— Да куда ты залез! — закричала. — И бороду расправь... К тебе, чай, пришли.
Дядя Ипат взглянул на пришедших, увидел матроса, попятился.
— Хо-хо! — загудел матрос. — Монархист. Старый знакомый.
Дядя Ипат отступил еще на шаг, задел за лавку, шлепнулся на пол.
Матрос рассмеялся. А человек с портфелем бросился к дяде Ипату.
— Что с вами? Мы из Совета. — Он протягивал старику

какую-то бумагу. — Вот ордер. Вас переселяют в благоустроенную квартиру. В дом генерала Инсарова.
Дядя Ипат поднялся, смотрел то на бумагу, то на матроса, то на тетку Марью и никак не мог понять, что к чему.
— Благодарствуй, благодарствуй, — толкала тетка Марья старика в бок. — Вот окаянный! Сдурел, что ли, от радости...
А дядя Ипат стоял как пень. И лишь глупо водил глазами.
...Новая комната оказалась на втором этаже. Была она большая и светлая, в два окна, на Садовой. Когда дядя Ипат в первый же вечер окунулся в мягкую широкую постель, он еще раз посмотрел по сторонам и сказал:
— Вот оно как при царе жили! Да, было времечко...
— Да умолкни же ты, ирод! — обозлилась тетка Марья.
Дядя Ипат смолчал.
А еще через день Дрёмова пригласили в районный Совет и предложили работу — заведовать хозяйством при детском доме. Возвращался дядя Ипат довольный, перебирал свою белесую бороду. «Значит, приметили, — рассуждал. — Вот и Леньку теперь пристрою». И вдруг опять повстречал матроса.
— Хо-хо! — загудел матрос. — Монархист!
Дядя Ипат насупился.
— Ты это мне брось! — прикрикнул он на матроса. И, не поздоровавшись, прошел мимо. — Тьфу, — сплюнул старик с досады. «Эка же слово дурное выдумал: «Монархист»!» — повторил про себя. Потом усмехнулся, успокоился и степенно двинулся дальше.

Шесть сестер

У Капки Травкина шесть сестер: Нютка, Марфутка, Юлька, Акулька, Глаша и Клаша. Капка один, а их шестеро. Мал мала меньше.
Отец у Капки — шахтер. И мать на шахте работает. Целый день не бывает их дома. Дома Капка и шесть сестер. Капка по возрасту самый старший. Вот и случилось, что мальчик Капка при сестрах в няньках.
«Э-эх, — сокрушается мальчик, — не повезло. Вот если бы я да на место Юльки или на место Акульки. Не мне за ними бегать, а им бы за мной следить». Просчитался, родившись первым, конечно, Капка.

Дел у мальчишки по горло. То Марфутка и Нютка подрались — беги разнимай. То Юлька ушибла ногу, то заноза попала Акульке в руку. То Глаша и Клаша в люльках своих ревут. Качает сестричек Капка, утешает сестричек Капка. Кашу им варит, с ложек их кормит. А старших, Марфутку и Нютку, порой разозлится и даже побьет.
Капке в школу пора идти. Некогда Капке в школу. Другие ребята по улицам бегают, в игры играют, а Капка все дома и дома. У мальчика шесть сестер.
Дразнят Капку порой ребята. Терпит и это Капка, некогда сдачи дать.
Понимает Капкина мать, что трудно, конечно, сыну. Нет-нет — купит ему ландринчик. А что ему этот ландринчик, он и без ландринчика проживет, лишь бы сестер целыми днями не нянчить.
Но раз в году все же Капке выходит отдых. Из деревни приезжает к Травкиным бабка. Замещает она мальчишку. Появляется бабка всегда зимой. Сугробы лежат на дворе. Мороз разукрасил окна. Бело. Хорошо. Привольно. Нагоняется Капка по улицам. Накатается с гор на санках. Всласть надерется с мальчишками. За целый год все обиды свои припомнит.
Погостит бабка неделю, вторую — уезжает к себе в село. Кончается Капкин отдых. Снова Нютка, Марфутка, Юлька, Акулька, Глаша и Клаша брата на части рвут.
И вот опять приехала как-то бабка. Смотрит: а где же Юлька, где же Акулька?
Нет ни одной, ни другой.
А где же Нютка, где же Марфутка?
Тоже не видит бабка.
И даже Глаши и Клаши, словно и вовсе таких не бывало, дома у Травкиных нет.
Застала бабка в квартире лишь Капку. Капка сидит за столом. Книги, тетрадки лежат перед Капкой. Руки в чернилах. Клякса за ухом. Буквы выводит в тетрадке Капка.
Диву дается бабка.
— Где же сестры? — спросила бабка.
Поднялся Капка, хитро глаза прищурил.
— Где же внучки? — тревожится бабка.
Улыбается бабке Капка. Вывел мальчик старуху на улицу. К центру поселка ее ведет. Дом двухэтажный стоит направо. Дом двухэтажный стоит налево. Глянула бабка в правую сторону. Ахнула старая: мерещится, что ли?

Нютка с Марфуткой, словно с картинки, из окон на бабку смотрят.
Глянула бабка на левую сторону. Ахнула старая: мерещится, что ли? Акулька и Юлька, Глаша и Клаша бабке из окон руками машут.
Слезы застыли в глазах у бабки.
— Господи праведный... — крестится бабка. Решает старуха: привиделся сон.
Эх ты, глупая старая бабка!
...Ходит Капка с друзьями в школу. Сестры — в ясли и в детский сад.

Кухарка

Обидно Смирновой Люде: мать у нее — кухарка.
Вот у Вани другое дело: был отец кочегаром — стал начальником станции. У Левы мама была швея, а нынче фабрикой целой ведает. И даже у лучшей подружки Зины отец не как раньше — простой рабочий, а на заводе большой начальник. А Людина мать как была, так и осталась она кухаркой. Разница только в том, что работала прежде в семье у купца Изотова, а сейчас в заводской столовой.
Смотрит Люда в окно на улицу. Вот Семен за водой идет. Весело ведрами машет. Видный отец у Семена теперь. На Балтийском море эсминцем командует. А был рядовым матросом. Вот прыгают девочки в классы: Иришка, Маришка и Клава. Почтальоном у Клавы работала мать, а нынче заведует почтой.
Смотрит Люда — шагает Коля. Вот уж кому позавидовать можно! Папа у Коли работает где-то в Москве. Встречается часто с Лениным.
В огорчении страшном Люда. Вот какие у всех родители!
У Люды же мать — кухарка.
— Да что ты, — мать утешает девочку. — Я работу свою люблю. Людям пользу она приносит.
Так-то так, соглашается Люда, а все же...
Побывала Люда однажды в столовой. Поразилась, взглянув на маму: белый передник, белый колпак. Слева и справа стоят помощники. Вошла осторожно на кухню девочка. Плита тут огромная. Банки, кастрюли в ряд. Ножи на кухне почти метровые. Черпаки не уступят ведрам. Словно крышки от бочек — вот какие большие сковороды! Захватило у Люды дух.
Рядом с кузней — столовая. Заглянула Люда в окно для

подачи пищи. Люди сидят, обедают.
Знают рабочие Людину маму. Вот подошел к окну, пригнулся, крикнул какой-то парень:
— Анна Ивановна, большое спасибо за щи! Царские нынче щи.
Подошел пожилой рабочий:
— Ну и котлеты! Мастерица у нас Ивановна.
На окнах в столовой висят занавески. Белым и чистым покрыты столы. Любо зайти в столовую.
— Красота, — говорят рабочие. — Это Ивановна все. Ивановна. Это она для людей старается.
Любят рабочие Людину маму, уважают. Избрали они ее делегатом на Всероссийский съезд Советов в Москву, в высший орган Советской власти. Растерялась от неожиданной чести женщина, от людского доверия к ней. Тут же при всех расплакалась.
— Что ты, что ты, Анна Ивановна!
— Доброй дороги тебе, Ивановна!
Вытерла женщина слезы.
— Да как же я там управлюсь? Там же решать дела всего государства.
Улыбаются ей рабочие:
— Не смущайся, справишься, Анна Ивановна. Смелей поезжай, Ивановна.
Гордится Смирнова Люда. Мать у нее кухарка, а едет державой править.

Передумал

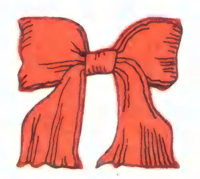
Дед Махоткин решил помирать. Надоела жизнь горемычная. Земля у него с ладонь. Коровы, лошади нет. Была у деда коза, но и та на прошлой неделе сдохла.
А тут все в боку кололо. Дышать становилось труднее. Колени сгибались плохо, а сгибаясь, уж так скрипели, словно сверчок в коленях.
К тому же лет пять барский управляющий не давал старику покоя. Задолжал как-то дед барину рубль с полтиной. Так управляющий, к слову немец, всю душу из Махоткина вытряс.
«Все, — решил Махоткин, — хватит, намучился. Может, на том свете за все мои муки выпадет рай».
Правда, в рай Махоткин не очень верил. Богу он свечек лет двадцать не ставил. С местным попом не ладил. В церковь с самой японской войны не ходил, то есть годов двенадцать.

Кадр из фильма С. Эйзенштейна
«Генеральная линия»

«И все же... — думал порой старик. — А вдруг?! Может, господь всего того не заметил по своей загруженности». Отправился Махоткин в лес. Сосну для гроба по вкусу выбрал. Ночью ее спилил. Днем нельзя — немец бы враз заметил. Какие-то парни перетащили сосну старику в овин.
Заготовка досок заняла месяц. Потом еще месяц ушел на то, чтобы достать гвоздей. Под великим страхом вытягивал их по ночам старик из церковной ограды.
Потом месяц с лишком трудился над гробом. Приходили советчики. Дважды заново все переделывал. В первый раз в плечах чуть заширил, во второй, как на грех, заузил. На исходе четвертого месяца гроб оказался готов. Прошелся старик последний раз

по селу, со всеми простился. А возвращаясь назад в избу, в последний раз посмотрел на небо: «Ежели в рай, — значит, туда дорога». Надеялся все же старик на лучшее.
Улегся он на полати. Руки скрестил на груди. Чихнул перед смертью старик. Лежит закрывши глаза. Кажется даже, помер.
И вдруг спохватился старик. Пощупав в кармане, дед обнаружил пропажу. Обронил на улице где-то кисет. А как же без курева в рай? Без курева в рай не в рай.
— Тьфу! — сплюнул старик с досады.
Пришлось дожидаться утра. А утром пошли чудеса. Одно за другим.
Первое чудо: в Петрограде грянула революция.
Чудо второе: объявлен Декрет о земле.
Чудо третье: барин и управляющий-немец бежали, так и не стребовав долг.
Разыскал старик свой кисет. А вот со смертью пришел в замешательство.
«Может, все же чуть погодить? — стал рассуждать Махоткин. — Оно и доски в гробу лучше, считай, просохнут», — нашел оправдание дед.
Не ошибся старик.
Вскоре дали ему корову, дали землю, обещали коня. В боку у деда колоть перестало. Дышать вдруг стало совсем не трудно. Куда-то скрип из колен ушел.
Носится дед по селу, как, бывало, лет сорок тому назад, когда мальчишкой в подпасках бегал.
«Чудеса! — поражается Махоткин. — А может, я все же помер? Да и допущен всевышним в рай!»
— Ты бы, старый, хоть в в церкву сходил, — донимают деда старухи. — За исцеление богу поставил бы свечку.
Однако в церковь старик не пошел. Решил не привлекать внимания бога к своей особе. Вдруг вспомнит господь про деда и на небо к себе затребует.
Не желает на небо Махоткин. Передумал. Даже гроб незаметно от всех спалил.

Понимающий человек

Еремка Быков ворочался с боку на бок. Тесно, душно на печке.
Вот и отцу не спится. Да разве уснешь! Утром, чуть свет, предстоит раздел господской земли. Не каждый день такое случается.
— Да спите вы! — ругнулась снизу с лежанки мать.
Притихли отец и Еремка. Не приходит, не балует сон. Подтянулся отец к печному обрезу:
— Пойду-ка пройдусь по воле.
— И я с тобой, — напросился Еремка.
— Хорошо, собирайся.
— У, неспокойные ваши души... — опять проворчала мать.
Ругается, а ведь сама тоже что-то не спит. Тоже небось про землю-землицу думает.
Вышли отец и Еремка на улицу. Прошлись вдоль села, миновали околицу, мостком перешли через речку, поднялись на бугор — вот оно, барское поле.
Пробрала ночная прохлада. Ветер то сорвется, то стихнет. Звезды мерцают. Месяц тучки рогами порет. Где-то пискнула мышь-полевка. Собака в селе за околицей тявкнула.
Смотрит Еремкин отец на поле, слезами глаза наполняются.
— Ты чего, тять? — дернул Еремка отца за руку.
— Так, ничего, — отозвался отец. Провел по глазам ладонью. — Все о нем, о человеке хорошем, думаю.
— О том, кто декрет подписал, об Ульянове-Ленине? Добрый, видать!
— Слово, Еремка, не то. Понимающий он человек. Нельзя без земли крестьянину.
Постояли они, посмотрели на поле, надышались свежего воздуха, вернулись домой.
Залез Еремка снова на печку. «Эх, не проспать бы, не упустить бы дележ земли. Самое интересное не проворонить».
Лег он и сразу уснул.
И вот приснился Еремке удивительный сон. Будто бы сам Ленин приехал к ним делить господскую землю. Ходит Ленин по полю. В руках сажень двуногая для замера земли. Заметил Ленин Еремку:
«А ну-ка ступай сюда».
Подбежал Еремка.
«Будешь моим помощником. Говори, с кого начинать,

Кадр из фильма С. Эйзенштейна «Генеральная линия»

сколько у кого едоков, сколько кому земли».
С кого начинать? Конечно, с него, с Еремки.
«С меня», — говорит Еремка.
«Э, нет, — отвечает Ленин. — Тебе, как делящему, в последнюю очередь».
Поделили они господскую землю, никого не обидели.
Вот и Еремкин приходит черед.
Здесь и проснулся мальчик. Смотрит — солнце высоко.
Ни отца, ни матери дома нет.
«Так это же сон привиделся, — понимает Еремка. — Проспал, проспал... Надо быстрее в поле». А как же со сном, как же с землей для него, для Еремки? Эх, оборвалось на самом значительном месте!
Закрыл опять Еремка глаза. Интересно, какой же ему участок.
Только закрыл глаза, как скрипнула дверь. Входят в избу мать и отец.
— Просыпайся, вставай, Еремка!
Обидно Еремке: и раздел барской земли проспал, и сон недовидел. Встал он. Радости нет.
— Да что ты, Еремка?!
Ничего не ответил мальчик.
Оделся, вышел на улицу.
Обступили его ребята, озоруют, смеются.
— Соня, соня! Проспал. Главного не увидел.
Еще обиднее стало Еремке.
Смотрит он на ребят и вдруг:
— А я Ленина, Ленина видел. Ленин к нам приезжал!
Поразевали ребята рты.
— Приезжал, приезжал, — уверяет Еремка. — С саженью ходил. А я у него был в помощниках.
— Э, да это тебе приснилось!
— А вот и не приснилось!
Не приснилось. Так оно было на самом деле.
Подошел в это время к ребятам старик Прозоров.
Еремка к деду:
— Видел я Ленина. Видел. Ленин землю делил.
Хихикнули снова ребята. Мол, смотри, дед, Еремка такой брехливый!
Однако дед постоял, подумал, строго глянул на крикунов и

вдруг поддержал Еремку:
— А как же, был Ленин. Присутствовал. Не ошибся Еремка.
Обалдели ребята.
— Так мы почему не видели?!
— Плохо смотрели. Без понимания. Вот и не видели, — ответил старик.

Клятая луговина

Приехал как-то в деревню Глуховку к отцу и матери токарь Путиловского завода Прохор Знатков.
Понабежали в избу родичи и соседи:
— Ну, как там в Питере? Как поживают рабочие?
— Хорошо в Питере, — отвечает Знатков. — Дружно живут рабочие. Повыгоняли буржуев с заводов. Сами теперь хозяева. Ну а как у вас здесь, в Глуховке?
— И нам хорошо, — отвечают крестьяне. — Помещиков взашей. Землю нарезали. Скот нынче у каждого. Барскую луговину делить будем.
— Луговину?!
— Ну да, ту, что у речки Березайки, что от Клятого омута по ту и другую сторону.
— Так зачем же ее делить?
— Как — зачем?! Чтобы каждому своя часть приходилась.
— Ну, это вы зря, — произнес Знатков. — Сделали бы луговину общей. Сообща бы ее косили. Да и скотине так будет привольнее.
Усмехнулись крестьяне:
— Общей... На кой она общая! Нет, каждой травинке хозяин нужен.
Пытался приехавший говорить про завод — вот, мол, у них, у рабочих, заводы же общие.
— Ну, паря... Ты нам заводом не тычь.
Вскоре Прохор Знатков уехал.
А мужики собрались и проголосовали так, как задумали: «Делить луговину — и точка».
Разделили. Но тут началось в Глуховке вдруг такое, чего и в прежние времена не случалось. Пригонят мужики на рассвете скотину на луг. Ну а дальше? Дальше сиди и смотри, чтобы твоя корова не зашла на чужой участок. А корова есть скотина. Где ей знать про крестьянское голосование! Так и норовит на надел к соседу.
Появились на лугу изгороди и межевые столбы. Пастухов

развелось невидимо. Целый день крики стоят над лугом:

— Куда пошла!..

— У, ненасытная!..

— Ванька, Вань-ка! Да уйми ты свою безрогую...

И чем дальше, тем хуже.

К середине лета глуховские крестьяне все до единого перессорились между собой. В гости друг к другу не ходят. На улице не здороваются. Волками да лисами один на другого смотрят.

И кто его знает, чем бы все это окончилось, да только в разгар жнивья снова приехал в родную Глуховку из Питера Прохор Знатков.

Идет он со станции полем. Рожь стоит спелая, высокая, налитым колосом к земле пригибается, осыпается рожь. «А где же косцы? — поразился Прохор. — Может, в деревне беда какая?»

Ускорил он шаг. Вышел к реке, к луговине. Смотрит, луговина — что улей. Вооружились крестьяне кольями, вот-вот и война начнется.

— Стойте! Сдурели вы, что ли? Стойте!

Остановились мужики, повернулись к Знаткову и вперебой:

— Да его Манька да на мой участок...

— Да его Рыжуха да мою траву...

— Да ихняя телка да под нашу изгородь...

— Эх, вы... — вздохнул Прохор. — «Манька. Рыжуха. Телка...» Да не совестно вам? Советская власть вам землю дала, скотом наделила. А вы? Тьфу! Тошно смотреть. Для этого, что ли, люди за лучшую долю бились? Для этого, спрашиваю?

Остыли мужики, разошлись по домам. И пошли по селу разговоры:

— Прав Прохор Знатков....

— Хватит волками и лисами друг на друга...

— Не для этого люди за лучшую долю бились...

— Обобщить луговину!..

В тот же день сняли мужики изгороди и межевые столбы — любо взглянуть на берег реки Березайки.

Назад, в Питер, провожали Прохора всем селом. Шли огромной толпой четыре версты до самой станции.

— Молодец! — говорили крестьяне. — Сразу видать, что питерский. Одним словом, рабочий класс.

Книжная комната

Хвалилась Дарья:
— Книг у нашего барина прорва. Комната целая. Библиотечный зал называется. Книги в шкафах стоят. Их там немалые тысячи. Переплетики разные. Зеленые, красные, есть голубые, есть в васильковый цвет.
— Читающий барин, выходит, у нас человек — рассуждали крестьяне. — Любитель большой до книг.
А барин в имении вовсе и не жил. Книг не читал. Весь год проводил в Петербурге. Книги стояли без всякого дела.
Филька Кукулин как-то с отцом натирал полы в помещичьем доме и тоже в той комнате был. И тоже про книги потом рассказывал. Даже названий запомнил несколько.
— «Дон Кихот», — перечислял он на пальцах. — А. С. Пушкин — «Полтава»»; «Русские сказки»; Свифт — «Приключения Гулливера»; Диккенс — «Оливер Твист».
Потом рассказал про картинки. Мол, в книгах картинки, и тоже прорва. Смотрят на Фильку ребята с завистью.
— А про что же в тех книгах?
— Про разные разности, — ответил уклончиво Филька.
Как и другие, Филька тех книг не читал.
Ходили ребята к барскому дому, глазели в окна на книги.
— Вон «Гулливер», а чуть ниже — «Полтава»», — тыкал Филька пальцем в оконную раму. Показал, где стоит «Дон Кихот», где «Русские сказки», где Диккенс — «Оливер Твист».
Прижались к окнам носами ребята.
— Эх, подержать бы хоть раз в руках!
И вот — революция. Стало господское сразу народным. Достались крестьянам и барские книги. На душу по десять штук.
«Приключения Гулливера» теперь у старухи Мавриной. А. С. Пушкин, «Полтава», у Воеводиных. «Русские сказки» у Лапиных. У деда Клюева «Дон Кихот».
И Фильке выпало десять книг. Смотрит Филька — вот неудача. Все десять не на русском, на другом, непонятном они языке. И хотя бы одна с картинками!
И только Варьке, а Варьке всего-то четыре года, достался Диккенс — «Оливер Твист».
Ходили ребята к старухе Мавриной. Не дает «Гулливера».

Ходили они к Воеводину. Не дает Воеводин «Полтаву». Лапины прячут «Русские сказки». «Дон Кихот» сунул дед Клюев под ключ в сундук. И даже Варька вцепилась руками в книгу. И сама ведь читать не умеет, и другим не дает.
Стояли книги на полках у барина, теперь в сундуках у крестьян лежат.
Возможно бы, сгнили в сундучных глубинах книги.
Но тут вышел о книгах специальный декрет. Говорилось в нем: сохранить все бывшие барские библиотеки, сделать книги доступными всем.
Посовещались в селе крестьяне. Решили книги вернуть в имение. Пусть снова в шкафах стоят.
Хорошо получилось.
Идут из имения взрослые, дети. Книжки с собой несут: один «Дон Кихота», другой «Гулливера», третий «Полтаву». У четвертого Диккенс — «Оливер Твист».
Стояли книги без всякого дела. Нынче книги у всех в руках.

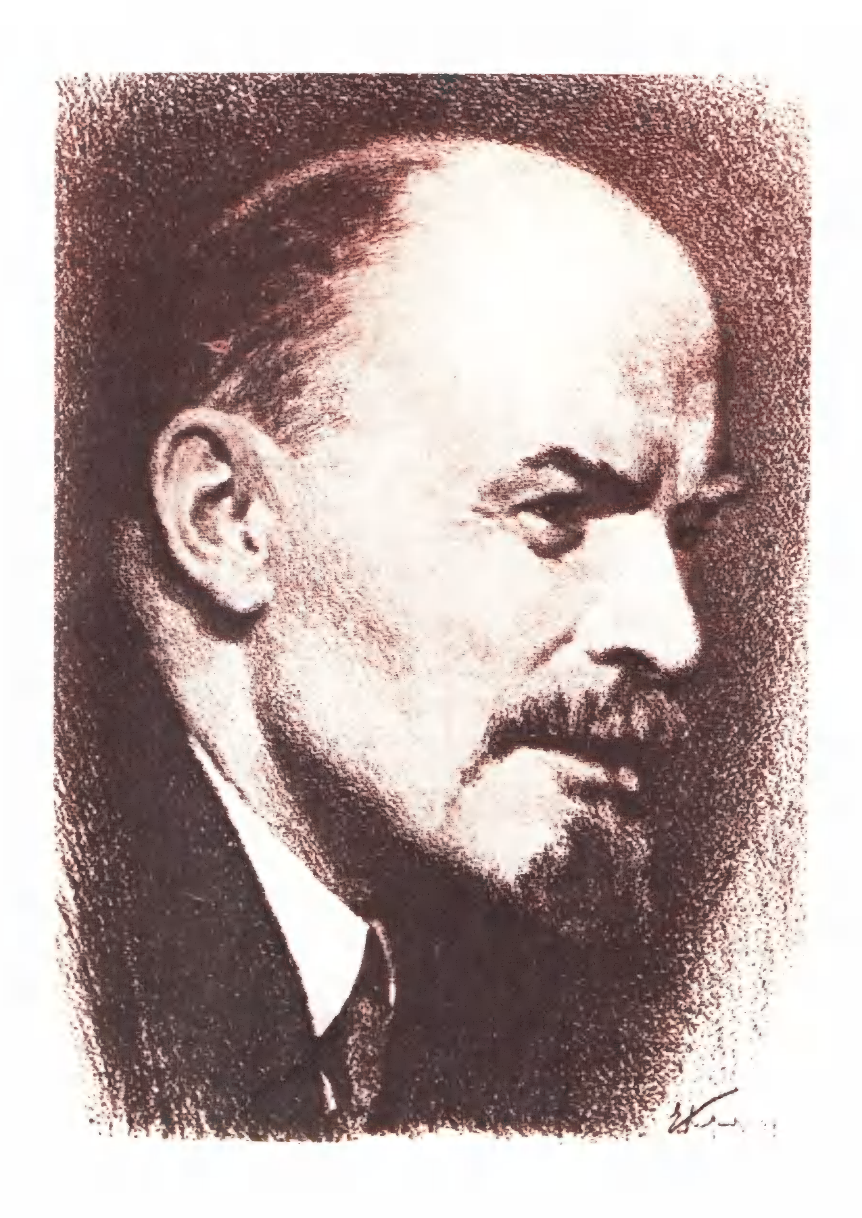
Тихий Тихон, громкий Громов

Дома их стояли как раз по соседству. Смотрят избы одна на другую через убогий, прогнивший забор. Две жердины — вот весь забор.
Тихий Тихон живет направо. Громкий Громов живет налево.
Утро. Проснется Тихон, оденется тихо, тихо выйдет к себе во двор, неслышно с делами крестьянскими возится.
Зато рядом, за теми двумя жердинами, стоит и ругань, и треск, и гром. Это проснулся Громов.
Косят крестьяне траву.
В ровненький ряд, по струнке ложится трава у Тихона. Каждой былинке тут собственный счет.
Машет Громов косой, как саблей. С корнем летит трава — словно ветер идет по лугу.
Так и во всем. В общем, разные люди они по характеру.
В поступках и мыслях разные.
Вышел Декрет о земле.
Отобрали крестьяне у барина землю, решали, как поступить с помещиком.
— Надо барину денег собрать на дорогу. За землю ему

уплатить. Пусть едет, куда желает, — предлагает крестьянам Тихон.
— В речку его, в Незнайку, в мешок и на дно, в самый надежный омут! — жаждет расправы с помещиком Громов.
Решали крестьяне, как поступить им с господским лесом.
— Надо охрану кругом поставить. Чтобы палки из леса никто не вынес, — предлагает крестьянам Тихон.
— Рубить его, братцы, рубить. До самого корня! — Громов в ответ кричит.
Что делать с господским домом, тоже решалось тогда в селе.
— Дом бы барину надо оставить, — предлагает крестьянам Тихон. — И так наказали. Пусть хоть в доме своем живет.
— Спалить его надо, спалить! А место то распахать. Чтобы и память о нем не осталась, — гудит, как колокол, громкий Громов.
Привыкли крестьяне к подобным спорам. Слушают Тихона, слушают Громова. Но поступают, подумав, по-мудрому: как большинство на селе решит.
Лес, конечно, крестьяне не порубили, но и охрану кругом не поставили. От кого охранять? Свое же теперь добро. Дом помещика не сожгли, но и барину его не оставили. Открыли в том доме народный клуб. Барина не утопили, но и денег на дорогу ему не дали. И так всю жизнь обирал крестьян.
Вскоре крестьяне избирали в селе Совет.
Одни говорили:
— Тихона, Тихона, тихого Тихона надо в Совет.
Другие кричали:
— Громова, Громова, громкого Громова! Вот кто лучше других управится.
Пошумели, поспорили, как водится, в день тот крестьяне.
А потом порешили так: не надо им тихого Тихона, не надо им громкого Громова. Избрали крестьяне других в Совет.

Гостинец

Крестьяне села Берёза решили с первого урожая послать гостинец Владимиру Ильичу Ленину.
Собрали мешок зерна. Отвезли на мельницу, перемололи.
Написали письмо:
Дорогой товарищ Ленин! Во первых словах спасибо тебе за землю, за луга и за леса. Хлеб выдался нынче у нас

хороший — по 80 пудов с десятины. Так что каждому будет. Решили и тебя не забыть. Пшеница у нас не родит. Посылаем муки ржаной. Не побрезгуй. Мука хорошая, тройного помола. Ради тебя старались.

Потом подумали и приписали:

Передай наш крестьянский поклон всей партии большевиков.
Мужики села Берёза. Писал за всех Епифан Дыра.

Хотели крестьяне отправить гостинец почтой, да не решились. Подыскали бойкого мужика Прокопа Гмырю. Посадили на телегу, отвезли на станцию, втолкнули в вагон.

— Чтобы никому! — кричали они на прощанье. — Чтобы в собственные руки. Понял?

Через неделю Гмыря вернулся.

— Ну, видел? Передал?

— Передал. Видел.

— Да ну?

— Ишь ты!

— Самого Ленина!

— Ну, а что сказал Ленин? Понравилось? Благодарил?

— А как же. «Передайте мое огромное спасибо товарищам крестьянам» — так и сказал. Два раза. И за муку, говорит, спасибо, и за поклон партии большевиков.

— Ишь ты, с уважением, — улыбались крестьяне.

— С пониманием.

— Ну а еще что говорил Ленин?

— Сказал, чтобы за Советскую власть держались крепко. Чтобы не только о себе думали. Рабочих не забывали. Вам, говорит, вместе с рабочими новую жизнь строить.

— Правильно, — согласились крестьяне.

— Что мы — другого войска? Довольны крестьяне.

Прошло около месяца. И вдруг получают березовские мужики письмо из города Нижнего Новгорода от рабочих судоремонтного завода.

Читают мужики письмо, удивляются. Благодарят их рабочие за мешок муки. Пишут, что роздали ее больным и детям, по два фунта каждому. Что мука хорошая, хлеб сытный. А в конце:

«Видать, есть среди вас умный и знающий человек. С хлебом у нас действительно плохо. Так что гостинцу вашему нет цены. Спасибо, что о нас, о рабочих, вспомнили».

Удивились крестьяне:

— Какой мешок?

— Какая мука?

— Э, да не та ли самая!

Сообразили крестьяне, в чем дело. Письмо от рабочих доброе, теплое. А все же крестьянам обидно. Собрались они в избе у Прокопа Гмыри:

— Видать, не понравился товарищу Ленину наш гостинец.
— Побрезговал. Так, для виду благодарил.
Призадумался Гмыря.
— Эх, вы... — произнес. — Для виду... От себя оторвал Ленин. О других думает.
Не зря тогда про рабочий класс говорил.
Смотрят мужики на Гмырю:
— А что, верно. Так оно и есть.
— Ты смотри: о себе ни слова. Словно бы гостинец от нас.
— Вот что, мужики, — заявил Гмыря. — Надо нам не пожалеть и послать в Нижний Новгород хлеба. Да не мешок. Что им мешок! Урожай хороший... Пошлем?
— Верно. Пошлем! — загудели крестьяне. — Поддержим рабочий класс. Вместе новую жизнь строить. Правильно учит Ленин!
На следующий день отрядили мужики на станцию две телеги с зерном. Снова послали Гмырю. Свесил конторщик груз. Записал адрес.
— Рабочим? — переспросил.
— Им самым.
— Гостинец?
— Так точно.
— От кого? Как указать?
Сощурил Гмыря глаза, глянул хитро на конторщика.
— Пиши. Да так, чтобы было ясно, красиво...
Клюнул конторщик пером в чернильницу стряхнул, приготовился.
— Пиши: «От Владимира Ильича Ленина», — проговорил Гмыря.

Приятность

Тульский рабочий Артемий Теплов прислал в родную деревню письмо. Было оно коротким: «Ждите гостей. Будет для вас приятность».
Чешут крестьяне в затылках, разводят руками, ломают головы.
— Непонятное что-то. Неясное. Кто же это приедет? Зачем? А главное, в чем же будет приятность?
Прошло дней десять. И вот прибыла из Тулы рабочая делегация. Да не просто так. Не с пустыми руками. Привезли рабочие серпы и косы, вилы, железные оси для тележных колес, петли, гвозди и прочую железную мелочь. Мужики так и ахнули:
— Вот это приятность!
А с серпами, косами да и другими железными изделиями была в ту пору в деревне беда бедой. Кое-как перебивались крестьяне.

Кадр из фильма С. Эйзенштейна
«Генеральная линия»

Разгорелись глаза у крестьян.
— Продавать будете?
— Нет, — говорят рабочие.
— Менять?
— Тоже нет.
Не поймут мужики, в чем дело.
— Привезли вам в подарок,— объясняют прибывшие. — От нас, от рабочего класса.
Удивились крестьяне:
— Бесплатно?!
— Ну да. От чистого сердца! Принимайте рабочий гостинец.

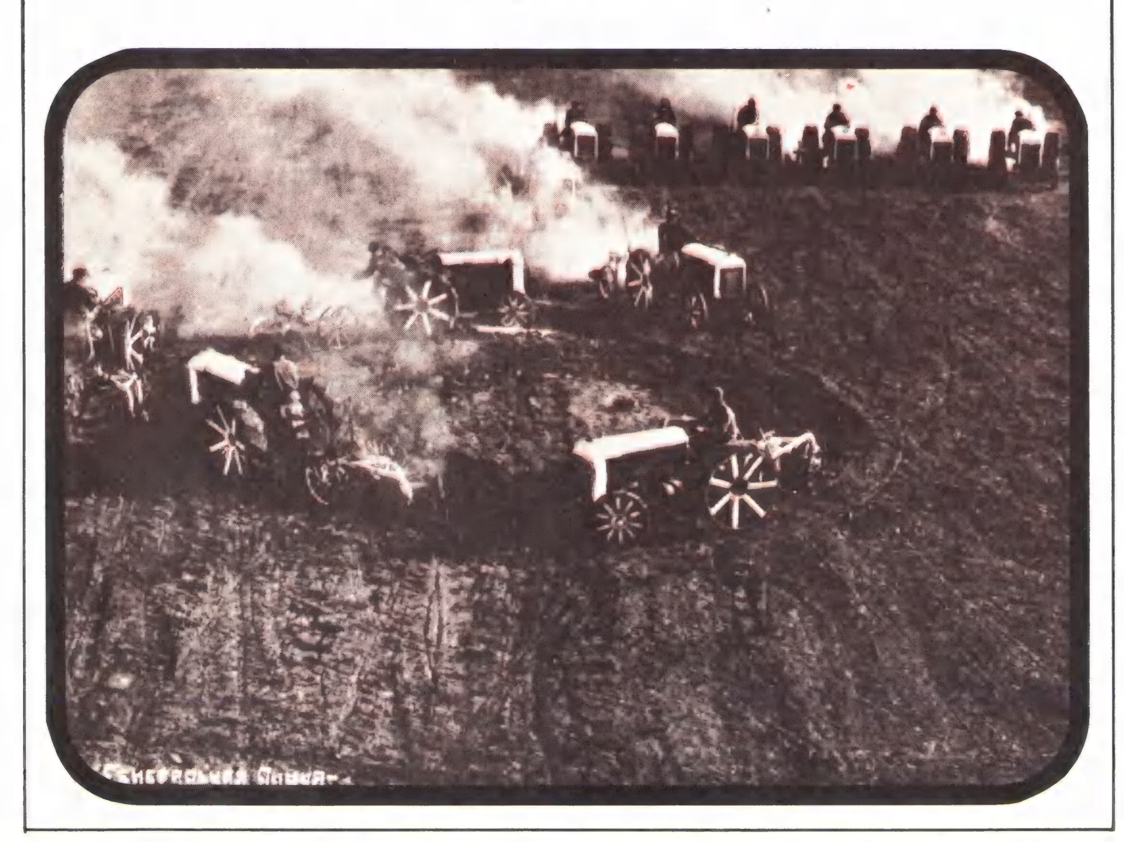

Кадр из фильма С. Эйзенштейна
«Генеральная линия»

Засуетились крестьяне, забегали. Потащили делегатов в избы, к столу.
Перекусили рабочие.
— Благодарим. Будьте здоровы. А нам пора назад, на завод.
— Да поживите хотя бы неделю! Речка, кругом леса.
— Спасибо, — отвечают рабочие. — Конечно, оно завидно. Да уж не в этот раз.
Поклонились гости, уехали.

— Ну и дела... — никак не могут прийти в себя мужики. — Чтобы задарма. По доброй охоте.
Вскоре приехал в село и сам Артемий Теплов.
— Ну как косы, как вилы?
— И косы хороши, и серпы, и вилы. А если говорить про приятность, то в том, что рабочий класс для нас вроде как брат родной, — в этом главная есть приятность.

Кадр из фильма С. Эйзенштейна «Генеральная линия»

Новые игры

Играли раньше ребята в царя и в царицу, в казаков да в разбойников. Надоели им старые игры. Что бы придумать новое? И вдруг:
— Давайте играть в штурм и во взятие Зимнего, — предложил Толя Буравкин.
Подивились ребята, а потом закричали:
— Верно! Согласны! Давай...
Собрались они у фабричной ограды в овражке, решают: что бы им было заместо Зимнего, кому наступать, кому оборону в Зимнем дворце держать, то есть кому из них становиться правительством Временным.
Не хотят ребята быть Временным. Все желают Зимний атакой брать.
Вот-вот сорвется у них игра. Спорят, шумят мальчишки.
Но снова нашелся Толя.
— Тихо! — крикнул он на ребят.
Показал рукой на заводские ворота.
Смотрят мальчишки: ограда, ворота. За воротами будка. В ней сторож сидит. Архип Спиридоныч Задвижкин.
Ловко придумал Толя: будка — Зимний дворец, сторож Задвижкин — правительство Временное.
— Будем штурмом ворота брать, — объясняет приятелям мальчик. — И при Зимнем ворота были.
Довольны ребята. Набрали палок — это ружья у них для атаки. Кое-кто крест-накрест ремни через шею и грудь повесил — это как будто пулеметные ленты. Двое повернули козырьком к затылку свои фуражки — это у них бескозырки. Буравкин принес самодельный пугач. Это будет заместо «Авроры». «Аврора» выстрелом к штурму сигнал подаст.
Готовы к атаке мальчишки. Притаились они в овраге.
Сидит в сторожке своей Задвижкин. Тихо. Спокойно кругом. Смена давно в цехах. Солнце весеннее светит. Вздремнул от безделья и благодати в сторожке охранник-дед. Не знает он, что отныне он вовсе не дед, а правительством сделался Временным.
Не чует беды, дремлет спокойно старый.
И вдруг сквозь приятный, блаженный сон слышит Задвижкин как будто бы выстрел. Встрепенулся старик. Кулаками протер глаза. «Эка какое, — решил, — приснится». Только подумал, и вдруг:
— Ура! Ура!

— Полундра!
— На ворота сигай! На ворота!
— Власть — Советам!
— Землю — крестьянам!
— Мир — всем народам!
— Эй, кто тут, сдавайся, временный!

Глянул старик в оконце, видит — летят мальчишки. Палки, как ружья, наперевес. Рты до ушей от крика.

Подбежали ребята к воротам. Поднавалились. Кто смелее, по прутьям наверх полез.

Выбежал старый, уперся в ворота.

— Стойте! Стойте! Лешие, стойте!..

Да где уж тут. Скрипнули вдруг ворота. Створки распались. Ввалились мальчишки во двор.

— Ура! Ура!..

Окружили в момент старика. За руки, за ноги держат.

— Сдавайся, сдавайся! — И, словно штыками, в грудь старику палками-ружьями тычут.

Трудно сказать, чем бы для деда игра закончилась. Но тут Толя Буравкин подал команду. Отпустили ребята Задвижкина. Рассказал ему Толя, в чем дело.

Конечно, поначалу старик ворчал, ругался. Отцам рассказать грозился.

Обиделся очень Задвижкин:

— Какой же я временный?! Я тут при воротах без малого тридцать лет.

— Так это ж игра, — объясняют мальчишки.

— Игра... — еще долго ворчал старик. Потом успокоился. Мотнул головой. Усмехнулся. Видать, и ему чем-то игра понравилась.

Вернулись ребята к себе в овражек. Довольны и штурмом, и взятием Зимнего.

— А теперь будем играть в декрет, — предлагает Буравкин.

— Верно! — кричат ребята.
— В тот, что про мир!
— В тот, что про землю!
— В новую школу!

Играли ребята раньше в царя и в царицу, в казаков да разбойников. Новое нынче время, новые нынче игры.

„Эксплуататор"

Скидывали эксплуататоров. Всяких — больших и малых. Разобрался Антошка в том, что этим словом называется тот, кто эксплуатирует труд другого. Стал прикидывать: а кто же в семействе у них такой? Отец! Нет. Отец хоть и всыплет

Антошке порой ремнем, но чтобы эксплуатировать — нет. За отцом такого не водится. Может, мать? Не подходит сюда и мать. Она же целый день вместе с отцом на работе. Почти не видит Антошка мать. Может, сестренка Фенька? «Хм, — усмехнулся Антошка, — Фенька!» Да он этой Феньке так наподдаст, что она и как звать-то ее позабудет. И вдруг нашел Антошка, кого искал. Это же бабка, бабка Ефросинья Никитична.
Кто за водой посылает Антошку? Бабка.
Кто гонит дрова пилить? Бабка. Кто постель убирать принуждает? Кто стоит за спиной, заставляя уроки делать? Бабка.
Все она — Ефросинья Никитична. Бабка!
Вот кого надо скидывать. Только как и откуда же скидывать бабку, этого мальчик не знал.
Если бы знал, худо пришлось бы Ефросинье Никитичне. А так уцелела в семействе бабка. Придиралась и дальше к внуку. Приучила его к порядку. Воду мальчик носит. Дрова пилит. Кровать за собой прибирает. Уроки всегда готовит. Воспитала все же Антошку бабка.
Вырос Антошка, бабке сказал «спасибо».

Автомобиль

Наслушался Колька новых слов: «национализация», «экспроприация», «собственность Российской республики»...
Собрал дружков и приятелей, стал им растолковывать про новую жизнь.
— Экспроприация, — объяснял, — это когда у капиталистов и помещиков отнимают все их богатства. Национализация — когда эти богатства передают в руки трудового народа. Богатые — они живоглоты, — уточнял Колька. — У них силой брать нужно.
Не хочется ребятам отставать от общего дела. Стали они думать, что бы такое им экспроприировать и национализировать.
Один предложил отобрать футбольный мяч у генеральского сына Ардалеона Кукуева.
Второй — конфеты и сахар из лавки купца Бондалетова.
Третий — отнять говорящего попугая у графини Чичериной.
— «Попугая»... — передразнил Колька. — Зачем попугай трудовому народу? Фабриканта Заикина знаете?

— Знаем.
— Автомобиль «роллс-ройс» видели?
— Видели.
— Будем экспроприировать автомобиль.
Ребята так и замерли от неожиданности.
— Научимся управлять, — продолжал Колька. — Всех бесплатно станем катать по городу.
Прав Колька. Лучше и не придумаешь!
На следующий день устроили ребята возле заикинского дома засаду. Дождались, когда подъехал «роллс-ройс» и ушел хозяин. Выбежали, облепили автомобиль со всех сторон. Колька залез в кабину, отпустил рычаг, тормоза. Поднавалились ребята, покатили автомобиль.
— Быстрей, быстрей! — кричит из кабинки Колька.
Катят ребята «роллс-ройс», и чем дальше, тем быстрее. Набирает машина скорость. Сидит Колька важный, довольный. Вцепился руками в руль.
Улица пошла под уклон. Закрутились колеса быстро-быстро. Ребята едва поспевают сзади.
— Держи его, держи! — вопит Колька.
Да где уж! Разогналась машина, отстали ребята. Хочет Колька схватить за рычаг тормоза, однако с перепугу растерялся: где рычаг, сообразить не может. Перешел автомобиль с правой стороны улицы на левую, выскочил на тротуар и в дерево — бух! Вылетел из кабины Колька. Лицом о булыжники — шмяк! Поднялся на улице крик. Поняли ребята, что дело может плохим закончиться, — и в разные стороны. Вскочил Колька и тоже стремглав от машины.
Вернулся Колька домой. Лицо распухшее. Синяк под глазом. Рубаха порвана.
— Боже! — всплеснула руками мать. — Никак опять с Гришкой Матафетовым дрался?
— Опять озоруешь, — обозлился отец.
Молчит Колька.
— Ну, я тебе помолчу!
Потянулся отец за ремнем. Сложил его вдвое. Понял Колька — не будет пощады. Решил признаваться.
— Автомобиль, — произнес.
— Что — автомобиль?
— Заикина.
— Что — Заикина?
Рассказал Колька про экспроприацию.
Опустил Колькин отец ремень, усмехнулся.
— И всюду-то ему свой нос сунуть надо, — проворчала мать. — Всыпь, всыпь ему как следует, Митрофан

Афанасьевич!
— Вот и всыплю. Ох, как всыплю! — отозвался отец.
Однако по тому, каким тоном говорила мать и как ей отвечал отец, Колька понял, что драть его сегодня не будут. Ну и верно! За что же драть? Ведь Колька не для себя, для всего трудового народа старался.

„Миссисипи“

Любили ребята выходить к берегу Волги — смотреть, как отчаливает «Миссисипи». Два колеса. Две трубы. Две палубы. Загудит — мертвого из гроба поднимет. Вот бы на таком прокатиться!
Да только не про их честь «Миссисипи». Господа да разные важные бары заполняли палубы парохода.
Сам владелец судна, дородный, широкогрудый, длиннобородый купец Митридатов, встречал пассажиров.
— Милости просим, в полное ваше удовольствие: отдельные каюты, ресторации, душ, буфет, — объяснял он каждому.
Димка Пухов, сын кочегара, побывал как-то на пароходе. То-то было потом рассказов.
— Машина у него — во! — разводил Димка руками. — Угля жрет — во! — привставал он на цыпочки. — Палуба — гладкая-гладкая. Лестницы коврами выстелены.
А Миссисипи — это река в Америке.
Зиму с семнадцатого на восемнадцатый год пароход простоял в затоне. А с весны началась национализация речного транспорта. Пришла пора и Митридатову расставаться со своим «Миссисипи».
— Митридатову — крышка, — объяснял Димка приятелям. — Крышка, и точка. Нынче хозяин пошел иной. Трудовой народ нынче всему хозяин. Во как!
Вот и пристали ребята к Димке: пусть, мол, он попросит отца-кочегара, а тот кого следует, устроит ребятам катание.
— Ишь чего захотели! — усмехнулся Димка.
Однако мысль о катании и самому пришлась по душе.
— Порядок, — заявил он через несколько дней.
Вода в этот год стояла высокая. Волга разлилась на оба берега. Затопила она острова, соединила протоки, подошла к далекому лесу. Раздолье в такую пору на Волге. Ждут не дождутся ребята, когда же будет катание.
— Скоро, — успокаивает

Димка.
Через день:
— Совсем скоро.
Еще через день:
— Завтра!
И вдруг ночью над Волгой раздался страшный взрыв.
Прибежали на рассвете ребята к крутому берегу, глянули вниз — нет «Миссисипи».
Не захотел Митридатов отдавать пароход трудовому народу, взорвал, затопил «Миссисипи».
Эх ты, пропало катание...
Пока поднимали со дна реки, пока чинили, а потом красили пароход, прошло лето. А с осени ребята снова завели разговор про старое. Снова Димка говорил с отцом и опять заявил:
— Порядок.
Ходят ребята за Димкой:
— Скоро?
— Скоро.
— Совсем скоро?
— Завтра.
Прибежали ребята с самого утра к Волге, к крутому берегу, глянули вниз — нет «Миссисипи».
Что такое? Где пароход?!
А время было тревожное. Не смирились богачи с потерей земли, фабрик, заводов.
Организовали они белые армии, пошли войной против молодой Советской республики.
Вот и уплыл на войну «Миссисипи». Установили на нем пулеметы и пушки, посадили красных бойцов, отправили бить белых.
Сгрудились ребята на волжской круче, рассуждают:
— Правильно.
— Мы подождем.
— Нам не к спеху. Пусть себе едут красные бойцы. Пусть бьют, разбивают белых.
— Возвращайтесь домой с победой!

Часы с боем

Проснулся Фомка, поерзал на нарах, по малым делам помчался на улицу.
Ночь. Темно. Туман по улице стелется. Завернул Фомка за угол заводского барака, вдруг слышит — шаги.
Замер мальчик, прислушался. Шаги все громче и громче. Где-то рядом совсем.
Насторожился Фомка. Видит — из темноты, из тумана появились три человека. Двое ящик какой-то тащат, третий несет лопату.
Всмотрелся Фомка — так это же бывший владелец завода Елизар Елизарович Мойкин. Мойкин с двумя сыновьями.
«Ящик. Лопата. Куда же это они?» — заинтересовался Фомка. Тихонько двинулся

следом.
Мойкины шли к заводской водокачке. Поравнялись. Поставили ящик на землю. Принялись рыть яму. Роют, торопятся. Озираются по сторонам, прислушиваются.
«Клад зарывают», — сообразил Фомка.
Переждал он, пока Мойкины не завершили свою работу, обошел вокруг водокачки, приметил место, вернулся домой.
Лежит Фомка на нарах, ворочается, заснуть не может.
Утром чуть свет побежал к дружку своему, Капке Затворову.
— Капка, Капка, — тормошит Фомка приятеля. — Вставай, Капка!
Продрал Капка глаза:
— Ну что тебе?
— Клад, клад!
— Какой еще клад?!
— Настоящий!
Рассказал Фомка Капке про ночную встречу. Вскочил тот, собрался.
Схватили ребята лопаты, бегут к водокачке.
— Там денег небось... — говорит Фомка.
— Деньги — что! Деньги — бумага. Там золото и бриллианты, — поправляет приятеля Капка.
Прикидывают ребята, что же им делать с такими богатствами.
— Пряников купим, — говорит Фомка.
— Пряники — что! — отвечает Капка. — Бисквит настоящий купим, безе или крем-брюле.
Смотрит Фомка на Капку. Ну и Капка! Всегда-то он придумает. Хоть, что такое и бисквит, и безе, и крем-брюле, Фомка не знает, однако виду не подает, — видать, что-то очень и очень вкусное.
Размечтались ребята. Матерям пуховые шали решили купить, сестрам ситцу на платья и ленты, отцам сапоги или штиблеты. Потом стали перечислять знакомых своих и соседей. Малининым фунтов десять крупы — едоков у Малининых много. Деду Харламову — валенки. Инвалиду Зарубину — новый костыль: он давно о новом мечтает. Слесарю дяде Вавилину — шестиклинную кепку.
— Он не возьмет, — заявил Капка.
— Возьмет-возьмет... Кепка у него старая-старая.
Прибежали ребята к заводской водокачке. Сразу за дело.
— Быстрей, быстрей! — командует Капка.
Толкутся ребята, мешают друг другу. Но вот наконец лопаты уперлись в ящик.
— Тик-так, тик-так... — слышат мальчишки.

— Часы это, часы-ходики, — произнес Фомка.
— Ходики, — усмехнулся Капка. — Это либо будильник, либо часы «Павел Буре» с боем.
Увлеклись ребята. Не заметили, как сзади подошел кто-то. Оглянулись, а это слесарь, дядя Вавилин.
— Ну, что у вас тут?
Смутились ребята.
— Клад, — наконец произнес Фомка — Там золото. Там часы тикают. «Павел Буре» с боем.
— Часы?
Вавилин поспешно нагнулся над ямой, прислушался...
— А ну, отходи! — прикрикнул на мальчиков.
Попятились те.
Протянул Вавилин к ящику руку, повозился. Утихли часы. Поднялся он, вытер проступивший на лбу пот, усмехнулся:
— Клад... А ведь и вправду что клад. Динамитом тот клад называется.
Оторопели ребята.
— Там же часы.
— Часы, да не те. Это механизм специальный для взрыва.
Ну а теперь докладывайте все по порядку.
Доложили ребята.
— Да... — произнес Вавилин. — Вот вам и «Павел Буре».
— Эх, пропали шали и ленты... — вздохнул Фомка.
— Шали и ленты — что! — отозвался Капка. — Водокачка ценнее.
Рассмеялся Вавилин:
— Молодец, Капка!
В тот же день Мойкин и оба сына его были взяты под стражу. Судили их.
Судили строго, по революционным законам.
Фомка и Капка тоже ходили на суд. И опять обо всем рассказывали.
В протоколах суда числились они как свидетели. Однако и сам судья и все сидящие в зале понимали, что тут что-то не так, что слово это не то. Какие они свидетели! Они — главные в этом деле.

Как ребята делили небо

Пришла Советская власть в деревню Старые Дворики.
Насмотрелись ребята, как взрослые делили господскую землю, живность и другое добро, размечтались:
— Эх, и нам бы придумать какой дележ!
А так как делить было больше

нечего, все уже делено и переделено, то Колька Рябов вдруг предложил:
— Давай делить небо.
— Вот те раз, как же его делить?! — усмехнулись ребята.
— А вот так и делить. По-хорошему. Поровну!
— Это понятно. Ну разделим. А дальше? Что же с ним дальше делать?
— Как — что?! Все, что желаешь: избу ставь, паши, коней выводи в ночное.
Подивились ребята: забавно... Было их четверо: Колька Рябов, Еремка Дударов, Гришатка Кобылин, Марфутка Дыгай.
— Ладно, делить — так делить.
Провели они по небу одну черту вдоль, другую поперек. Кинули жребий, кому какой край достанется.
Соберутся ребята за селом на лугу. Плюхнутся в травы. Животы — кверху. Глаза — в небо. Хорошо, когда ты хозяин. Делай все, что взбредет тебе в голову.
Распахал свой участок Еремка Дударов под жито. Колосится, наливается янтарным колосом рожь.
Вывел Гришатка Кобылин коней в ночное. Разжег костер у самого края неба. Разукрасила, заполонила васильком и ромашкой свою долю Марфутка Дыгай.
И Колька Рябов тут же со всеми. Глаза воспалились. Брови вразлет. Рот приоткрылся. И чудится Кольке дробь барабана. Слышится горна призывный звук. И знамя, красное знамя полощется по небу. Видит Колька себя верхом на лихом коне. С острой пикой наперевес.
А оттуда, где небо смыкается с полем, из-за тучи, прикрывшей закат, вдруг выползают несметные чудища.
— Бей их, бей их! Кроши! — по-геройски несется Колька. — Ура! — размахнулся рукой.
Еремка Дударов тронул друга за плечи.
— Чего это ты?
Смутился Колька, ничего не ответил. А в ушах по-прежнему конский цок. И рука не разжала пику.
То-то забав у ребят. То-то веселья. Выйдут на улицу вечером. Головы — кверху. Звезды считают. Сколько каждому звезд перепало. Считают, считают — собьются со счета. Рассмеются, заспорят.
— Сначала! Сначала!
Снова работа.
А тут, по весне, по первой грозе, босиком да по лужам примчались ребята к речке на мост:
— Ух, полыхает!
— Ух, громыхает!

Молния. Гром. Тучи кругом. Речка взыграла, словно хмель в берегах. По-разбойному ветер присвистнул. Горохом об стену по бревнам дождь.
— Видать, к урожаю!
— Из нашего неба!
— А не хотели делить!
Дружно жили ребята. И вдруг... Дело было в начале лета. Опять на лугу собрались ребята. Снова лежат. Каждый занят своим участком. Солнце катит по небу. Шепчутся травы. Перепелка издала крик.
И вот тут-то Гришатка Кобылин заметил несправедливость: достался ему кусок неба с несолнечной, с северной стороны. Насупился Гришатка, привстал:
— Обдурили!
Повскакали ребята. В чем дело?
— Солнце себе, а мне дулю, — тычет Гришатка рукой на небо.
Смотрят ребята: верно.
— Так ведь по жребию, — произнес Еремка Дударов.
— По справедливости, — бросила Марфутка Дыгай.
— Хочу участок с солнцем, с солнцем! — не утихает Гришатка. — Арбузы хочу сажать.
Раскричались ребята. Не заметили, как перессорились. Надулись, разошлись по домам. А дома задумались.
— Нехорошо это у нас получилось, — рассуждает Еремка Дударов.
— Зазря перессорились, — всплеснула руками Марфутка Дыгай.
И Колька подумал: «А ведь прав Гришатка — каждому солнца хочется».
Собрал тогда Колька Рябов снова ребят:
— Вот что, давай обобщим небо.
Уставились ребята на Кольку, а потом закричали:
— Правильно, правильно! Сделать общим, общим его!..
— Солнце — оно одно, — заявил Колька. — Пусть всем светит.

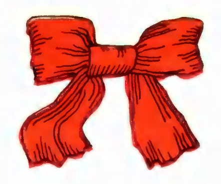
Научно-популярное
издание

Сергей Петрович
Алексеев

Выстрел «Авроры»

История Отечества

Рассказы для детей

Заведующая редакцией
Л. И. Коровкина

Редактор
Е. Д. Гончарова

Художник
А. А. Семенов

Художественный редактор
С. Г. Михайлов

Технический редактор
Е. А. Ревич

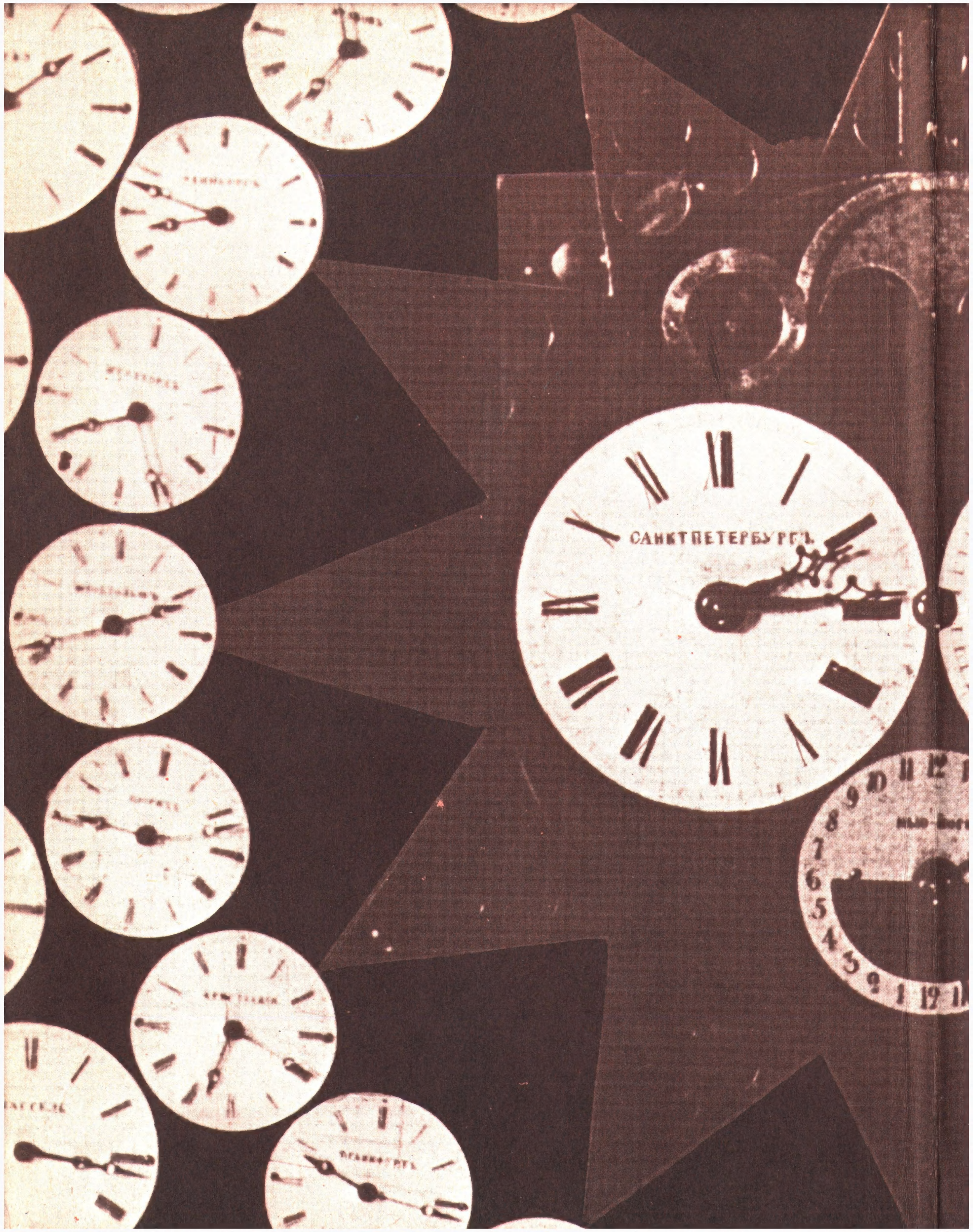
Корректор
В. С. Антонова

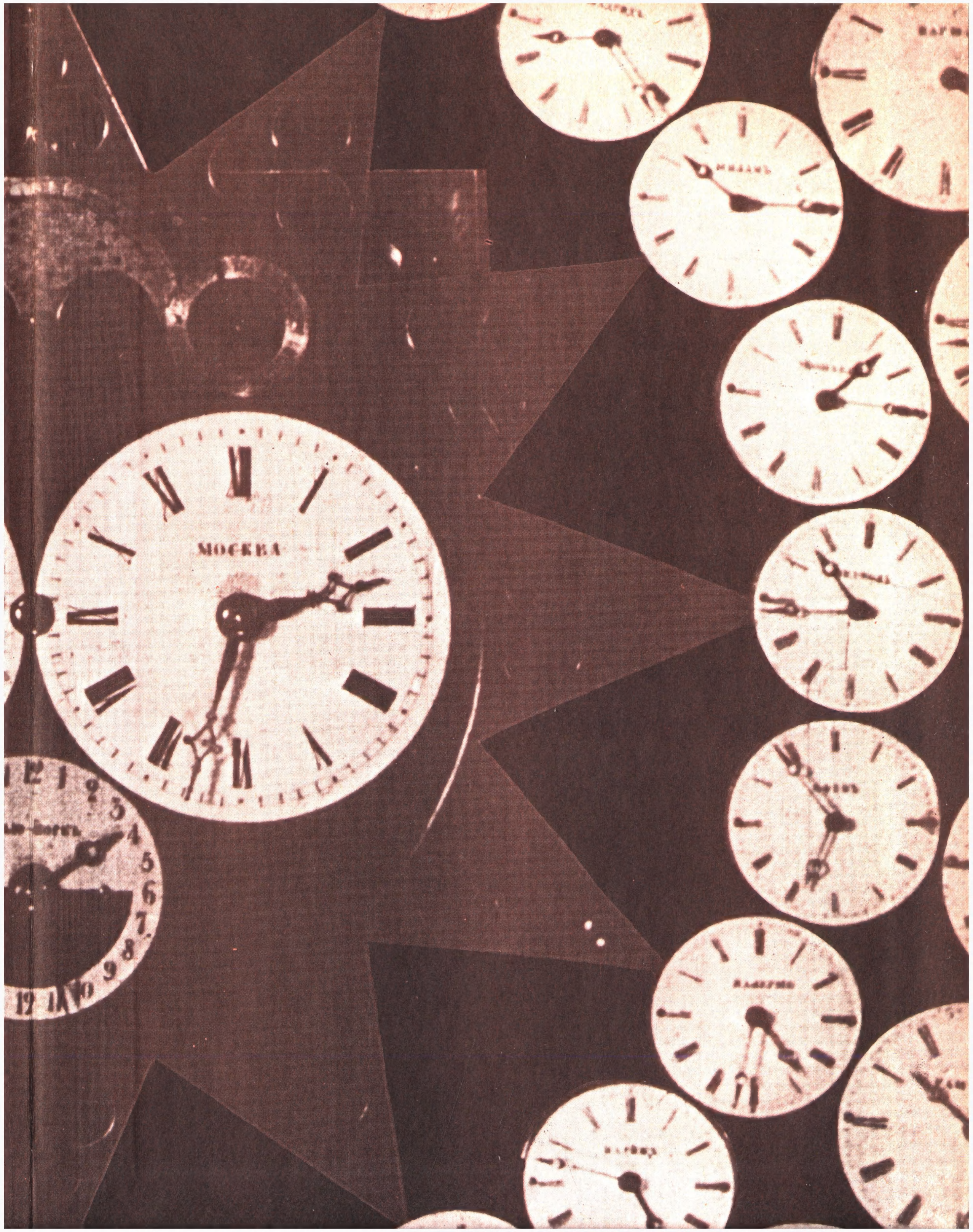
ИБ № 1240
Сдано в набор 06.04.87.
Подписано в печать 08.06.87.
Формат 70×90 1/16.
Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура литературная.
Усл. печ. л. 16,38+2,34 вкл.
Уч.-изд. л. 15,67. Усл. кр.-отт.
42,84. Тираж 150 000 экз.
Заказ № 631.
Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Педагогика»
Академии педагогических
наук СССР
и Государственного
комитета СССР
по делам издательств,
полиграфии
и книжной торговли
107847, Москва,
Лефортовский пер., 8

Ордена Трудового
Красного Знамени
Калининский
полиграфический комбинат
Союзполиграфпрома
при Государственном
комитете СССР
по делам издательств,
полиграфии
и книжной торговли
170024, Калинин,
пр. Ленина, 5

Часы, показывающие
время начала новой эры
в истории человечества.
Кадр из фильма
С. Эйзенштейна
«Октябрь».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

МОСКВА

1 р. 90 к.

Сергей Алексеев
Выстрел «Авроры»